

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

e-ISSN 1816-8590

DOI 10.22394/1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2020. № 4(136)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2020
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук, начальник департамента Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами (Москва)

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфвич Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кулина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences, Head of the Department of the Presidential Directorate for Interregional Relations and Cultural Contacts with Foreign Countries (Moscow)

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — PhD in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);

Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Halín V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 8** **От главного редактора. Кризис — новый способ обозначить старые проблемы**

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 10** **ШАМАХОВ В. А.**
Проблема прекариата — вызов для России и Европы в условиях кризиса
- 20** **МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Национализм, авторитаризм, фашизм: почему в странах Прибалтики прошлое становится будущим

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 33** **БОЙКО И. В.**
Экологические аспекты современного экономического развития
- 42** **ЛАПЫГИН Ю. Н., ТУЛИНОВА Д. В.**
Кластерная политика по результатам анализа ситуации в муниципальном образовании
- 53** **КУКЛИНА Е. А., СЕМКОВА Д. Н.**
Цифровые технологии как ключевой инструмент повышения эффективности нефтегазовой отрасли России в современных условиях функционирования
- 66** **НОВИКОВА И. Н., ПОПОВ Д. И.**
Внеэкономические связи Ленинградской области и Швеции в первое двадцатилетие XXI века: проблемы и перспективы
- 80** **ПОЛЯНИН А. В., СОБОЛЕВА Ю. П., ТАРНОВСКИЙ В. В.**
Цифровизация процессов малого и среднего предпринимательства
- 97** **ТУРДИЕВ Т. И.**
Стратегический потенциал механизмов микрокредитования и социального бизнеса для роста благосостояния населения Кыргызстана

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 108** **ПЕХОВА Л. С., ГАФАРОВА Д. А.**
О развитии активности граждан в решении вопросов местного значения в муниципальных образованиях Калининградской области
- 116** **БОРИСОВА Е. Ю.**
Метод рационального распределения учебных дисциплин в системе высшего учебного заведения

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 124** **ГРИДНЕВ В. П.**
Крах фашистской цитадели
- 129** **ДЕМИДОВА Е. Н.**
Некоторые аспекты явления политического лидерства на примере исторической личности

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 140 ВИДЯСОВ Е. Ю.**
Результаты эмпирического исследования функционирования
каналов электронного участия граждан: материалы экспертного опроса
в Санкт-Петербурге
- 145 КАШИНА М. А.**
Реализация Национальной стратегии действий в интересах женщин:
опыт Санкт-Петербурга
- 152 МАРКУШИНА Н. Ю., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Рецензия на сборник статей «Польша в борьбе
за Восточную Европу 1920–2020»

EDITOR'S COLUMN

- 8 From the Chief Editor. Crisis — a New Way to Emphasise Old Problems**

POLICY AND LAWFUL STATE

- 10 VLADIMIR A. SHAMAKHOV**
The Problem of Precariate is a Challenge for Russia and Europe in Times of Crisis
- 20 NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Nationalism, Authoritarianism, Fascism: Why in the Baltic States the Past Becomes the Future (Article Two)

POWER AND ECONOMY

- 33 IRINA V. BOIKO**
Ecological Challenges and the Modern Economic Development
- 42 YURY N. LAPYGIN, DARYA V. TULINOVA**
Cluster Policy Based on the Analysis of the Situation in the Municipality
- 53 EVGENIA A. KUKLINA, DARIYA N. SEMKOVA**
Digital Technologies as a Key Tool to Increase the Efficiency of the Russian Oil and Gas Industry in Modern Conditions of Functioning
- 66 IRINA N. NOVIKOVA, DMITRY I. POPOV**
Economic Relations between the Leningrad Region and Sweden at the Beginning of XXI Century: Challenges and Perspectives
- 80 ANDREY V. POLYANIN, YULIYA P. SOBOLEVA, VLADIMIR V. TARNOVSKIY**
Digitalization of Processes of Small and Average Business
- 97 TALAII I. TURDIYEV**
The Strategic Potential of Microcredit Mechanisms and Social Business for the Growth of Welfare of the Population of Kyrgyzstan

SOCIETY AND REFORMS

- 108 LYUDMILA S. PEHOVA, DIANA A. GAFAROVA**
On the Development of Citizens' Activity in Solving Local Issues in the Municipalities of the Kaliningrad Region
- 116 ELENA YU. BORISOVA**
The Method of Rational Distribution of Academic Disciplines in the System of Higher Education

HISTORY AND CULTURE

- 124 VALERY P. GRIDNEV**
The Collapse of the Fascist Citadel
- 129 ELENA N. DEMIDOVA**
Some Aspects of Political Leadership on the Example of Historical Persona

SCIENTIFIC LIFE

- 140** **EVGENIY YU. VIDYASOV**
Results of Empirical Study of Channels of Electronic Participation of Citizens:
Materials of Expert Survey in St. Petersburg
- 145** **MARINA A. KASHINA**
Implementation of the National Strategy for Women:
Experience of Saint-Petersburg
- 152** **NATALIA YU. MARKUSHINA, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Review of the Collection of Articles “Poland in the Struggle
for Eastern Europe 1920–2020”

Кризис — новый способ обозначить старые проблемы

Crisis — a New Way to Emphasise Old Problems

Главные слова апреля — личная и общественная безопасность и здоровье. Не будем спорить, но возникает вопрос, какие слова станут главными после того, как эпидемический кризис пройдет, а экономический останется?

После кризиса далеко не сразу начнется созидание нового мира, будет долгий период переоценки ценностей прежней модели, осмысление текущей реальности, и осторожный зондаж будущего.

Какие-то позиции очевидны уже сейчас. В новом/старом мире границы в голове и на местности вернутся. Чужаки Трампа станут мейнстримом мировой экономической политики, в том числе и в странах, не считающих США образцом совершенства. Финансовые институты со своими экзотическими инструментами станут еще более рисковыми, чем раньше. «Обычная ипотека»

превратится в инструмент, способный сделать нового безработного еще и бездомным. «Средний класс» станет еще более слабым, а попадание туда молодежи еще более проблемным¹.

Надоевшие разговоры о том, что идет схватка между демократией и авторитаризмом, вероятно, будут продолжены, но их реальное содержание выхолощено. Сотни миллионов интересует не табличка или ярлык, а эффективность государственного управления. Наибольшую эффективность в защите людей показывают страны, чей демократический статус оспаривался. Соответственно, возникает еще один вопрос — какова ценность тысяч рейтингов, демонстрирующих блестящее лидерство именно тех стран, которые не выдержали удара кризиса?

Президент Французского института международных отношений Тьерри де Монбриаль указывает на главную проблему — кризис управления: «Масштабы пандемии COVID-19 столь же ошеломляющи, как и провал международного сотрудничества, который она продемонстрировала»². «Ялта-2» — это объективная необходимость, что было ясно и в 2019 г. В настоящее время повестка дня в рамках реформы

¹ Шамахов В. А., Межевич Н. М. «Дивный новый мир» и его вызовы для российской молодежи // Изборский клуб. 2019. № 2 (68). С. 56–65.

² Тьерри де Монбриаль. Халатность глобального масштаба [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/halatnost-globalnogo-masshtaba/>

глобального управления существенно увеличилась. Не нашлось ни одного наднационального института, который показал бы себя эффективным.

Геоэкономическое пространство глобализированного мира характеризовалось категоричным и вроде бы доказанным утверждением о том, что глобальный рынок всегда выгоднее национального или регионального. В конце прошлого века произошел переход от системы «рынок — государство» к системе «много государств — один рынок», однако сейчас начинается обратный процесс.

Одновременно обозначились поразительное сходство проблем, стоящих перед ведущими государствами, и весьма относительные способности справляться с этими проблемами. В этих условиях следует вернуться к обсуждению вопроса о «новой Ялте».

«Новая Ялта», скорее всего, окажется «новым Шанхаем», но в любом случае процесс выстраивания адекватных механизмов балансирования интересов крупнейших игроков предполагает формирование новых механизмов управления. Поиск управленческих решений, адекватных современному состоянию мировой политики и экономики, представляет собой крайне сложную задачу. В отличие от победы над вирусом успех здесь не очевиден.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Проблема прекариата — вызов для России и Европы в условиях кризиса

Шамахов В. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamakhov-va@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Любой экономический кризис, даже самый малозначимый, немедленно отражается на социальной структуре общества. Критерий эффективности общественного развития — рост конечного потребления и объективное осознание людьми эффективности своих жизненных стратегий. Процессы, развертывающиеся в мировой экономике, существенно ускорили разрушение именно той социальной страты, которая в любом обществе обеспечивает стабильность всех. Средний класс — противоположность прекариата — оказался под перекрестным ударом экономики и эпидемии. Количественные различия в параметрах среднего класса в Европе и России не должны мешать восприятию ключевого общего момента: прекариат, лишенный социальных гарантий, — явление пришедшее надолго, если не навсегда. Кризис существенно ускорит изменение социальной структуры общества, как в Европе, так и России.

Ключевые слова: средний класс, Европа, Россия, прекариат, социальная структура, экономическое развитие, кризис

Для цитирования: Шамахов В. А. Проблема прекариата — вызов для России и Европы в условиях кризиса // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 10–19.

The Problem of Precariate is a Challenge for Russia and Europe in Times of Crisis

Vladimir A. Shamakhov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *shamakhov-va@ranepa.ru

ABSTRACT

Any economic crisis, even the least important one, immediately affects the social structure of society. The criteria for the effectiveness of social development is the growth of final consumption and the objective awareness of people of the effectiveness of their life strategies. The processes that are unfolding in the world economy have significantly accelerated the destruction of the social strata that in any society ensures the stability. The middle class — the opposite of the precariate — is under the crosshairs of the economy and epidemic. Quantitative differences in the parameters of the middle class in Europe and Russia should not interfere with the perception of the key common point: a precariate devoid of social guarantees has come for a long time, if not forever. The crisis will significantly accelerate the change in the social structure of society, both in Europe and Russia.

Keywords: middle class, Europe, Russia, precariate, social structure, economic development, crisis

For citing: Shamakhov V. A. The Problem of Precariate is a Challenge for Russia and Europe in Times of Crisis // Administrative consulting. 2020. No. 4. P. 10–19.

Поиск значимой информации и построение прогнозов развития мировой экономики предполагает изучение исторических аналогий. Экономические кризисы XX в. были настолько разнообразны, что было бы странно избежать соблазна сопоставления. Сравнительно-сопоставительных исследований, определяемых как ком-

паративистские. Компаративистика — это и комплексный научный метод, и совокупность научных приемов познания, основанная на сопоставлении.

Отметим в этом контексте то, что предшествующие пандемии не изменили мировой порядок, хотя и ускорили нарастание тех или иных кризисных явлений в экономике. Да, ускорялось перераспределение экономического и политического веса государств и регионов внутри мировой экономической, а затем и политической системы, провоцировались военные конфликты. Однако никаких принципиально новых тенденций не возникало.

При этом усиливались государства — институты, способные взять на себя необходимые в случаях чрезвычайных ситуаций функции распределения и контроля. Не наднациональные институты, не альтернативные формы власти. Государство не отмирает: оно существенно усиливается, вводя все новые и новые механизмы, позволяющие контролировать жизнь граждан во всех ее аспектах. Носители идеологической альтернативы вынуждены молчать. Однако это молчание может стать долгим только в том случае, если государства получают масштабную народную поддержку. Это произойдет в том случае, если государство поможет населению справиться с новыми вызовами. Иными словами, государство обязано не допустить упрощения социальной структуры, помочь не только бедным, но и среднему классу.

Вызовы для экономики, формально привязанные к эпидемии — хороший повод для восстановления национальных суверенитетов. Глобализация инициировала появление таких институтов управления, которые на определенном этапе стали работать в собственной логике, а не встраиваясь в традиционные модели. Вместе с тем, новые возможности возникают и у социально значимых общественных организаций. Предложения этих организаций в ряде случаев успешно встраиваются в текущую повестку дня. К примеру, международная организация Oxfam уже предложила принять так называемый «Пакет чрезвычайной помощи для всех». Речь идет, в частности, о списании выплат по долгам развивающихся стран на 1 трлн долл. в этом году, о создании международных резервов для финансовой помощи, о выделении дополнительно 500 млрд долл. на поддержку систем здравоохранения. Однако организация имеет высокий статус и авторитет, но очень мало денег.

США не только инициировали «глобализацию-1», но и сами начали отказ от нее. Процесс был выведен в публичное поле Д. Трампом, и до кризиса это вызывало многочисленные возражения как в своей стране, так и во всем мире. Однако кризис ускорит отказ от многосторонних соглашений, ставших на определенном этапе ненужными США. На смену мощным международным государствам приходит практика индивидуального торгового и сделочного. К примеру, по мнению академика, президента ИМЭМО А. Дынкина, «Китайские финансовые власти прекрасно понимают, что кроме облигаций американского казначейства и доллара сегодня нет других низкорисковых активов, пускай даже с отрицательной доходностью. А американские финансисты — что Китай будет вытаскивать мировую экономику из кризиса»¹. Отказать этим тезисам в логике — трудно.

Индивидуальный торговый государственный масштаб будет продолжаться. Тем не менее, вопрос о росте мирового ВВП на 2020 г. уже закрыт. Открыт другой: каковы будут масштабы падения, и какая страна обнаружит худшие показатели? Предыдущий кризис показал, что в Европе хуже всех чувствовала себя Латвия, а лучше всех — Польша. Но это был абсолютно другой кризис, и сейчас понятно, что страны с развитым реальным сектором, промышленностью и сельским хозяйством упадут меньше.

¹ Академики РАН о мировой экономике во время коронакризиса [Электронный ресурс] // URL: <https://scientificrussia.ru/articles/rossijskie-spetsialisty-ob-ekonomicheskikh-aspektah-pandemii>

Еще в конце 2019 г. Жак Сапир отмечал: «неуверенность и недоверие, унаследованные от краха 2008–2009 гг., так никуда и не делись. Финансовые рынки постоянно озираются по сторонам в поисках признаков надвигающегося нового кризиса. В их озабоченности и недоверии отражается то обстоятельство, что финансовая деятельность, которая во все большей степени отрывается от “реальной” экономики, становится все менее и менее легитимной»¹. Об этом же было написано в специальном докладе к юбилейному, пятидесятому всемирному экономическому форуму — The 50th anniversary of the World Economic Forum. Special Report Shaping a Multiconceptual World 2020. Большинство экономических проблем второй половины 2020 г. предсказаны абсолютно верно, за исключением чрезвычайной эпидемиологической ситуации, прогнозирование которой в задачи экономистов не входит.

Математической модели, как, впрочем, адекватного и детального теоретического осмысления текущей ситуации, основанного на анализе и предшествующем опыте, в настоящее время нет. Да, вопросы прекариата (именно с этим названием) обсуждаются примерно 10 лет, но дифференциация людей по уровню доходов и связанные с этим проблемы упоминаются в Библии, Коране и Талмуде.

«Обнуление» — едва ли не самое популярное понятие первой половины 2020 г. Не будем сейчас рассматривать его применимость к внутриполитическим вопросам современной России. Существенно интереснее его востребованность для анализа процессов мирового и европейского развития. Рассматривая эти процессы глобального социально-экономического развития, следует отметить, что Россия неожиданно оказалась в том же переходном состоянии, как и ведущие экономики мира. «Обнуление» коснулось всех, но стран-лидеров — в наибольшей степени. «Обнуление» или выравнивание пошло если не по самому низкому, то по близкому к этому уровню.

Эпидемия не создала новых факторов экономического развития мира. Никаких новых проблем в мировой экономике нет. Нефть и вирус просто превратили медленный кризис в ураганный. У России нет существенных отличий от Европы по таким важным параметрам, как социальная и экономическая поляризация, эволюция рынка труда, проблемы молодежной занятости. По всем этим вопросам мы неожиданно оказались в одном ряду с евроатлантической цивилизацией. Некоторая разница заключается в том, что российское общество объективно более мобильно, способно к эффективной эволюции, или даже революции. Однако эта мобильность скорее потенциальна, необходим общественный консенсус и эффективная государственная политика.

Формирование прекариата — нового класса — сильно ускорится. Прекариат (от англо-лат. *precarious* — «сомнительный, ненадежный, случайный» — часть занятых, работающая в условиях нестабильной занятости, профессиональной идентичности, гарантий и защищенности, а также нестабильного и низкого заработка) следует включить и вынужденно временно и частично трудящихся, а также другие категории работников: сверхзанятых, работающих в неформальном секторе и т. п. Г. Стэндинг выделяет в прекариате семь групп/классов: (1) элиту; (2) сариат со стабильной и полной трудовой занятостью; (3) «квалифицированные кадры»; (4) работников физического труда; (5) растущий прекариат; (6) безработных; (7) «социально обездоленных» [6, с. 21–22].

Прекариат и попытки его теоретического обоснования следует рассматривать в контексте всех предшествующих теорий социальной стратификации. С нашей точки зрения перед нами не новая теория (теория прекариата), а скорее теоретический подход с элементами новизны. Теоретические подходы к прекариату — классический

¹ Сапир Ж. Ждать ли нового финансового кризиса? [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zhdat-li-novogo-finansovogo-krizisa/?sphrase_id=74414

пример интеграции традиционных экономических концепций с социологическими и политологическими подходами. Следует указать на то, что такая интеграция оказалась одним из важных направлений развития экономической теории.

Ведущие социологи тоже предвидели развитие данных процессов. Зигмунт Бауман писал, что мы наблюдаем «конец трудовой деятельности в известном и привычном для нас виде, переход к работе по краткосрочным, сиюминутным контрактам, либо вообще без таковых, к работе без всяких оговоренных гарантий...» [1, с. 30]. Бауман утверждает, что капитал становится «экстерриториальным», т. е. не привязанным к конкретному месту и легко переносящим инвестиции и производства из страны в страну. Капитал шантажирует общества и государства с тем, чтобы они обеспечили ему такой рынок труда, который максимально снижает возможные издержки. Однако в 2020 г. всеисилие капитала как минимум под вопросом. Государство может быть и не очень хотело, но оказалось вынужденным принять на себя ответственность за происходящее.

Явления эпидемиологического характера не создали проблему прекариата, но чрезвычайно, хотя мы еще не знаем насколько, актуализировали данный вопрос. Безусловно, это относится не только и не столько к России. Страны с развитой сферой услуг, туризмом пострадают быстрее, в большей степени, и их выход из кризиса будет более продолжительным. Для тех стран, где туризм и сопутствующие отрасли занимают 15–20% ВВП, проблема прекариата (в ряду прочих) станет сложнейшей. Вслед за сервисом обрушатся смежные сектора производства. Посмотрим на Испанию, с 1980-х обеспечившую свое относительное экономическое чудо во многом за счет туризма. То же относится и к Италии, где значительная часть общественного питания, внутригородского транспорта и финансовой инфраструктуры завязана на туристах. Не будет туристов — весь накопленный потенциал окажется ненужным. «Замороженная» инфраструктура прибыль приносить не будет, но средства на обслуживание по-прежнему необходимы.

Конечно, для страны, где мировая валюта печатается как национальная, нерешаемых проблем не будет. В Европе несколько иная ситуация, «вертолетные» деньги будут разбрасываться крайне неравномерно, и проблема социально-территориальных различий будет только усиливаться. Единственная угроза — отсутствие консенсуса элит, и проблемы нефтяной волатильности — мелочь на этом фоне.

Финансовый кризис прослеживается по результатам первого квартала 2020 г., он не только спровоцировал ослабление экономики Европы в целом, но и ускорил новое расслоение населения на классы с преимущественным ростом доли малообеспеченных граждан. В результате «обозначились явные евроскептические тенденции, квинтэссенцией которых стал брекзит, рост авторитаризма и антимиграционных настроений в ряде стран, для которых однозначным приоритетом сегодня является национальный, а не европейский суверенитет» [3, с. 7]. Точнее, эти тенденции обозначились ранее, но актуализировались в настоящее время.

Вместе с тем, если мы сегодня называем ситуацию критичной, это не значит, что так было не всегда. Двадцатый век в зарубежной Европе прошел в сложном поиске такой модели трудовых контрактов, которая включала бы в себя модели социальной защиты и государственное влияние на формирование жизненных стратегий.

В Западной Европе это было связано с желанием сократить пространство классовой борьбы, снизить привлекательность коммунистической, а в ряде случаев и социал-демократической идеологии. В Восточной Европе постоянная занятость в большинстве случаев была синонимом государственной занятости, или, точнее, работы на государство. При различном генезисе явления результат был примерно одинаковый.

Вспомним и то, что коммунистическая идеология и практика, как пример и образец, сделали возможным эффективную эволюцию социальной и экономической

политики в тех странах, где сами коммунистические идеи остались уделом абсолютного меньшинства. Пролетариат получил экономические и социальные права в обмен на лояльность капиталистическим правилам игры. Классический капитализм, как и «западные стандарты потребления», сформировались уже после Второй мировой войны. «Принцип социальной рыночной экономики, закрепленный в договорах ЕС, остается рамочным элементом европейской социальной модели, т. е. объединенной, комбинированной системы экономического развития, которая была построена в основном после окончания Второй мировой войны, а также безопасности и социального прогресса, на котором базировался значительный успех, достигнутый этой системой в целом» [4, с. 25].

В Западной Европе в восьмидесятые годы прошлого века доминирование либеральных подходов привело к пересмотру традиционных социальных контрактов. Фундаментальной проблемой Восточной Европы в 1989–1991 гг. стало то, что она стремилась к модели социальной справедливости и социальной защиты, которая в Западной Европе на тот момент уже исчезала.

Эпоха рецептов ультралиберального характера постепенно снижала стандарты потребления и качество социального капитала. Однако речь шла не столько об арифметическом увеличении количества безработных и бедных граждан и, соответственно, видимом падении спроса на различные услуги и товары. Новые правила большой экономической игры для среднего класса ведут к деградации самого среднего класса. Формируются новые модели занятости для значительных групп населения. Новые модели занятости сочетаются с ростом экономического, а значит и социального расслоения.

Ситуация ухудшилась в 2020 г. «По данным Центрального статистического управления Латвии (ЦСУ), уже в начале 2020 г. почти у трети (29,3%) домашних хозяйств в Латвии не было никаких накоплений. Другими словами, почти треть латвийцев жили от зарплаты до зарплаты»¹.

Без какого-либо кризиса дерегулированный рынок труда при доступном образовании приводит к тому, что «наемных работников систематически ставят во все более уязвимое положение — под предлогом того, что это необходимая жертва ради сохранения капиталовложений и рабочих мест» [6]. В последнее время наступление на права трудящихся стало массовым и глобальным. Однако этот процесс идет неравномерно. Именно в Европе, там, где труд был традиционно защищен государством, впервые стало ясно, что рынок труда все менее определяется классической формулой: «работник и работодатель неразрывно связаны между собой и не могут обойтись друг без друга».

Кризис среднего класса, неустойчивость занятости и формирование прекариата — это не научный, а экономический и политический вызовы. Не создав «подушки безопасности», еще характерной для среднего класса Европы, мы уже попадаем под действие негативных тенденций трансформации среднего класса в прекариат.

Рассмотрим этот вопрос на примере материалов Всемирного Банка. Профессор О.А. Павук, суммируя материалы Всемирного банка, справедливо выделяет три способа позитивного воздействия на проблемы рынка труда в материале Всемирного банка «Доклад о мировом развитии (ДМР) 2019: Изменение характера труда»:

- Осуществлять инвестиции в человеческий капитал с особым упором на группы населения, находящиеся в неблагоприятном положении, и на обучение детей дошкольного возраста в целях формирования новых навыков, востребованность

¹ Уже через месяц треть Латвии будет голодать? Сколько людей выживут без работы [Электронный ресурс]. URL: <https://bb.lv/statja/covid-19/2020/04/03/uzhe-cherez-mesyac-tret-latvii-budet-golodat-skolko-lyudey-vyzhivut-bez-raboty>

которых на рынке труда растет, — таких как когнитивные навыки высшего порядка и социально-поведенческие навыки.

- Повышать эффективность социальной защиты в целях обеспечения всеобщего охвата социальной защитой, которая не должна полностью определяться фактом работы по найму в официальном секторе.
- Активизировать мобилизацию государственных доходов, модернизируя в необходимых случаях системы налогообложения, с тем, чтобы обеспечить бюджетные средства для финансирования развития человеческого капитала и систем социальной защиты¹.

Невнимание к проблематике социального баланса ведет к кризису всей национальной государственности, а эффективное решение проблем социальной стратификации способно локализовать экономический кризис и взять под контроль модели социальной стратификации. Ситуация изменилась. В этом контексте интересна позиция американского социолога Ричарда Сеннета. Характеризуя прекаризацию, он выделяет следующий ключевой признак — сложность построения жизненных планов. Накопление противоречий неизбежно. Однако недовольство «плавающим» статусом не обязательно ведет к желанию перемен и тем более конкретным действиям. Неудовлетворенность не может превратиться в отрицание без осознания собственной силы той или иной социальной группой [8].

Следующий важный момент: до кризиса предполагалось, что Россия с очевидным опозданием вошла в сферу тех тенденций, которые определяют в настоящее время развитие Европы. Общества не становятся беднее, общества становятся более неустойчивыми и экономически дифференцированными. В этих условиях имитацией выхода из кризиса является поиск врагов за пределами самого ЕС [10].

Феноменальные технологические прорывы создали предпосылки для очередной волны технооптимизма. На пропаганду «цифрового равенства» брошены лучшие научные силы: (Дж. Рифкин «Третья производственная революция», Э. Шмидт, Д. Коэн «Новый цифровой мир», К. Шваб «Четвертая промышленная революция», Ю. Харари «Homo Deus», Н. Бостром «Искусственный интеллект: этапы, угрозы и стратегии» и многие другие). Однако Леонгард Герд — швейцарский футуролог — считает, что цифровой прогресс будет развиваться очень быстро, но это связано с трудно предсказуемыми последствиями. «Нельзя тормозить прогресс, ставя техногигантам палки в колеса, но мы должны избежать монополизации, которая расширяет пропасть между бедными и богатыми. Представьте, что в области здравоохранения появится платформа-монополист, без помощи которой вы не можете ни лекарства купить, ни к врачу записаться. Ее владельцы смогут навязывать людям все, что захотят»². Экономические, а в еще большей степени социальные процессы 2020 г. показали, что эта проблема реальна, и вызовы в стилистике «1984 года» вполне могут оказаться в Европе.

При этом американский экономист Тайлер Коуэн считает, что развитые страны достигли «технологического плато»: большинство научных и технических инноваций является развитием достижений и открытий 1945–1971 гг. Впрочем, он указывает и на то, что те, кто мало зарабатывают, не имеют опыта взаимодействия с большинством новых технологий, и поэтому у них очень плохие жизненные перспективы [5; 11].

Возможно то, что одним из итогов нынешнего экономического кризиса станет ускоренный переход к шестому технологическому укладу, но это скорее цель, чем средство. Действующая система управления не готова обеспечивать переход

¹ Павук О. Доклад Всемирного банка 2019: угрожает ли роботизация занятости [Электронный ресурс]. URL: http://www.baltic-course.com/rus/_analytics/?doc=151347

² Герд Л. Через 10 лет все программисты станут безработными [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/trends/innovation/5d641ba69a7947ecc7e134fc>

к автоматизированному производству, биотехнологиям, новой роботизации, беспилотному транспорту, современным энергетическим системам.

Новый глобальный порядок и цифровая экономика предполагают неустойчивость занятости не только для тех, кто не ушел «в цифру», но и для технологически продвинутой части потенциально занятых. Влияние четвертой индустриальной революции на изменение природы труда и на неустойчивость занятости очевидно. Базовый или безусловный доход в этом случае мало пригодное лекарство.

Итак, мы не оспариваем необходимость учета достижений современной науки. Речь идет лишь о том, что «цифровизация» не может быть целью общественного развития. Цели общественного развития определены достаточно давно: социально-экономическое и культурное развитие на основе баланса интересов индивидуума и общества. «Цифровизация», так же как и до этого «электрификация», может и должна быть средством для обеспечения общественного развития. Однако возникает вопрос — зачем же «средство» превращать в «цель»?

Масштабная государственная поддержка новых технологических и информационных решений, осуществленная в 2017–2018 гг. в России, позволяет говорить о том, что по этому направлению отставания России от ведущих экономик не будет. «В России очень высока приверженность и ответственность руководства страны за ускорение цифровой трансформации. Цифровизация была в очередной раз отмечена как стратегический приоритет в Указе Президента Российской Федерации, изданном в мае 2018 г. Указ предусматривает трехкратное увеличение объема инвестиций в цифровую экономику по сравнению с 2017 г.»¹. Формируются предпосылки для того, чтобы постиндустриальная экономика, базирующаяся на доминировании сферы услуг, в результате прогресса информационно-компьютерных технологий (ИКТ) сменилась информационной экономикой. Развитие ИКТ, в первую очередь интернета, позволило сформировать инфраструктуру шестого технологического уклада, основанного на развитии (реиндустриализации) наукоемких высокотехнологических производств с высокой долей добавленной стоимости, определив критическую роль человеческого капитала (интеллекта и креативных компетенций) [9]. Однако и применительно к России высокая оценка технологического прорыва не исключает того, что существуют значимые социальные последствия новых технологий. «Под прикрытием возвышенной риторики об инновациях и востребованности креативных личностей в действительности в условиях современной экономики личные качества потенциальных работников вытесняются ключевыми соображениями повышения эффективности и снижения общих издержек производства и ведения бизнеса за счет автоматизации и сокращения рабочих мест» [7, с. 213].

Цифровизация и информационные технологии не могут заменить традиционные сферы хозяйства и отрасли социальной политики. Провести GSM-сети существенно дешевле, чем построить фельдшерский пункт или школу. Именно это мы наблюдаем в Европе, но и для России это становится проблемой. Цифровая революция идет параллельно с перестройкой структуры общества. В какой степени модели занятости цифровой экономики способны обеспечить материальное благосостояние ее участникам? Желание заглянуть за горизонт абсолютно понятно и оправданно, однако технооптимизм в сочетании с недостаточным пониманием экономических процессов представляет опасность. К примеру, как относиться к подобному прогнозу: «Пройдет пара лет, и компании нового формата, новых принципов самоорганизации будут с удивлением изучать разветвленные оргструктуры и бизнес-процессы

¹ Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации // Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк. Washington DC, сентябрь 2018. С. 6.

вымерших компаний-динозавров»¹. Однако условием подобной управленческой революции становится то, что «в числе важнейших факторов стоимости бизнеса окажутся способность к партнерству, эмпатия, справедливость»².

Подведем промежуточный итог. Социальная структура российского общества в первые полтора десятилетия XXI в. характеризовалась относительной устойчивостью, при том, что в Европе разрушение традиционной занятости и жизненных стратегий началось еще в конце XX в. Турбулентность в обстановку может внести ухудшение социального положения большинства населения³. События 2018 г. показали, что запас прочности социальной структуры российского общества заканчивается. Аналогичные, а точнее, даже более масштабные европейские проблемы не могут служить оправданием нашей пассивности. И вот на этом этапе необходимо максимально эффективно учесть европейский опыт, как докризисный, так и текущий. Основное содержание этого опыта сводится к следующим положениям:

1. Необходимы масштабные инвестиции в социальную политику. К созданию совместного фонда для борьбы с экономическими последствиями эпидемии коронавируса призывают Германию многие формальные и неформальные лидеры Еврокомиссии, особенно представляющие интересы «Юга» и «Востока». Одним из методов такой борьбы является выпуск долгосрочных облигаций — так называемых «коронабондов». Закономерно то, что особая ставка делается на богатые северные страны, такие как Германия, Австрия и Нидерланды. Используется термин «бережливая четверка», — Германия, Нидерланды, Австрия, Финляндия, — объединяющая страны, считающие, что общий долговой инструмент сократит возможности стран, проводящих более консервативную финансовую политику. Для акцепторов помощи, по мнению «бережливой четверки» новые меры будут стимулировать дополнительные ошибки в фискальном управлении. В результате «несмотря на отчаянное положение дел в Италии и Испании и призывы Рима, Мадрида и других национальных столиц к финансовой помощи со стороны ЕС, идея «коронабондов» («общеевропейские бонды социальной стабильности») заблокирована Германией и Нидерландами» [2, с. 6].
2. Необходимо применение ориентированных на максимально больший количественный охват населения мер специальной защиты малого бизнеса и самозанятых. Профессор О. Павук (Рига), анализируя меры по поддержке бизнеса в Латвии, справедливо указывает на то, что рассрочка по налогам и невыплата процентов — мера абсолютно недостаточная. Рассрочка налогов лишь усугубит положение, а многих просто подтолкнет к банкротству. Для поддержки работающих мелких предприятий нужна не рассрочка по налогам, а налоговые каникулы⁴. Именно такой подход целесообразно применить в России.
3. Следует существенно повысить эффективность служб занятости, как с позиций скорости принятия управленческих действий, так и количественных масштабов. Указанные меры могут решить наиболее очевидные и сугубо первоочередные задачи.
4. Стратегический курс должен быть несколько иной. Необходим прогноз не только рынка труда, но и тенденций развития занятости, а значит, фактически, всей

¹ Елинсон А. Третья мировая и победа справедливости: каким будет мир после вируса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/396211-tretya-mirovaya-i-pobeda-spravedlivosti-kakim-budet-mir-posle-virusa>

² Там же.

³ Е. Примаков: Единственная альтернатива для России — опора на внутренние резервы и возможности [Электронный ресурс]. URL: http://www.tpp-inform.ru/analytic_journal/5385.html

⁴ Павук О. Работающий коммерсант ждет поддержки от государства [Электронный ресурс] // URL: http://www.baltic-course.com/rus/kolonka_redaktora/?doc=21164

социальной структуры общества. Такой прогноз объективно базируется на изучении именно европейского опыта, ибо те проблемы, которые в Европе уже дали последствия первого и второго уровня, в России еще не обладают достаточной точностью, как при социальной диагностике, так и при экономическом лечении.

5. Конкуренция с Европой, особенно в сочетании с прагматичным сотрудничеством, — идеальна в условиях поиска новой модели социальной политики. В основу такой политики должен быть положен набор решений, позволяющих стабилизировать ту часть социальной структуры общества, которая гарантирует выживание общества в целом.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005.
2. Громыко Ал. А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. С. 4–12.
3. Защита государственного суверенитета — опыт Евросоюза и европейских стран / отв. ред. В. Б. Белов. М. : ИЕ РАН, 2018.
4. Риччери М. Социальная рыночная экономика: принцип общественного блага как движущий элемент всеобщего прогресса // Современная социал-демократия: идеология и политическая практика : сборник научных статей конференции / под ред. Р. С. Гринберга, С. Г. Арбузова М. : ИЭ РАН, 2017.
5. Среднего более не дано: Как выйти из эпохи Великой стагнации. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015.
6. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014.
7. Сургуладзе В. Ш. Прекариат — новый революционный класс информационной эпохи: глобальная трансформация рынка труда и ее социально-экономические и политические последствия // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 4 (49). С. 210–227.
8. Хоффер Э. Человек убежденный. Личность, власть и массовые движения. М. : Альпина Паблишер, 2017.
9. Шамахов В. А. Подготовка управленческих кадров для новой экономики // Экономическое возрождение России. 2016. № 2 (48). С. 53–55.
10. Шамахов В. А., Кириленко В. П., Ковалев А. А. Безопасность современной Европы: между стремлениями и реальностью // Политика и общество. 2018. № 10. С. 43–52.
11. *Average is Over: Powering America beyond the Age of the Great Stagnation.* N.-Y. : Penguin Books, 2014.

Об авторе:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

References

1. Bauman Z. Individualized Society. M.: Logos, 2005. (In rus)
2. Gromyko Al. A. Coronavirus as a factor of world politics // Scientific and analytical journal of IE RAS [Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN]. 2020. No. 2. P. 4–12. (In rus)
3. Protection of state sovereignty — experience of the European Union and European countries / Ex. ed. V. B. Belov. MOSCOW: IE RAS, 2018. (In rus)
4. Richcheri M. Social market economy: principle of public benefit as driving element of general progress // Modern social democracy: ideology and political practice: the collection of scientific articles of a conference / under the editorship of R. S. Greenberg, S. G. Arbuzov M.: IE RAS, 2017 (In rus)
5. Medium is no longer given: How to emerge from the era of the Great Stagnation. Moscow: Gaidar Institute, 2015. (In rus)
6. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. M.: AdMarginem Press, 2014. (In rus)

7. Surguladze V. S. Prekariat is a new revolutionary class of information age: global transformation of the labor market and its socio-economic and political consequences // Problems of national strategy [Problemy natsional'noi strategii]. 2018. No. 4 (49). P. 210–227. (In rus)
8. Hoffer E. The True Believer. Thoughts on the Nature of Mass Movements. M.: Alpine Pablscher, 2017. (In rus)
9. Shamakhov V. A. Training of management personnel for the new economy // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii]. 2016. No. 2 (48). P. 53–55. (In rus)
10. Shamakhov V. A., Kirilenko V. P., Kovalev A. A. Security of modern Europe: between aspirations and reality // Politics and society [Politika i obshchestvo]. 2018. No. 10. P. 43–52. (In rus)
11. Average is Over: Powering America beyond the Age of the Great Stagnation. N.-Y. : Penguin Books, 2014.

About the author:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Национализм, авторитаризм, фашизм: почему в странах Прибалтики прошлое становится будущим (Статья вторая)*

Межевич Н. М.

Институт Европы Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация; mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Великая Отечественная война была не только противостоянием стран, но и борьбой идеологий. Фашизм был разгромлен, коммунистическая идеология и демократические практики победили и начали конкурировать между собой. Взаимное сдерживание в послевоенной Европе способствовало тому, что фашизм и неонацизм не могли стать угрозой обществу.

Ослабление внешнего политического управления, распад СССР привели к качественному росту национализма именно в Восточной Европе. Однако именно в странах Прибалтики трансформация национализма в авторитаризм, а авторитаризма в фашизм, прошедшая в 20–40-е годы прошлого века, повторяется опять. Специфике этого процесса посвящены две статьи. В первой говорилось о специфике политических систем современной Прибалтики, истории стран Прибалтики и генезису фашистской идеологии в Прибалтике. Вторая статья посвящена прибалтийскому национализму как фактору формирования авторитарных и фашистских практик, оценке перспектив возрождения фашизма в Прибалтике и анализу этой опасности для России. Юбилей Великой Победы — это не только повод для гордости за прошлое, но и хороший повод для того, что бы найти угрозы будущего.

Ключевые слова: национализм, фашизм, авторитаризм, политические системы, национальная история, войны памяти, Эстония, Латвия, Литва, антисемитизм, историческая политика, парамилитарные формирования, войска СС

Для цитирования: Межевич Н. М. Национализм, авторитаризм, фашизм: почему в странах Прибалтики прошлое становится будущим (статья вторая) // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 20–32.

Nationalism, Authoritarianism, Fascism: Why in the Baltic States the Past Becomes the Future (Article Two)

Nikolay M. Mezhevich

Institute of Europe of Russian Academy of Science; Moscow, Russian Federation; mez13@mail.ru

ABSTRACT

The Great Patriotic War was not only the opposition of countries, but also the struggle of ideologies. Fascism was defeated, communist ideology and democratic practices won and began to compete among themselves. Mutual deterrence in post-war Europe contributed to fascism and neo-Nazism not becoming a threat to society.

The weakening of external political governance and the collapse of the USSR led to a qualitative increase in nationalism in Eastern Europe. However, in the Baltic States, transformation of nationalism into authoritarianism, and authoritarianism into fascism, which took place in the 20th-40th years of the last century, is repeated again. Two articles are devoted to the specifics of this process. The first tells about the specifics of the political systems of the modern Baltics, the history of the Baltic countries and the genesis of fascist ideology in the

* Первую часть статьи см.: Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 10–23.

Baltics. The second article is devoted to Baltic nationalism as a factor in the formation of authoritarian and fascist practices, the assessment of the prospects for the revival of fascism in the Baltics and the analysis of this danger for Russia. The anniversary of the Great Victory is not only an excuse for pride in the past, but also a good reason to find threats to the future.

Keywords: nationalism, fascism, authoritarianism, political systems, national history, wars of remembrance, Estonia, Latvia, Lithuania, anti-semitism, historical politics, paramilitarian formations, SS troops

For citing: Mezhevich N. M. Nationalism, Authoritarianism, Fascism: Why in the Baltic States the Past Becomes the Future (Article Two) // Administrative consulting. 2020. No. 4. P. 20–32.

Попытки переписать историю и тем самым повлиять на развитие мировых процессов на современном этапе будут продолжаться. Мы должны быть во всеоружии, чтобы этим попыткам было не суждено реализоваться¹

Прибалтийский национализм как фактор формирования авторитарных и фашистских практик

Национализм для целей данного исследования — это государственная идеология и набор политических практик, основанный на законодательно оформленном постулате о том, что в основе государственной власти и общественной организации лежит нация. Соответственно, принадлежность к нации — это потенциальная возможность занять в экономической и политической иерархии высокое положение. Естественно в современной Прибалтике это не единственное условие. Быть эстонцем мало для личного успеха, ибо слишком велик конкурс на рынке «профессиональных эстонцев». Подход, гарантирующий успех только по национальному признаку, не мог сохраниться в Европе нового времени, в имперской Прибалтике он тоже начал размываться в XIX в. Именно поэтому монополизм немецкого и польского экономического и политического контроля при российском административном порядке был размыт в рамках так называемого национального возрождения.

Эпоха классического капитализма, при всех издержках, дала свободу с минимальными экономическими и политическими ограничениями для «не титульных». Именно поэтому Восточная Европа с дремучими средневековыми национализмами качественно отстала во второй половине XIX — начале XX в.

В теоретическом плане важно указать, что на определенном этапе общественного развития сформировалось представление о том, что просвещенная Европа от вируса национализма избавилась. Э. Геллнер утверждал, что «в эпоху позднего индустриализма, — благодаря росту благосостояния, уменьшению дистанций между культурами, появлению всемирного рынка и стандартизации образа жизни, — накал националистических страстей постепенно снижается» [4, с. 42]. Этот тезис, озвученный до деструкции социалистического мира и СССР, в дальнейшем не подтвердился. Вульгарный национализм сменился ухищрениями этнической демократии. Для этого в Прибалтике относительно небольшое число националистов взяло курс на создание политической нации из ее гражданской первоосновы. «Нация... является продуктом идеологии национализма, а не наоборот. Нация возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так и должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порождаемое

¹ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на церемонии возложения цветов к мемориальным доскам по случаю Дня дипломатического работника, Москва [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4032168

городской элитой»¹. Такой подход специалиста по проблемам этничности и национализма Т. Эриксона — идеально подходящая для Прибалтики научная модель.

Этническая демократия — принцип политической организации общества и модель управления, которая предполагает узаконенное этническое доминирование в сочетании с формальным провозглашением политических и гражданских прав для всех законно ими пользующихся. Однако классическая этническая демократия предполагает, что этнические меньшинства имеют гражданство и возможность в полной мере участвовать в политическом процессе. Именно этим этническая демократия отличается от этнократии. Мы исходим из того, что этническая демократия не является нормой, но присутствует как массовая практика и де-факто признается международными институтами. Иная ситуация с этнократией, попирающей ключевые права человека. В основе и этнократии и этнической демократии лежит национализм, но его качество существенно отличается. Страны Прибалтики — это именно этнократии, а не этнические демократии.

Политические режимы, существовавшие в странах Прибалтики с 1920 по 1940 г. и особенно с 1991 г. по настоящее время, определяются как этнократии [2]. Из всех теоретико-методологических взглядов, предполагающих определение этнократии для понимания ситуации в Прибалтике, наиболее интересен подход израильского социолога С. Смуха, который выделил несколько признаков, свойственных такого рода режимам:

- 1) только одна этнонация имеет неотчуждаемое право на страну, на отдельное политическое целое и исключительное право на Родину (отсюда следует легитимизация априорного неравенства статусов коренной этнонации и некоренных групп);
- 2) членство в единой коренной этнонации отделено от гражданства;
- 3) государством владеет и управляет коренная этнонация;
- 4) оно мобилизует коренную этнонацию, предоставляет некоренным группам неполные индивидуальные и коллективные права и разрешает им вести парламентскую и внепарламентскую борьбу за изменения;
- 5) государство воспринимает некоренные группы как угрозу и устанавливает контроль над ними².

Прибалтика в последние сто лет — это сочетание нескольких видов национализма, прежде всего державно-государственного, который проявляется у государственно оформленных наций, пытающихся воплотить в жизнь свои национальные интересы и бытовой национализм — это реализация националистических чувств в малых социальных группах, на межличностном уровне. Ему сопутствует ксенофобия и враждебное отношение к другим этническим группам [16, с. 143]. Вместе с тем, политический класс Прибалтики эволюционировал по сравнению с 20–30-ми годами прошлого века, когда националистической идеологии, даже в ее крайней форме, никто особо не стеснялся. По мнению наиболее активных националистов, действовавшая в межвоенный период форма правления не соответствует реалиям послевоенной эпохи и не способна противиться силам, которые угрожают всей цивилизованной европейской культуре — коммунизму и социализму. К примеру, К. Лапиньш-Мерт провозглашал, что остановить коммунизм и социализм может только сильная национальная власть. Развернутое изложение своего понимания этой сильной национальной власти он дал в выпущенной в 1926 г. брошюре с выразительным названием «Сущность национальной диктатуры» [9, с. 34]. Об этом же, характеризуя межвоенную Литву, пишет, Витаутас Синица: «Литва — современное национальное государство. Государство, созданное и восстановленное не кем иным,

¹ Цит. по: [22, с. 86].

² Smooha S. Model of Ethnic Democracy // European Centre for Minority Issues, Working Paper. 2001. № 13. Р. 1–94. Цит. по: [23].

а *националистами*, основанное на *национальном* идеале и общепризнанное как право *народов* на самоопределение. Нет другого принципа, который узаконивает Литву, оправдывает право нашего государства находиться на карте мира. Напротив, это право и все другие права гарантируются и охраняются *национальным* государством» (курсив наш — Н. М.)¹.

В советское время ситуация на первый взгляд изменилась, однако в это время «происходило не только культурное развитие народов, стимулированное в том числе и властью, но и постепенная политизация национального вопроса и идентичности» [24, р. 116]. Сегодня в национализме в Прибалтике видят скорее не проблему, а способ ее лечения: «национализму часто придается статус морального императива: например, национальные границы должны совпадать с государственными; члены нации должны блюсти ее моральные ценности и т. д. В результате действий, вытекающих из этих императивов, национализм начинает ассоциироваться с крайними проявлениями преданности собственной нации: в этнических чистках, идеологии национальной чистоты и враждебности к иностранцам» [7]. Государственная идеология в Прибалтике имеет не классическую форму, вместо нее в конституциях, преамбулах к ним, законах закреплён тезис о принципе примата крови — воинствующий национализм в юридическом оформлении. И вот здесь следует процитировать Тимоти Снайдера, в свою очередь опирающегося на позицию своего авторитетного антагониста: «Карл Шмидт объяснил суть фашистского правления. Чтобы разрушить все правила, говорил он, нужно сфокусироваться на идее исключительности» [20, с. 151]. Итальянский, венгерский, немецкий опыт времен второй мировой войны показал — главным фактором «исключительности», как правило, становится национальный. Именно это мы и наблюдаем в странах Прибалтики, продвигающих практики государственного национализма, хотя Вторая мировая война давно закончилась.

В Эстонии формула государственного национализма принадлежит Хандо Руннелю, эстонскому поэту и издателю, (в советском «оккупационном» прошлом — Заслуженному писателю Эстонской ССР). Этот литератор прославился тем, что сформулировал программный тезис практически для всех эстонских партий: «Прежде всего, мы должны обеспечить права эстонцев и только потом — права человека»². Именно поэтому партийный лозунг Союза эстонских партий Отечество и Res Publica (IRL), ставшего затем партией «Отечество» (Isamaa) звучит так: «Делаем эстонское дело! (Ajame eesti asja!)». «Каждый день ты делаешь эстонское дело. Твоя работа. Твоя учеба. Твоя семья. Твои надежды и мечты — это и есть эстонское дело». В чем здесь принципиальное отличие от «немецкого дела» 1933–1945 гг.? Вероятно, они лежат в сфере современных практик, но не идеологии. Подчеркнем также еще раз то, что экзерсисы Х. Руннеля и ему подобных — это не идеология 20-х годов прошлого века, а самые современные эстонские идеологические практики.

Ключевым фактором генезиса прибалтийского, в том числе эстонского национализма является российский фактор. Эстонский, как впрочем, и прибалтийский национализм невозможен без России и русских³. М. Пярнитс считает: «Эстонская идентичность существует благодаря России. Наша политика во многом определяется прошлым. Ведущие партии приходят к власти на волне военной угрозы. Весь фокус в том, чтобы не дать прошлому уйти в прошлое, сохраниться как угроза»⁴. Но может

¹ Sinica V. Jono Basanavičiaus Lietuva // Tėviškės alka. 2014. rugpjūčio 3 d. Цит. по: [8, с. 188].

² Серые паспорта и закрытие русских школ: как нарушаются права человека в Эстонии [Электронный ресурс]. URL: <https://ee.sputniknews.ru/politics/20191210/18706862/sobljudenie-prav-cheloveka-estonia.html>

³ Постников В. Мнение: две основные проблемы эстонского национализма (по мотивам статьи Микка Пярнитса) [Электронный ресурс]. URL: <http://baltnews.ee/obc/20170719/1016151255.html>

⁴ Эстонский писатель: наша идентичность существует благодаря России [Электронный ресурс]. URL: <http://baltnews.ee/obc/20170716/1016145113.html>

быть это одно случайное экспертное мнение? Увы. «Мы не должны забывать простую истину: существование эстонского государства имеет единственный смысл — чтобы на территории Эстонии сохранились родной язык и его носители, эстонская культура и ее творцы. Это и только это отличает Эстонское государство от Латышского государства, от Российского государства, от Брюссельского государства»¹ — так говорил первый президент послевоенной Эстонии.

Сползание в национализм в Прибалтике шло постепенно. Парадоксальным образом этот процесс начался во времена Н.С. Хрущева. При Л.И. Брежневе выброшенный лозунг «новой исторической общности — “советский народ”» скрывал рост национализма в советской Прибалтике. Лозунг «эстонского национального социалистического государства» (впервые проявившийся в среде творческих союзов Эстонии в конце 70-х гг. прошлого века), по сути дела, прикрывал политическую борьбу за вытеснение из верхних эшелонов власти т. н. «русских эстонцев» (которых олицетворял первый секретарь ЦК КПЭ Карл Вайно) и замену их эстонцами местными (Вяйно Вяляс, Индрек Тооме), более ориентированными на запросы местных же хозяйственных элит [13, с. 123]. Затем, «в 1990-е годы окончательно возобладали идеи этнонационализма — это радикальная форма национализма, идея величия так называемой нации ядра, идея этнонационального государства, в котором есть место только одной этнической группе, что привело к поражению в правах солидной части населения (в Латвии и Эстонии). Идея “ядра” обрела буквальное воплощение в Латвии. Так, 19 июня 2014 года в качестве ответа латышской этнократической элиты на массовое выступление русских за сохранение своего родного языка в ходе проведения референдума в 2011–2012 гг., была принята преамбула к Конституции. В преамбуле подчеркивается, что “идентичность страны” определяется только латышскими и ливскими (давно утраченным этносом) традициями, жизненной мудростью, общечеловеческими и христианскими ценностями» [6, с. 158]. Аналогично в Эстонии на роль идеологии и доминантной общественной практики был назначен эстоноцентризм. По мнению И. Никифорова, это «комплексная политико-идеологическая характеристика, часто используемая для описания интегративных процессов в современном эстонском обществе. Эстоноцентризм — это и императив, и “цель желанная”, и критерий индивидуальной или групповой принадлежности к народу Эстонии»².

Тени прошлого и образы будущего фашистской идеологии в странах Прибалтики

Фашизм — это идеология и связанные с ней практики государственного управления. Немецкий фашизм при всем разнообразии определений имеет один признак, отмечаемый абсолютно всеми. Речь идет о национализме в его предельном значении. Итальянский или румынский варианты в ключе национальной политики были существенно менее «жесткими». В таком случае речь идет не об исключительности расы, нации или национального государства, а о готовности уничтожать все остальные расы, нации или государства. Вслед за А. Гапоненко³ укажем на существование трех форм фашизма:

1) фашизм, возникший на собственной национальной основе, — «генетический»;

¹ Мери Л. Как растет трава. Речь в День Победы в городе Выру 23.06.97 // Вышгород. 2008. № 1-2. С. 17.

² Никифоров И. Этноцентризм в изучении истории Эстонии [Электронный ресурс]. URL: <https://ilja-nikiforov.livejournal.com/77828.html>

³ Гапоненко А. Наказание европейских фашистских элит и наций после войны [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/18646>

- 2) фашизм, привнесенный в нацию извне, — «индуцированный»;
- 3) фашизм, возникший в рамках нации, деятельность которой полностью подчинена интересам другой нации, — «сервильный».

Прибалтийский фашизм с трудом вписывается в данную классификацию. Своя «кровь и почва» привела к возникновению полуфашистских движений в Прибалтике еще во второй половине 20-х гг. прошлого века. В 1930-е гг. эта тенденция только усилилась, но активно шла имплементация внешних моделей. К примеру, итальянский опыт — тоталитарная националистическая политика корпоративизма была скопирована в Латвии, что признается практически всеми. Наконец в 1941–1945 гг. пришло время фашизма третьей формы.

Фашизм вообще и, конечно же, его проявление в Прибалтике характеризуется тем, что он был способен создать себе массовую опору. В чем же причина достаточно широкой поддержки фашизма в Прибалтике? Во-первых, следует говорить не о поддержке идеологии, а о поддержке конкретных практик немецкого фашизма, прежде всего об антикоммунизме и антисемитизме. Иными словами, последователи Гитлера в чужих шинелях делали то же, что и последователи Сметоны, Ульманиса или Пятса в своих шинелях. Во-вторых, сам германский фашизм имел массовую поддержку в мелкобуржуазной среде, т. е. именно у тех групп людей, которые составляли основу авторитарных прибалтийских режимов.

В случае Прибалтики мы наблюдаем очевидную управленческую эффективность Берлина, сделавшего определенные политические и экономические уступки местным политическим элитам. При этом эти уступки были сделаны настолько грамотно, что, с одной стороны, не подвергали сомнению территориально-политическую принадлежность Прибалтики Германии, а с другой стороны — позволяли фашистам распоряжаться всеми ресурсами Прибалтики, в том числе людскими, как своими. Иными словами, проникновение немецких оккупационных войск состоялось сугубо позже проникновения нацистской идеологии.

Следует выявить существенные факторы, объясняющие появление и закрепление фашистской идеологии и практик в современной Прибалтике.

Во-первых, укажем на фактор возвращения эмиграции в общественную жизнь. Отцом В. Ландсбергиса, одного из ключевых современных политиков Литвы, был Витаутас Ландсбергис-Жямкальнис, который добровольно в 1941 г. стал министром коммунального хозяйства в сотрудничавшем с нацистами правительстве Юозаса Амбразявичюса-Бразайтиса. Именно этому министерству была поручена крайне важная работа с точки зрения немцев, как, впрочем, и «литовской общественности» — создание концентрационного лагеря для евреев Каунаса. Закономерно то, что в Литве в рамках своеобразного понимания исторической памяти, и при активной поддержке Ландсбергиса-сына торжественно перезахоронили господина Амбразявичюса, главу временного правительства Литвы. О том, что государственный церемониал применен к коллаборационисту и активному участнику холокоста, создателю первого концлагеря для евреев СССР, предпочли не говорить. Случай не единичный, коллаборационисты, полицейские и просто офицеры СС в последние четверть века в массовом порядке возвращаются на родину, занимая почетные места не в президиумах, но на кладбище. Но проблема не в новых могилах, а в новых людях со старыми комплексами [19]. Лесные братья, коллаборационисты, каратели — идеальные кандидаты в национальные герои. Такая же задача ставилась и ставится в Эстонии и Латвии, но проблема с героями действительно существует. Пантеон героев и государственные мемориальные кладбища наполняются эсэсовцами, деятелями эмиграции, организаторами холокоста. Представители эмиграции возвращаются не только на кладбища, их дети приходят на лидирующие позиции в эстонской, латвийской, литовской политике. Речь идет о позициях глав государства, премьер-министров, министров, руководителей спецслужб.

Второе. Отсутствие реальных героев ведет к реабилитации убийц. Медленно, но последовательно реализуются слова министра обороны Латвии Артиса Пабрикса, заявлявшего журналистам о том, что члены латышского добровольческого легиона «Ваффен СС» являются гордостью латышского народа и государства. Он призвал чтить память легионеров¹. С 1994 г. в Риге ежегодно 16 марта проходит парад бывших латышских легионеров СС. (16 марта 1944 г. началось сражение на восточном берегу реки Великая на территории Псковской области, в котором принимали совместное участие две дивизии латышского легиона «Ваффен СС» — 15-я и 19-я. Летом 1998 г. латвийский Сейм установил 16 марта в качестве дня памяти латышских воинов, но после острых двухлетних дискуссий депутаты признали это ошибкой, при этом шествия нацистов и неонацистов по центральным улицам городов Латвии, при неофициальной поддержке латвийских властей, продолжаются.)

В Латвии «наблюдается небывалый всплеск героизации нацистских пособников и «лесных братьев». Правоохранительная система отказалась рассматривать преступления и реабилитировала Г. Цукурса, соучастника и организатора массовых убийств и ответственного за вооружение и транспорт в латышской вспомогательной полиции при СД («команда Арайса»). Готовится масштабный проект «Бессмертный бункер национальных партизан» — в пику «Бессмертному полку» [18]. В свою очередь, в Эстонии в начале июля 2019 г. активисты партии EKRE заявили о готовности восстановить памятник легионерам СС в городе Лихула, демонтированный в 2004 г. Против этих планов выступил премьер-министр Юри Ратас, однако их поддержал спикер эстонского парламента Хенн Пыллуаас. «Прославление на высшем уровне пособников нацизма ставит вопрос об ответственности прибалтийских государств за преступления, совершенные коллаборационистами» [17]. Эта тенденция характерна для Прибалтики в целом.

Скудность социума, урезанного национальными ограничениями, и специфика политического ландшафта привели к героизации тех, кто в нормальных странах воспринимается как преступник. К примеру, провозглашение участников вооруженного восстания в Каунасе в июне 1941 г. национальными героями и борцами за свободу приводит к закономерным результатам — сложностям с датировкой. Выстрелив в спину уходящим бойцам Красной армии (герои!), активисты немедленно начали истреблять еврейское население (все-таки не герои?).

Литовский кейс наиболее убедителен в том, что «герои» предпочитали воевать ломami с беззащитными евреями, а не сражаться с Красной Армией, даже отступающей. «Общим же для исследователей из Литвы, Латвии и Эстонии являются настойчивые попытки апологии прибалтийских полицейских батальонов и подпольных националистических формирований в военные и первые послевоенные годы» [21]. При этом последующие этапы военной и карательной деятельности старательно замалчиваются.

Третье. После 1945 г. литовские «лесные братья», как и их эстонские и латвийские товарищи, предпочитали убивать беззащитных соотечественников, а не сражаться с частями НКВД. «Осенью 1941 года в Латвии на базе «отрядов самообороны» стали формироваться регулярные полицейские батальоны, которым поручались карательные операции. В октябре 1941 года первый латышский батальон был направлен на борьбу с партизанами в Псковскую область, а в декабре того же года латышские полицейские участвовали в карательных акциях на территории Белоруссии»². Дальнейшая транс-

¹ Президент Латвии призвал чтить национальных партизан [Электронный ресурс]. URL: https://bb.lv/statja/politika/2019/10/03/prezident-latvii-prizval-chtit-ubivavshih-sovetskih-grazhdan-nacionalistov?fb_comment_id=2741201452566330_2741421359211006

² Об участии латышского легиона СС в военных преступлениях в 1941–1945 гг. и попытках пересмотра в Латвии приговора Нюрнбергского трибунала [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1510968.html>

формация полицейских батальонов в войска СС показана российскими историками в следующей работе¹. Большая часть личного состава эстонского и латышского легиона СС набиралась из числа бойцов полицейских батальонов, участвовавших в холокосте и других массовых убийствах мирного населения на оккупированных территориях. Впрочем, военные преступления они совершали и в эсэсовской униформе. Их привлекали к участию в карательных операциях против гражданского населения на территории Ленинградской и Новгородской областей, а также в Белоруссии.

В целом же можно говорить о некой схеме, по которой развивался прибалтийский национализм и фашизм.

1. Подпольные группы антисоветски настроенного населения 1940 — 22 июня 1941 г. на базе парамилитарных структур межвоенного периода.
2. Вооруженные формирования, нападающие на отступающие части Красной армии, убивающие партизан, захватывающие органы власти.
3. Добровольческие формирования, организующие тотальное уничтожение евреев, цыган, коммунистов.
4. Полицейские батальоны, выполняющие функции поддержания порядка и охраны концлагерей, как на территории Прибалтики, так и за ее пределами.
5. Вспомогательные военные части.
6. Регулярные части СС, сформированные из полицейских и вспомогательных батальонов (кроме Литвы) на добровольной и призывной основе.

Четвертое. Страны Прибалтики в последние 25 лет ведут юридическое закрепление героизации нацизма. 15 мая 2014 г. Сеймом Латвии были приняты поправки к Уголовному закону Латвии, предусматривающие уголовную ответственность сроком до пяти лет за «отрицание и оправдание геноцида и преступлений против человечества, совершенных советским либо нацистским режимами».

В Эстонии, Латвии и Литве совершенно легально действуют организации ветеранов войск СС, им устанавливаются памятники и обелиски, им выплачивается пенсия, а официальная пропаганда с сочувствием отзывается о пользе «трудового перевоспитания» в фашистских концлагерях. С другой стороны, бывшие солдаты и офицеры Красной армии, попадают под суд как «оккупанты» [15, с. 68].

Укажем на то, что реабилитация нацизма началась в Прибалтике практически сразу после 1991 г. Так, согласно Постановлению Кабинета министров Латвийской Республики от 8 августа 1997 г. № 138, со ссылкой на Закон «О статусе участников движения национального сопротивления», граждане Латвии, в прошлом боровшиеся против СССР, имеют право «на дополнительную льготу по налогу».

Укажем и на то, что в странах Прибалтики «... пропагандируется идея о том, что даже члены организаций, признанных преступными, в массовом порядке находились в скрытой оппозиции к нацистскому режиму. Сотрудничество с ним позиционируется в качестве исключительно вынужденной меры. Транслируется идея о том, что даже высокопоставленные государственные и военные деятели могли находиться в неведении относительно преступных практик нацистов. Также имеют места попытки оценки элементов опыта нацистского режима как позитивного, в том числе — за счет отсылок к актуальным проблемам современности» [1, с. 115]. Все эти положения полностью относятся ко всем трем странам Прибалтики. Именно здесь системно осуществляются «... попытки реабилитации деятельности нацистов и их приспешников, героизации членов преступных организаций, пересмотра решения Нюрнбергского трибунала. Они явно противоречат международному правосознанию и действующему международному праву» [3, с. 130].

¹ Дюков А., Симиндей В. Латышский легион СС: проблемы ответственности и отрицания преступлений [Электронный ресурс]. URL: <https://norway.mid.ru/upload/iblock/b56/b56c07b0ee42b48ca51dac2eff98690.pdf>

Пятое. Прославление ветеранов СС и полицейских формирований сочетается с волной репрессий в отношении ветеранов-антифашистов. К примеру, Сейм Латвии отказал в поддержке воинам-антифашистам, отклонив предложенный левой оппозицией законопроект «О статусе проживающих в Латвии участников антигитлеровской коалиции Второй мировой войны» (в соответствии с законопроектом им был бы предоставлен статус бойцов антигитлеровской коалиции и соответствующие льготы, приравненные к льготам жертв политических репрессий).

Шестое. Коллаборация в странах Прибалтики действительно сложное явление. С большой долей условности коллаборационизм можно разделить на правительственно-государственный, социально-бытовой, культурный и, наконец, военный [5, с. 9]. Следует признать, что «в Прибалтике феномен коллаборационизма носил специфическую национальную окраску и был связан с надеждой местной элиты на то, что немецкое военное присутствие позволит ей воссоздать национальные государства в прежнем, предвоенном виде. Она и призывала латышей, литовцев и эстонцев идти на службу в вермахт, добровольно вступать в войска СС и полицию, давать присягу Гитлеру и участвовать в боевых действиях и карательных операциях на оккупированных немецкими захватчиками территориях»¹. С одной стороны, объяснить то, что эстонцы и латыши, сражавшиеся под флагом фашистской Германии, на деле сражались за независимость, без нарушения формальной логики невозможно, и эта сверхзадача не была успешно решена в 1944 г. При этом «... использование национальной символики ничуть не мешало многим местным жителям верой и правдой служить гитлеровскому режиму, выполняя подчас самую грязную палаческую работу по уничтожению его противников»².

Легенда об «ожидании воссоздания» была успешно внедрена в 90-е гг. XX в. Впрочем, с позиций Нюрнбергского трибунала эти построения не являются индульгенцией за совершенные преступления, они просто не принимаются во внимание. С другой стороны, укажем на определенную проблему, прямо вытекающую из решений, принятых в Нюрнберге. Преступниками не стали считать лиц, которые «оказались в данной организации в результате призыва государственными органами, объясняя это тем, что они не имели права выбора. Разночтения в вышеотмеченных формулировках статей Устава Международного трибунала, как показало послевоенное время, привели к тому, что сегодня в Латвии, Литве и Эстонии служба их граждан в составе вермахта и войсках СС в годы Второй мировой войны преступлением не только не является, а признается почетной и даже геройской»³.

Необходимо вспомнить о том, как относились к карателям и коллаборационистам, ветеранам СС в советские годы. Конечно, было бы странно увидеть эсэсовца из 20-й дивизии на посту секретаря райкома КПЭ, однако они были активно интегрированы в общественную жизнь, стали частью прибалтийской интеллигенции в худшем смысле этого слова. Советская и партийная власть настолько была уверена в своей

¹ Фокин С. В. Феномен коллаборационизма среди народов Прибалтики и Кавказа : выступление на заседании заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств, посвященном 65-летию Нюрнбергского процесса и оценки его итогов в странах СНГ. 23 ноября 2010 года. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. М., 2010. С. 68.

² Гуцин В. Националисты на службе нацистов [Электронный ресурс] // Стратегия России. № 11, ноябрь 2019. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1572636259&archive=1575194333&start_from=&ucat=14&

³ Фокин С. В. Феномен коллаборационизма среди народов Прибалтики и Кавказа : выступление на заседании заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств, посвященном 65-летию Нюрнбергского процесса и оценки его итогов в странах СНГ. 23 ноября 2010 года. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. М., 2010. С. 59.

силе и бессмертии, что в ряде случаев сдерживала активность органов КГБ СССР, стремящихся к поиску и наказанию карателей и «просто ветеранов» СС¹. Да, историки и пропагандисты рассказывали о подвигах 130-й Латышского ордена Суворова корпуса, 8-й стрелкового эстонского Таллинского корпуса, равным образом и 16-й стрелковой Литовской Клайпедской краснознаменной дивизии², однако деятельность их противников не получила должной оценки. В результате «в период 1960–1980-х годов принципами в советской историографии исследуемой проблемы стали догматизм и использование цитат в соответствии с официальными установками ЦК КПСС об отсутствии в годы войны латышских гитлеровских формирований и фашистского подполья в Латвийской ССР, что оставило негативный оттенок на процессе исследования данной темы. При этом отсутствовали всесторонний анализ и собственная точка зрения ученых-историков в освещении исторических событий в Латвии в военные годы» [14, с. 9]. Естественно, все сказанное относится и к советской Литве, и к советской Эстонии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» лица, осужденные на десять лет лишения свободы, были освобождены, осужденным на 25 лет срок наказания сократили вдвое. То, что это ошибка, станет ясно существенно позже, в самом конце XX в.

Седьмое. Еще одним фактором, объясняющим возрождение нацизма в странах Прибалтики, является отсутствие эффективной реакции на эти процессы в Европе. «... в ЕС есть страны, которые смотрят на данную проблематику следующим образом: нацизм — это плохо, но были люди, которым пришлось в сложной ситуации взаимодействовать с нацистами, чтобы бороться с коммунизмом, а он тоже плох»³. Терпимость Евросоюза и НАТО по отношению к реабилитации бывших нацистов в странах Прибалтики объясняется во многом и тем обстоятельством, что сами западные страны в годы холодной войны проявляли к бывшим нацистам мягкость, игнорируя совместные решения по данному вопросу стран антигитлеровской коалиции.

Заключение

«Поняв, какие условия породили фашизм, мы поймем также, может ли фашизм вернуться, и как этого избежать» [12, с. 15]. Этот программный тезис М. Манна имеет прямое отношение к странам Прибалтики. Поставив вопрос о предпосылках реабилитации и частичного возрождения фашизма, мы обязаны учитывать то, что история не позволит себе повториться в неизменном виде. Ожидать буквального воспроизведения фашистских эксцессов нет оснований. Однако именно в Прибалтике существуют ключевые предпосылки для формирования таких политических режимов, которые являются пограничными по отношению как к классическим современным демократиям, так и к тоталитарным фашистским режимам межвоенной Европы. Эти предпосылки — национализм, авторитаризм, огосударствленная культурная травма и русофобия. До тех пор, пока будут сохраняться эти предпосылки, возрождение тоталитаризма, в том числе и с фашистской спецификой, — возможно. Сталкиваясь с критикой, политические режимы в Прибалтике мимикрируют. Рассмотрим это на примере Консервативной народной партии Эстонии с несколько демонстративными

¹ Сказанное не означает того, что данная работа не велась в принципе. См: [10].

² Наименования даны по: Петренко А. И. Прибалтийские дивизии Сталина. М., 2010.

³ Дюков А. Р. Выступление на заседании Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств, посвящённом 65-летию Нюрнбергского процесса и оценки его итогов в странах СНГ 23 ноября 2010 года. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. М., 2010. С. 45.

факельными шествиями и вполне реальной радикальной националистической риторикой и аналогичной политической практикой. EKRE — закономерный продукт эстонской политической системы. При своей относительной неполицорректности EKRE предлагает то, что вполне обычные «либеральные» политики вроде М. Лаара, А. Ансипа делали, но не говорили. Консервативная народная партия Эстонии с ее антиэмигрантской риторикой и борьбой за «эстонскость как мерило цивилизованности» — это последний рубеж эстонского политического класса перед сползанием в откровенный фашизм. Отметим, что в Латвии и Литве нет аналогичных политических партий с евроскептицизмом, мигрантофобией и дремучим консерватизмом столетней выдержки. В этом контексте Эстония работает «на опережение» показывая, что русофобия может сочетаться с мигрантофобией и евроскептицизмом.

Необходимо подчеркнуть еще один важный аспект. Возрождение фашизма опирается на преемственность моделей восприятия истории старшими поколениями, но целью являются младшие поколения. «Фактор исторической памяти чрезвычайно важен для формирования патриотических установок в контексте конструирования позитивной политической культуры современной молодежи» [11, с. 173]. Это положение работает в две стороны и превращает нас в антагонистов. «Позитивная культура» для наших прибалтийских соседей — реабилитация участников дивизий СС и парамилитарных формирований. Позитивная культура для Российской Федерации — борьба с реабилитацией фашизма в любых проявлениях.

Российская политика, как внешняя, так и внутренняя, обладает большой способностью к адаптации. Однако для стран Прибалтики рассчитывать на то, что отношение к глорификации нацизма изменится — не следует. Понимания, оправдания и соглашательства с этой позицией не будет.

Литература

1. Белов С. И. Реабилитация нацистского режима, его сторонников и пособников в европейском кинематографе: текущее состояние и новые тренды в развитии политики памяти // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 1. С. 110–117.
2. Воронников В. В. Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: поиски консенсуса в условиях экономического кризиса // Вестник МГИМО. 2013. № 6 (33). С. 25–33.
3. Вылегжанин А. Н., Синякин И. И., Скуратова А. Ю. Современное международно-правовое значение Нюрнбергского процесса // Современное право. 2017. № 1. С. 117–130.
4. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1. С. 9–61.
5. Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К. Иностранные формирования Третьего рейха. М.: Астрель, 2011.
6. Еремина Н. В. Проблема интерпретации понятий нации и самоопределения в начале XX и в начале XXI в. на примере стран Прибалтики // Прибалтийские исследования в России. 2017–2018. Сборник статей по итогам международной научной конференции «Войны и революции 1917–1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы» (Санкт-Петербург, 23–25 октября 2017 г.) / Российская ассоциация прибалтийских исследований; Фонд «Историческая память»; сост. Н. М. Межевич. — М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2018. С. 149–161.
7. Калхун К. Национализм. М., 2010.
8. Кирчанов М. В. Континуитет и дискретность в современной исторической памяти стран Балтии // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 180–218.
9. Креслиньш У. Движение «активного национализма» в Латвии: 1922–1934 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 26–42.
10. Крысин М. Ю., Литвинов М. Ю. Органы госбезопасности против буржуазных националистов Прибалтики. М.: Вече, 2017.
11. Кутыкова И. В., Халлисте О. В. Историческая память современных школьников России и Эстонии: социологический анализ // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2015. № 3. С. 168–176.

12. Манн М. Фашисты. М. : Пятый Рим, 2019.
13. Никифоров И. Эстония между I и III республикой (1988-1992): опыт инклюзивной реконструкции исторического нарратива // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2017. № 1 (8). С. 122–156.
14. Панин Е. Н. Деятельность латышских национальных формирований на территории СССР в годы Великой Отечественной Войны (июнь 1941 г. — май 1945 г.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009.
15. Платошкин Н. Н. Отношение в ФРГ к Нюрнбергскому трибуналу, или Коричневые тени прошлого // Международная жизнь. Спецвыпуск: Уроки Нюрнберга и новые вызовы и угрозы. 2016. № 13. С. 69–82.
16. Поздняков Э. А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М., 1994.
17. Симиндей В. В. Политика лжи и беспамятства // Историк. 2019. № 3 (51). С. 65.
18. Симиндей В. В. Основные историко-политические проблемы в российско-балтийских отношениях // Международная жизнь. 2020. № 1. С. 131.
19. Смирнов В. А. Литовская диаспора в США как канал элитного рекрутирования в постсоветской Литве // Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А. В. Дуки. СПб., 2012.
20. Снайдер Т. О тирании. 20 уроков XX века. М. : АСТ, 2018.
21. Суржик Д. Перипетии исторической политики и памяти в Прибалтике [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2016. № 2. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1442>
22. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
23. Фарушкин М. Х. Этнократия: зарубежный дискурс // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 44–50.
24. Park A. Turning-points of post-communist transition: Lessons from the case of Estonia // Proceedings of the Estonian Academy of Sciences 44/3. Tallinn, 1995.

Об авторе:

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Belov S. I. Rehabilitation of the Nazi regime, its supporters and accomplices in European cinema: current state and new trends in the development of memory policy // Journal of the RUDN. Series: Political science [Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya]. 2019. V. 21. No. 1. P. 110–117. (In rus)
2. Vorotnikov V. V. The Baltic ethnocracy between Russia and Europe: seeking consensus in the context of the economic crisis // MGIMO Messenger [Vestnik MGIMO]. 2013. No. 6 (33). P. 25–33. (In rus)
3. Vylegzhanin A. N., Sinyakin I. I., Skuratova A. Yu. Modern International Legal Significance of the Nuremberg Process // Modern Law [Sovremennoe pravo]. 2017. No. 1. P. 117–130. (In rus)
4. Gellner E. The Coming of Nationalism. Myths of the Nation and Class // The Way. International philosophical journal [Put'. Mezhdunarodnyi filosofskii zhurnal]. 1992. No. 1. P. 9–61. (In rus)
5. Drobyazko S. I., Romanko O. V., Semenov K. K. Foreign formations Third Reich. M.: Astrel, 2011. (In rus)
6. Eremina N. V. The problem of interpreting the concepts of nation and self-determination at the beginning of XX and at the beginning of XXI century on the example of Baltic countries // Baltic studies in Russia. 2017–2018. Collection of articles on the results of the international scientific conference "Wars and Revolutions 1917–1920: Formation of Statehood of Finland, Estonia, Latvia and Lithuania" (St. Petersburg, October 23–25, 2017) / Russian Association of Baltic Studies; Historical Memory fund; collection of N. M. Mezhevich. Moscow: Association of publishers "Russian Book," 2018. P. 149–161. (In rus)
7. Calhoun C. Nationalism. M., 2010. (In rus)
8. Kirchanov M. V. Continuity and Discreteness in the Modern Historical Memory of the Baltic States // Journal of Russian and Eastern European Historical Studies [Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovaniy]. 2019. No. 1 (16). P. 180–218. (In rus)
9. Kreslinsh U. Movement of "active nationalism" in Latvia: 1922–1934 // Journal of Russian and Eastern European Historical Studies [Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovaniy]. 2019. No. 1 (16). P. 26–42. (In rus)

10. Krysin M. Yu., Litvinov M. Yu. State security bodies against bourgeois nationalists of the Baltics. M.: Veche, 2017. (In rus)
11. Kutukova I. V., Halliste O. V. Historical Memory of Modern Schoolchildren of Russia and Estonia: Sociological Analysis // SPbSU Journal. Series 12 [Vestnik SPbGU. Ser. 12]. 2015. No. 3. P. 168–176. (In rus)
12. Mann M. Fascists. M.: Fifth Rome, 2019. (In rus)
13. Nikiforov I. Estonia between I and III Republic (1988–1992): experience of inclusive reconstruction of historical narrative // Journal of Russian and Eastern European Studies [Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh issledovaniy]. 2017. No. 1 (8). P. 122–156. (In rus)
14. Panin E. N. Activity of Latvian national formations in the USSR during the Great Patriotic War (June 1941 — May 1945) : Doctoral dissertation abstract. M., 2009. (In rus)
15. Platoshkin N. N. Attitude in Germany to the Nuremberg Tribunal, or Brown Shadows of the Past // International Life. Special: Lessons from Nuremberg and new challenges and threats [Mezhdunarodnaya zhizn'. Spetsvypusk: Uroki Nyurnberga i novye vyzovy i ugrozy]. 2016. No. 13. P. 69–82. (In rus)
16. Pozdniakov E. A. Nation. Nationalism. National interests. M., 1994. (In rus)
17. Simindei V. V. The Politics of Lies and Carelessness // Historian [Istorik]. 2019. No. 3 (51). P. 65. (In rus)
18. Simindei V. V. Main historical and political problems in Russian-Baltic relations // International life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2020. No. 1. P. 131. (In rus)
19. Smirnov V. A. Lithuanian Diaspora in the United States as a channel of elite recruitment in post-Soviet Lithuania // Materials of the Tenth Russian Seminar "Sociological Problems of Institutions of Power in Conditions of Russian Transformation" / under ed. A. V. Duka. SPb., 2012. (In rus)
20. Snyder T. On Tyranny: Twenty Lessons from the Twentieth Century. M.: AST, 2018. (In rus)
21. Surzhik D. Twists of Historical Policy and Memory in the Baltics [Electronic Resource] // International Life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2016. No. 2. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1442> (In rus)
22. Tishkov B. A. Essays of theory and policy of ethnicity in Russia. M., 1997. (In rus)
23. Farukshin M. H. Ethnocracy: foreign discourse // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2015. No. 4. P. 44–50. (In rus)
24. Park A. Turning-points of post-communist transition: Lessons from the case of Estonia // Proceedings of the Estonian Academy of Sciences 44/3. Tallinn, 1995.

About the author:

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Экологические аспекты современного экономического развития

Бойко И. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; boyko-iv@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Проблемы изменения климата и загрязнения окружающей среды создают угрозы не только для стабильного развития бизнеса и национальной экономики, но и жизнедеятельности человека в целом. В статье рассматриваются различные негативные процессы, связанные с антропогенным влиянием на природу и их экономические последствия. Аргументируется неэффективность и ограниченность фискальных методов, преобладающих в международных соглашениях по климату. Обосновывается отсутствие единого, целостного подхода к решению разнообразных проблем, связанных с антропогенным воздействием на природу. Приводится мнение о различном влиянии экологических проблем на экономику стран в зависимости от уровня их развития. Отмечается особая сложность экологических проблем для России, экономика которой в значительной степени зависит от добывающих отраслей промышленности, прежде всего от нефти и газа. Делается вывод о том, что экологические проблемы требуют глубокой структурной перестройки экономики. Аргументируется необходимость технологической перестройки российской экономики в направлении сокращения добычи природных ресурсов и постепенного перехода к наукоемкому производству, к «зеленой» экономике.

Ключевые слова: изменение климата, выбросы парниковых газов, антропогенное воздействие, экономический ущерб, технологическая реструктуризация

Для цитирования: Бойко И.В. Экологические аспекты современного экономического развития // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 33–41.

Ecological Challenges and the Modern Economic Development

Irina V. Boiko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; boyko-iv@ranepa.ru

ABSTRACT

Climate change and the other environmental problems have been threatening the business and economic sustainability in all over the world and undermine the human existence in general. The article examines various global challenges, stemming from the anthropogenic impact on the nature and assesses their economic consequences. Despite the international community endeavours to react on the environmental change in a number of agreements and actions, their positive effect is still low. The article states the limitation of the fiscal methods, applied for the climate change actions and underlines the lack of the holistic approach needed for overcoming the various types of the anthropogenic pressure on the nature. The proposition is made for classification of the environmental problems in terms of their impact on national economies. The effect of the environmental problems is more severe for the countries having the lower level in economic development, which means that overcoming the ecological problems could be successful when the less developed and falling behind countries have been catching up the more advanced nations. The technological restructurization of the national economies is represented as the main road for coping with the ecological problems. Russia represent a special case in within ecological problems, mostly determined by the substantial raw resources dependence of its economy, which reveals the necessity of technological restructurization of the national economy based on the drastically substitution of raw resources by the science ware and green production.

Keywords: climate change, greenhouse gas emissions, anthropogenic impact, economic damage, technological restructurization

For citing: Boiko I.V. Ecological Challenges and the Modern Economic Development // Administrative consulting. 2020. No. 4. P. 33–41.

Проблема изменения климата становится одной из ключевых проблем, определяющих не только отношения между обществом и властью, но и условия жизнедеятельности человека в целом. Во многих странах усиливаются протестные движения, такие как молодежное движение «Пятницы для будущего» (Friday for Future), в основе которых — требования незамедлительных действий по сдерживанию развития негативных климатических процессов. Стремительно увеличивается, по некоторым оценкам, и экономический ущерб, связанный с изменением климата. Как пишет американский экономист К. Амадео, «начиная с 1980 г. чрезвычайные погодные условия стоили мировой экономике 1,6 трлн долл. ...В том случае, если температура повысится только на 2 градуса Цельсия, мировой валовой продукт сократится на 15%. Если температура повысится на 3 градуса Цельсия, то глобальный валовой продукт снизится на 25%. Если меры не будут приняты, то к 2100 г. глобальный валовой продукт сократится более чем на 30% по сравнению с 2010 г. Это будет худшей, чем во времена Великой депрессии, ситуацией, когда мировая торговля сократилась на 25%» [6].

В связи с изменением климата огромные потери несет не только население стран, подвергшихся наводнениям, пожарам, ураганам или засухам, потери также несут бизнес и правительства этих стран, вынужденные тратить все более существенные средства на борьбу с аномальными природно-климатическими процессами, а также на преодоление их последствий. По всей видимости, преодоление негативных последствий изменения климата становится одной из главных проблем для мирового сообщества, которая должна привести к пересмотру экономической политики, проводимой многими странами мира. И вполне возможно, что рост валового внутреннего продукта, как основной индикатор эффективности проводимой макроэкономической политики, потеряет свое ключевое значение.

После многолетних дискуссий международное сообщество пришло к выводу о том, что изменение климата носит антропогенный характер, то есть является следствием деятельности человека. «Пять лет назад скептицизм в отношении возможного изменения климата являлся процветающим промыслом. Скептиков в вопросах изменения климата щедро финансировали крупные компании, их мнения широко освещали СМИ и внимательно выслушивали некоторые правительства, они оказывали неоправданно большое влияние на общественное понимание данной проблемы. Сегодня каждый заслуживающий доверия климатолог считает, что изменение климата реально, что оно серьезно и связано с выбросом CO_2 » [2, с. 73]. Попытки отрицать решающую роль антропогенного фактора несостоятельны хотя бы потому, что «он не только нарушает сложившийся природный баланс между естественной эмиссией парниковых газов и их поглощением, но и действует как «спусковой механизм» увеличения природной эмиссии (например, в результате таяния вечной мерзлоты) и, кроме того, ведет к сокращению поглощающей способности земной поверхности (вследствие сведения лесов, загрязнения поверхности океанов и т. п.). Поэтому можно говорить о совместном действии обоих факторов, среди которых антропогенному принадлежит сегодня ведущая роль» [2, с. 72].

Но нам представляется, что проблема должна быть поставлена шире, чем только изменение климата, оказывающее негативное влияние на жизнедеятельность человека. Речь должна идти об отношении человека к ресурсам, которые он извлекает из природы для осуществления своей хозяйственной деятельности и роста благосостояния. В данной статье мы попытаемся систематизировать экономические проблемы, которые характеризуют широкий спектр взаимоотношений между человеком и природой, а также представим свое видение того, на каком направлении следует искать выход из сложившейся опасной экзистенциальной ситуации.

По оценкам многих западных экспертов, усиливающиеся проблемы во взаимоотношениях человека с природой не только приводят к большим экономическим потерям

и снижению валового внутреннего продукта, но также повышают страховые расходы компаний и населения, обуславливают увеличение затрат на здравоохранение, приводят к росту так называемой «климатической миграции» людей¹, к усилению «агфляции» и создают угрозу национальной и мировой продовольственной безопасности². Так, ожидается, что «к 2050 г. население Земли вырастет с 7 млрд до 9 млрд человек, при этом прогнозируется почти четырехкратный рост мировой экономики с растущим спросом на энергетические и природные ресурсы... К 2050 г. около 70% населения всего мира будет проживать в городах, усугубляя вызовы, связанные с загрязнением воздуха, избыточным количеством транспортных средств и утилизацией отходов»³.

Каковы основные экономические проблемы, связанные с изменением окружающей среды? Некоторые западные эксперты относят к ним следующие: изменение климата, нарушение биологического разнообразия, значительный ущерб, наносимый водным ресурсам⁴. Мы предлагаем дополнить существующие классификации природно-климатических проблем с учетом их возможного негативного экономического эффекта (табл.)⁵.

Анализ экономических последствий, связанных с экологическими проблемами, приводит к выводу о том, что оппоненты политики по борьбе с изменениями климата, обосновывающие свою позицию значительными затратами на производство альтернативных источников энергии и на технологическую реструктуризацию традиционных производств, не осознают того, что человеком уже запущен не только процесс деградации самой основы для экономической деятельности, а, следовательно, и ведения бизнеса, но и существования самого человека как природного явления. Современные ученые считают, что человечество уже живет в разрушающемся мире в условиях все нарастающего жестокого экологического кризиса, который превращается в кризис всей цивилизации.

Р. А. Бурко и Т. В. Терешина справедливо отмечают, что «Экологический кризис мы можем определить как нарушение равновесия в экологических системах и в отношениях человеческого общества с природой» [1, с. 237–238]. Поэтому стоимостные калькуляции и применение системы национальных счетов (СНС) для оценки экономического роста с учетом значимости изменения отношения человека к природе и масштабами наносимого ей ущерба, неуместны. Требуется изменение

¹ Согласно данным United Nations High Commissioner for Refugees, начиная с 2008 г. по настоящее время по причине экстремальных погодных условий места своего проживания покинули более 22,5 млн чел. К 2050 г. климатические изменения могут стать причиной миграции 700 млн человек [6].

² Ввиду экстремально жаркой погоды цены на продовольственные товары в США продолжают расти. Так, урожай соевых бобов и кукурузы в США стремительно сокращается при температуре выше 84 градусов по Фаренгейту. Эти культуры используются в качестве корма для крупного рогатого скота и в других видах мясного животноводства, что приводит к существенным колебаниям цен на говядину, молоко и птицу. В то же время существенно сокращается производительность труда, в особенности работников, занятых на свежем воздухе. Все это приводит к дальнейшему росту цен на продукты питания [6].

³ Перспективы окружающей среды ОЭСР на период до 2050 года: последствия бездействия. Резюме [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/env/outreach/OECD%20outlook%20to%202050_Highlights_RUS.pdf (дата обращения: 15.12.2019)

⁴ Там же.

⁵ Следует признать, что, наряду с отрицательными, некоторые эксперты выделяют также и положительные эффекты для развития экономики и бизнеса, связанные с изменением климата. К примеру, британские страховые компании планируют рост доходности в связи с экстремальными погодными условиями, что, однако, также будет способствовать росту инфляции (Climate change and the global economy: growth and inflation. Schroders economic views [Электронный ресурс]. URL: <https://www.schroders.com/en/us/private-investor/insights/economic-views/climate-change-and-the-global-economy-growth-and-inflation/> (дата обращения: 21.02.2020)).

Таблица

Экологические проблемы и их некоторые негативные экономические последствия
Table. Environmental problems and some negative economic impacts

Проблема	Природа явления	Отрицательный экономический эффект
Изменение климата	Растущие выбросы парниковых газов, особенно CO ₂ , приводящие к изменению (потеплению) климата, и, как следствие, к таянию льдов, наводнениям, ураганам и другим катаклизмам	- Засухи, наводнения, повышение засоленности почв, приводящие к снижению урожайности, следовательно, к росту цен на продовольственные товары, увеличению числа банкротств фермерских хозяйств и т.д.; - ураганы, наводнения и другие явления, вызывающие разрушения зданий и сооружений и требующие значительных затрат на их восстановление; - протаивание мерзлого грунта, приводящее к снижению устойчивости построек в районах вечной мерзлоты и т.д.
Загрязнение окружающей среды	Захоронение в почве, выбросы в атмосферу и сжигание промышленных и бытовых отходов; загрязнение земель сельскохозяйственного назначения химическими удобрениями; масштабное загрязнение почвы и воды пластиками отходами и др.	- Рост «экологических» налогов, расходов на очистку (воздуха, воды, почвы), что снижает уровень рентабельности производства и конкурентоспособность компаний; - увеличение затрат на сбор, транспортировку, хранение и переработку отходов; - увеличение расходов на рекультивацию земель; - косвенные экономические потери, связанные с ростом бюджетных расходов на компенсаторное здравоохранение
Избыточное использование (переэксплуатация) природных ресурсов	Чрезмерная вырубка лесов, перелов рыбных ресурсов, чрезмерное извлечение минеральных и энергетических ресурсов	- снижение объемов добычи ресурсов и снижение рентабельности добывающих предприятий; - рост расходов предприятий обрабатывающих отраслей промышленности в связи с ростом цен на сырье; - рост расходов на восстановление лесов и угодий; - увеличение расходов на импорт ограниченных ресурсов, используемых как сырье в добывающей промышленности
Потеря биологического разнообразия	Исчезновение ряда видов флоры и фауны в связи с пожарами, наводнениями, а также антропогенной деятельностью (обезлесивание территорий, «прилов» при добыче рыбных ресурсов, истребление животных и т.д.)	- возникновение ограниченности отдельных ресурсов и рост их ценности (цены); - рост затрат на защиту и восстановление исчезающих популяций; - сокращение возможности для повышения разнообразия продукции, производимой на основе разнообразного природного сырья - существенные расходы на опыление, орошение, утилизацию отходов и другие процессы, которые человеку придется взять на себя вместо исчезающих растений и животных¹

¹ Массовое вымирание некоторых видов животных и птиц уже нанесло серьезный ущерб сельскому хозяйству. Так, популяция летучих мышей и птиц, которые опыляют растения, снизились на 17%. По оценкам ООН, 75% мировых продовольственных культур в определенной степени зависят от опылителей. В случае вымирания летучих мышей и птиц может исчезнуть около 8% видов продовольствия [6].

фундаментальной парадигмы экономического развития, на основе которой должны разрабатываться новые способы преодоления глубоких, системных угроз, с которыми сталкивается человечество.

Следует признать, что в результате длительного переговорного процесса международному сообществу все же удалось сформировать общую позицию по отношению к борьбе с изменением климата, в отличие от других проблем, которые также требуют консолидированной международной реакции. В этой связи, важнейшим решением стало подписание в 1997 г. ведущими странами мира Киотского протокола — международного соглашения, направленного на снижение выбросов парниковых газов в атмосферу. В развитие данного решения в 2016 г. было подписано Парижское соглашение по климату¹, которое направлено на снижение содержания углекислого газа в атмосфере и ограничение темпов повышения температуры на Земле. В Европейском союзе принята программа по противодействию климатическим изменениям — «European Climate Change Policy», которая реализуется по двум основным направлениям: снижение выбросов CO₂ в атмосферу и повышение эффективности использования энергии².

Некоторые страны на национальном уровне прилагают значительные усилия по предотвращению климатической катастрофы. Так, в соответствии с решениями, заключенными в рамках Парижского соглашения и в соответствии с федеральным законом по климату — «Climate Action Law» — Германия разработала и начала реализацию официальной программы по борьбе с изменением климата «Germany Climate Action Programme — 2030». Согласно данной программе, к 2030 г. предполагается снижение уровня выброса парниковых газов на 55% по сравнению с 1990 г., т. е. выбросы углерода должны снизиться с примерно 866 тонн в год в 2018 г. до 563 млн тонн к концу следующего десятилетия. Важно и то, что в данном документе подчеркивается, что цели Германии в области климата означают «изменение нашего образа жизни и управления экономикой»³. Эти факты свидетельствуют о решимости ведущих стран мира переосмыслить основы современного экономического развития.

Несмотря на обнадеживающие заявления политиков, следует признать, что существенным недостатком современных мер по улучшению климата является то, что они направлены на улучшение существующей экономической системы, на повышение ее экологической эффективности, но не на ее радикальное изменение. Эти меры реализуются в рамках доминирующей монетаристской парадигмы и носят, как правило, фискальный характер. К ним следует отнести повышение «экологических» налогов, финансирование программ по снижению выбросов CO₂ в атмосферу, выделение средств на создание альтернативных источников энергии и др.

К примеру, для смягчения последствий глобального потепления предлагается сокращать выбросы парниковых газов (ПГ). При этом в качестве механизма рассматриваются в основном фискальные меры: «налоги на выбросы ПГ; механизмы торговли квотами на выбросы, когда государство ограничивает для фирм объем допустимых вредных выбросов, но позволяет им торговать своими разрешениями на эти выбросы; гибридные программы, сочетающие элементы налогов на углерод и торговли квотами» [4, с. 18]. Влиятельная международная организация «Organization for Economic Cooperation and Development» (OECD) для решения экологических проблем предлагает так называемые единые подходы: «повысить цену загрязнения

¹ США вышли из Парижского соглашения в 2017 г.

² European Climate Change [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/ecss_en (дата обращения: 21.02.2020)

³ Germany Climate Action Programme [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cleanenergywire.org/factsheets/germanys-climate-action-programme-2030> (дата обращения: 14.01.2020).

окружающей среды по сравнению с ценой более «зеленых» альтернатив; оценить и отразить стоимость природных активов и услуг экологических систем, отменить экологически вредные субсидии, стимулировать «зеленые инновации»¹.

Даже Парижское соглашение в качестве инструментов реализации основных его положений содержит применение финансовых механизмов, что на практике зачастую приводит к росту социально-политических противоречий в обществе². Становится вполне очевидным, что данные меры не только не приводят к решению все более сложных экологических проблем, но и порождают серьезные внутренние проблемы, которые, учитывая общую сложную ситуацию в мировой и национальной экономике, могут спровоцировать масштабный внутренний экономический и даже социально-политический кризис.

Еще одним методологическим недостатком существующих подходов к преодолению экологических проблем и негативных последствий изменения климата является отсутствие единого, целостного подхода к их решению. Отдельные меры принимаются, к примеру, по отношению к пластиковым отходам, другие — к восстановлению лесов, третьи — к снижению выбросов парниковых газов в атмосферу. По нашему глубокому убеждению, необходимо искать общие, системные проблемы во взаимосвязи человека с природой, ресурсы которой он использует для решения жизненно важных проблем и повышения уровня своего благосостояния. Такой же системный подход требуется и при разработке программ по их решению.

Ввиду отсутствия совершенной методологической основы для исследования различных экологических проблем в их взаимозависимости и взаимовлиянии на экономическое развитие, о чем мы упоминали выше, сегодня можно обратиться лишь к эмпирическим доказательствам этой взаимосвязи. Так, к примеру, сокращение объемов пищевых отходов и их вторичная переработка приводит к существенному сокращению выбросов парниковых газов в атмосферу. По оценкам Drawdown Coalition³, «при снижении пищевых отходов на 50% выбросы CO₂ в атмосферу сократятся на 26,2 гигатонны» [6]. Очевидным фактом является поддержание биологического разнообразия в природе в результате снижения уровня загрязнения воздуха, воды и почвы.

Еще одним важным теоретико-методологическим аспектом влияния экологических проблем на экономическое развитие является его существенное различие между странами: страны, имеющие более низкий уровень развития, сталкиваются с более серьезными социально-экономическими проблемами, чем страны более развитые. Так, Кимберли Амадео отмечает, что изменение климата может привести к снижению урожая в Африке более чем на 50%, что обусловлено отсутствием развитой ирригационной системы, высококачественных семян, пестицидов, а также недостатком инвестиций, трудностями доступа к рынкам сбыта в связи с плохими

¹ Перспективы окружающей среды ОЭСР на период до 2050 года: последствия бездействия. Резюме [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/env/outreach/OECD%20outlook%20to%202050_Highlights_RUS.pdf (дата обращения: 15.12.2019).

² Так, повышение налогов на дизельное топливо на 6,5 центов за литр в 2019 г., предпринятое французским правительством, привело к развитию масштабного протестного движения в стране, известному, как «восстание желтых жилетов». А в ноябре 2019 г. французские фермеры вывели на улицы Парижа более тысячи тракторов в ходе протеста против проводимой в ЕС и во Франции политики в отношении климатических изменений и окружающей среды, которую они называют agri-bashing — «поркой для аграриев» ([Электронный ресурс]. URL: <https://www.euronews.com/2019/11/27/watch-live-french-farmers-stage-rolling-tractor-roadblock-to-protest-against-agri-bashing> (дата обращения: 21.02.2020)).

³ Drawdown Coalition — растущая международная сеть, состоящая из более чем 200 исследователей, лидеров бизнеса, политиков, а также лиц, принимающих решения, взаимодействующих друг с другом в целях разработки наиболее всеобъемлющего плана по преодолению проблем, связанных с глобальным потеплением климата.

дорогами и недостаточным уровнем безопасности в сельскохозяйственном производстве. Он также утверждает, что менее развитые страны обладают худшими возможностями для адаптации к природным катаклизмам. Они не обладают возможностями для разработки новых технологий или для их приобретения. Эти страны зачастую не имеют средств для защиты от погодных условий (например, систем кондиционирования воздуха, противомаларийных вакцин, программ страхования урожая). Эти страны лишены возможности, а иногда и политической воли, для мобилизации ресурсов, необходимых для создания крупных инфраструктурных объектов, например, ирригационных систем и сооружений по защите береговой линии от наводнений [6].

Важно понимать, что борьба с изменениями климата и преодоление глобальных экологических проблем требуют не только осуществления мер по борьбе с этими негативными явлениями, но и повышения уровня экономического развития отсталых регионов и стран мира, интенсивных поисков новых технологий и внедрения их в хозяйственную деятельность, углубления уровня диверсификации экономики для преодоления монокультурной специализации, в особенности в аграрном производстве — наиболее зависимом от изменений природно-климатических условий. Кимберли Амадео справедливо замечает, что страны смогут преодолеть проблемы, связанные с погодно-климатическими изменениями, либо осуществляя свою адаптацию к климатическим изменениям, либо преодолевая свою бедность [6].

Среди других стран Россия отличается как по характеру причин, вызывающих серьезные погодно-климатические изменения, так и по характеру их последствий. Считается, что Россия теплеет примерно в 2,5 раза быстрее, чем в среднем этот процесс идет на планете. А если говорить об Арктике — то в 3,5 раза. Климатологи объясняют это прежде всего тем, что «мы живем в единственном поясе, в котором площадь суши значительно превосходит площадь водной поверхности. Океан — огромный аккумулятор тепла, поэтому в известной степени он может нивелировать влияние изменяющихся условий. У суши теплоемкость совершенно другая, да к тому же называется рельеф»¹. Более серьезные последствия для развития экономики нашей страны имеют также и проблемы загрязнения окружающей среды и переэксплуатации природных ресурсов. Так, согласно данным Росприроднадзора, к началу 2018 г. в России было накоплено 38 млрд 73 млн тонн промышленных и бытовых отходов. При этом в течение 2017 г. образовалось 6 млрд 220,6 млн тонн. Утилизировано для повторного применения в 2018 г. было 2 млрд 53,9 млн тонн отходов. Порядка 90% приходится на долю различных производств, в основном добывающих².

Известно, что наша страна находится в сильной зависимости от добычи и экспорта углеводородного сырья. По мнению ученых, нефть является одним из главных загрязнителей окружающей среды. «Загрязнение окружающей среды происходит в результате добычи, транспортировки, переработки и утилизации нефти и нефтепродуктов, а также в результате несанкционированного сброса нефтепродуктов в водоемы, техногенных аварий, промышленного производства. Стоки с городских территорий, морских портов, различных промышленных площадок также являются загрязненными данными веществами. Загрязнения нефтью и нефтепродуктами встречаются повсеместно: в почвенном слое, гидросфере, атмосфере. В связи с ухудшением экологической обстановки, имеющей место на загрязненной территории, мы наблюдаем существенное ухудшение состояния как растительного, так

¹ Ученые объяснили, почему климат России теплеет быстрее всех в мире // Российская газета. 12.01.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/01/12/reg-urfo/uchenye-obiasnili-pochemu-klimat-rossii-tepleet-bystree-vseh-v-mire.html> (дата обращения: 21.02.2020).

² Утилизация мусора в России. Как реформируют отрасль // ТАСС. 15.01.2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/6000776> (дата обращения: 21.02.2020).

и животного миров» [3, с. 89]. Несмотря на то, что государство уделяет большое внимание борьбе с загрязнением окружающей среды, в том числе в рамках государственной программы «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 гг., в течение всего периода с 2012 по 2019 г. добыча нефти в РФ, хотя и не очень высокими темпами, но увеличивалась¹.

Трудно не согласиться с мнением, что «в будущем России необходимо предпринимать дальнейшие меры по повышению энергоэффективности и развитию инновационной, низкоуглеродной экономики, что должно привести к снижению объемов выбросов парниковых газов»². Чрезмерно высокая зависимость от развития добывающих отраслей промышленности создает угрозу будущему развитию экономики и жизнедеятельности населения на территории нашей страны. Поэтому нам представляется, что основным направлением снижения антропогенной нагрузки на природу, вызывающей опасное изменение окружающей среды в Российской Федерации, является изменение структуры экономики и постепенное замещение добывающих отраслей, прежде всего, нефтегазодобывающей, отраслями наукоемкими, формирующими чистую, «зеленую» экономику.

Проблемы, связанные с негативным влиянием изменения окружающей среды на хозяйственную деятельность и жизнеспособность человека в целом являются глобальными, следовательно, требуют мобилизации лучших интеллектуальных сил планеты для разработки плана действий и его реализации. В настоящее время ведущие страны мира пытаются оценить последствия этих изменений на мировую экономику и выработать общий план действий. Эффективные решения могут быть найдены в том случае, если данные проблемы будут рассматриваться комплексно и в связи с проведением глубокой структурной, технологической перестройки экономики на локальном (региональном), национальном уровнях и на этой основе — в глобальной экономике в целом. У экономистов «большое будущее», как утверждает Кимберли Амадео, «определение политики в отношении климата является в современных условиях одной из наиболее важных... Она на многие годы делает востребованным труд экономистов» [6].

С этим трудно не согласиться. И как мы ранее утверждали, «сегодня, как никогда прежде, лучшие интеллектуальные силы планеты должны объединиться, чтобы сформировать новое направление глобального развития на основе новых фундаментальных принципов» [5, с. 20]. Важно признать, что в рамках существующей парадигмы мирового экономического развития принимаемые международным сообществом меры по преодолению экологических проблем означают лишь стремление к паллиативному улучшению системы, которая эти проблемы порождает. Следовательно, для преодоления проблем, связанных с антропогенным влиянием человека на природу требуется изменение самой парадигмы экономического развития.

Литература

1. Бурко Р. А., Терешина Т. В. Экологические проблемы современного общества и их пути решения // Молодой ученый. 2013. № 11. С. 237–238.
2. Вебер А. В. Глобальное потепление климата. Кто виноват и что делать? // Век глобализации. 2008. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/129826/> (дата обращения 15.01.2020).
3. Двадненко М. В., Маджигатов Р. В., Ракитянский Н. А. Воздействие нефти на окружающую среду // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 3–1. С. 89–90.

¹ Подробнее об этом в ст. «Добыча нефти в России». TAdviser. Российский интернет портал и аналитическое агентство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 16.02.2020).

² Там же.

4. *Тамириса Н.* Изменение климата и экономика // Финансы и развитие. Журнал Международного валютного фонда. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2008/03/pdf/tamirisa.pdf> (дата обращения: 16.12.2019).
5. *Boiko Irina* (October 23rd 2019). Technological Reconstruction of the Global Economy, Globalization, George Yungchih Wang, IntechOpen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.intechopen.com/books/globalization/technological-reconstruction-of-the-global-economy> (дата обращения: 25.01.2020).
6. *Kimberly Amadeo.* Climate Change Facts and Effect on the Economy. What Has Climate Change Cost Us? What's Being Done? June 25, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thebalance.com/economic-impact-of-climate-change-3305682> (дата обращения: 14.11.2019).

Об авторе:

Бойко Ирина Викторовна, профессор кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; ivboyko@mail.ru

References

1. Burko R.A., Teryoshina T.V. Environmental problems of modern society and ways of solving // Young scientist [Molodoi uchenyi]. 2013. No. 11. P. 237–238. (In rus)
2. Weber A.V. Global warming climate. Who 's to blame and what to do? [Electronic resource] // Age of globalization [Vek globalizatsii]. 2008. No. 1. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/129826/> (date of appeal: 15.01.2020). (In rus)
3. Dvadenko M.V., Madzhatov R.V., Rakityansky N.A. Oil Impact on the Environment // International Journal of Experimental Education [Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya]. 2017. No. 3-1. P. 89–90. (In rus)
4. Tamirisa N. Climate Change and Economics [Electronic Resource] // Finance and Development. Journal of the International Monetary Fund. 2008. No. 3. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2008/03/pdf/tamirisa.pdf> (date of appeal: 16.12.2019). (In rus)
5. Boiko Irina (October 23rd 2019). Technological Reconstruction of the Global Economy, Globalization, George Yungchih Wang, IntechOpen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.intechopen.com/books/globalization/technological-reconstruction-of-the-global-economy> (дата обращения: 25.01.2020).
6. Kimberly Amadeo. Climate Change Facts and Effect on the Economy. What Has Climate Change Cost Us? What's Being Done? June 25, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thebalance.com/economic-impact-of-climate-change-3305682> (дата обращения: 14.11.2019).

About the author:

Irina V. Boiko, Professor of the Chair of the Customs Administration of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy); ivboyko@mail.ru

Кластерная политика по результатам анализа ситуации в муниципальном образовании

Лапыгин Ю. Н. *, Тулинова Д. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Владимирский филиал), г. Владимир, Российская Федерация; *lapugin.y@gmail.com

РЕФЕРАТ

Стратегия развития муниципального образования непременно обращена в будущее и содержит отдельные функциональные стратегии, которые принято называть политиками. К таким политикам следует отнести и кластерную политику, которая набирает свою популярность при разработке стратегии на уровне современных российских регионов, однако в отдельных муниципальных образованиях могут складываться условия для формирования сети кластеров. Поэтому рассмотрение вопросов кластеризации на уровне муниципальных образований представляет интерес с теоретической и практической точек зрения.

При исследовании теоретических и прикладных задач, обусловленных формированием кластерной политики на уровне муниципального образования использованы общенаучные методы, включая методы логического, системного, сравнительного и компаративного анализа. Показано место кластерной политики в структуре стратегий развития регионов Центрального федерального округа с акцентом на реализации кластерной политики во Владимирской области. Систематизированы представления о кластерном подходе как с точки зрения интеграции организаций и типологии кластеров, так и в отношении связи кластерных и сетевых структур. Разработан алгоритм построения кластерной политики на уровне муниципального образования на базе результатов анализа факторов внешней и внутренней среды. Научная новизна разработанных процедур заключается, во-первых, в предложении использовать результаты анализа для построения морфологических матриц, позволяющих получить стратегически значимые решения; во-вторых, в структурировании полученных решений методом парных сравнений и путем построения иерархии решений; в-третьих, в выделения решений о построении совокупности кластеров с позиций кластерного подхода, учитывая тенденции кластеризации, вариантов типологии кластеров и возможности построения сетей.

Предлагаемый подход к формированию кластерной политики в регионе реализован в процессе разработки стратегий развития трех муниципальных образований Владимирской области в 2018–2019 гг.

Ключевые слова: интеграция, кластер, сеть, стратегия, регион, муниципальное образование, типология, структурные схемы

Для цитирования: Лапыгин Ю. Н., Тулинова Д. В. Кластерная политика по результатам анализа ситуации в муниципальном образовании // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 42–52.

Cluster Policy Based on the Analysis of the Situation in the Municipality

Yury N. Lapygin*, Darya V. Tulinova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir Branch), Vladimir, Russian Federation; *lapugin.y@gmail.com

ABSTRACT

The development strategy of the municipality is certainly facing the future and contains individual functional strategies, which are commonly called politicians. These policies include cluster policy, which is gaining popularity when developing a strategy at the level of modern Russian regions, however, in some municipalities conditions may arise for the formation of a network of clusters. Therefore, consideration of clusterization issues at the level of municipalities is of interest from a theoretical and practical point of view.

In the study of theoretical and applied problems caused by the formation of cluster policy at the municipal level, general scientific methods were used, including methods of logical, systemic, comparative and comparative analysis. The place of cluster policy in the structure of regional development strategies of the Central Federal District with an emphasis on the implementation of cluster policy in the Vladimir region is shown. The ideas about the cluster approach are systematized both from the point of view of the integration of organizations and the typology of clusters, and in relation to the relationship of cluster and network structures. An algorithm for constructing a cluster policy at the level of the municipality based on the results of the analysis of factors of the external and internal environment is developed. The scientific novelty of the developed procedures consists, firstly, in the proposal to use the results of the analysis to build morphological matrices that allow obtaining strategically significant solutions; secondly, in structuring the obtained solutions by the method of pairwise comparisons and by building a hierarchy of solutions; thirdly, in highlighting decisions on building a cluster of clusters from the perspective of a cluster approach, taking into account clustering trends, cluster typology options and the possibility of building networks.

The proposed approach to the formation of cluster policy in the region was implemented in the process of developing development strategies for the three municipalities of the Vladimir region in 2018–2019.

Keywords: integration, cluster, network, strategy, region, municipal formation, typology, structural schemes

For citing: Lapygin Yu. N., Tulinova D. V. Cluster Policy Based on the Analysis of the Situation in the Municipality // Administrative consulting. 2020. No. 4. P. 42–52.

При формировании стратегии развития современных как российских, так и зарубежных муниципальных образований [17] разработчикам полезно иметь представление о типовых (эталонных) вариантах стратегий развития социально-экономических систем. Среди таких эталонных стратегий выделяется стратегия интегрированного роста [9] и близкая к ней стратегия кластеризации.

Стратегия интегрированного роста основана на утрате самостоятельности поглощаемых, присоединяемых или теряющих контроль над своим бизнесом предприятий, в то время как формирование кластера происходит при сохранении самостоятельности объединяющихся организаций. Специфика кластера состоит, в том числе, и в территориальной близости его участников, что не является обязательным условием для реализации стратегии интеграции.

Для эффективного функционирования кластера необходима специфичная инфраструктура, обслуживающая его основную деятельность, а в интеграционной стратегии подобные услуги интегратор получает на договорных началах в условиях рыночных отношений с инновационными предприятиями, образовательными организациями или консалтинговыми структурами.

Органы власти, как правило, не участвуют в интеграционных процессах на территории регионов и муниципальных образований, а в случае с формированием кластера они часто выполняют роль инициатора, формируя координирующий (управляющий) орган кластера¹ и выступая поручителем при реализации инвестиционных проектов кластера.

Кластеры в своей структуре придерживаются сетевой модели организации деятельности [21], что нехарактерно для предприятий, ориентированных на стратегию интегрированного роста.

Отдельные элементы стратегии интеграции можно рассматривать как общие для нее и кластерной политики. К таким элементам следует отнести стремление

¹ О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров. Постановление Правительства РФ от 31 июля 2015 г. N 779 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71150302/> (дата обращения: 19.11.2019).

выстроить технологическую цепочку, начиная от производства сырья и до реализации продукции с высокой добавленной стоимостью конечному потребителю, что обеспечивает реализацию закона синергии, снижение издержек, получение конкурентных преимуществ и т. д.

Обзор содержания стратегий Центрального федерального округа свидетельствует о том, что чаще всего планируется сформировать туристско-рекреационный кластер (12 кластеров), затем идут агропищевые (сельскохозяйственные) кластеры — 9 кластеров, а также транспортно-логистические, машиностроительные, научно-образовательные (технологические) — по 8 кластеров каждого типа, а также фармацевтические (5 кластеров) и инновационные — 4 кластера.

В стратегиях развития каждого региона (за исключением Тульской области) обозначены не только перечни кластеров, но и названы участники кластеров, и основные виды их деятельности¹.

Инициатива регионов по формированию кластерной политики обусловлена методическими рекомендациями Минэкономразвития РФ² и методическими подходами консультантов [8], которые, как правило, обеспечивают, если не организацию процесса разработки стратегии, то, по крайней мере, формирование стратегии как самостоятельного проекта, выполненное силами самих консультантов [10].

Последнее замечание связано с тем, что в содержании стратегий регионов ЦФО повторяются обширные теоретические рассуждения о целесообразности кластеризации региона, а само содержание стратегий в части кластеризации территории часто не реализуется. Так, например, ни один из кластеров, запланированных в стратегии развития Владимирской области так и не был создан в течение первых пяти лет реализации стратегии (как было запланировано), как, впрочем, и в настоящее время.

Не был создан и «Центр кластерного развития Владимирской области», который хотя и присутствует в тексте действующей стратегии, исходное содержание которой было утверждено Указом губернатора в далеком 2009 г. [15], но, видимо, отражен в тексте действующей стратегии как дань Постановлению Правительства³ о промышленных кластерах, при очередной корректировке стратегии. Хотя в связи с выходом пять лет тому назад Федерального закона о стратегическом планировании в РФ стратегию целиком следовало переработать — сформировать заново. Попытки администрации региона в 2014⁴ и 2019 гг.⁵ сформировать стратегию развития региона в соответствии с действующим законодательством не увенчались успехом, и были выпущены указы о корректировке стратегии образца 2009 г.

¹ Например: Об утверждении стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года (с изменениями на: 25.04.2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.derbo.ru/deyatelnost-old/strategicheskoe-planirovanie-i-socialno-ekonomicheskoe-razvitie/strategicheskoe-planirovanie/strategiya-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-do-2025-goda/> (дата обращения: 20.11.2019).

² Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации. Минэкономразвития РФ 26.12.2008 N 20615-ак/д19 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/209522881> (дата обращения: 20.11.2019).

³ О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров. Постановление Правительства РФ от 31 июля 2015 г. N 779 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71150302/> (дата обращения: 19.11.2019).

⁴ О внесении изменений в Указ губернатора области от 02.06.2009 № 10 «Об утверждении стратегии социально-экономического развития владимирской области до 2027 года и среднесрочного плана развития владимирской области на 2009–2012 годы». Указ губернатора Владимирской области от 31 октября 2014 года № 66 [Электронный ресурс]. URL: http://gusadmin.ru/econ/strategiya/ukaz66_31102014.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

⁵ О координационном совете по стратегическому планированию. Указ Губернатора Владимирской области от 14.12.2018 № 152.

Содержание кластера исследователями определяется как сочетание таких элементов: географическая концентрация, специализация, участники кластера, движущие силы и связи кластера, критическая масса, жизненный цикл кластера и инновации [4]. Содержание географической концентрации отражает наличие территориально обусловленных ресурсов. Географическая близость снижает трансакционные издержки и дает экономию на масштабе за счет разделения труда и специализации производителей, обеспечивающей рост производительности труда, а также упрощает процесс обмена информацией (инновациями) [18], подкрепленный близкими социокультурными отношениями, характерными для рассматриваемой территории.

Специализация способствует формированию горизонтальных связей между участниками кластера, а межотраслевые связи дают импульс для возникновения новых продуктов и услуг.

Сами участники кластера (власть, бизнес, наука и местное сообщество), взаимодействуя, начинают лучше понимать логику развития территории и формируют основы самоорганизации и поддержки кластерных инициатив.

Конкуренция, сочетающаяся с кооперацией участников кластера, с одной стороны, повышает конкурентоспособность кластера в целом и каждого участника в отдельности, а с другой — позволяет совместно использовать основные фонды и технологии, получая экономию от масштаба производства. В этом смысле экономия от масштаба производства усиливается за счет достижения кластером критической массы его участников.

В качестве оснований для классификации содержания понятия «кластер» исследователи часто принимают не только стадии жизненного цикла кластера или его размеры, но и территориальный охват и отраслевую принадлежность, степень инновационности выпускаемой продукции, уровень агрегированности участников или различия в структуре взаимосвязей.

Так, например, Минэкономразвития РФ определяет пять типов кластеров при реализации кластерной политики в регионах: дискретные, процессные, инновационные, туристские и транспортно-логистические¹.

Наряду с отмеченными основаниями, могут быть классификации по структуре ядра (ядерные и безъядерные) или по уровню развития (сильные, устойчивые, потенциальные, зарождающиеся), по степени централизации (централизованные — сформированные вокруг ядра кластера и децентрализованные — на основе сетевых форм) [13], по характеру территориального охвата (муниципальные, региональные, межрегиональные), по системной зависимости кластера (жесткая зависимость участников, нормальная, взаимная зависимость участников) [12]. Попытки сократить и обобщить типы кластеров приводят к пониманию того, что основными среди них выступают отраслевые, региональные (в том числе муниципальные), инновационные и различаемые по стадиям жизненного цикла.

В кластерном подходе, который лежит в основе построения кластера как системы, отражающей договоренность стейкхолдеров о совместной деятельности локализованных предприятий и сопутствующей инфраструктуры [1], кластер рассматривается как самоорганизующаяся система, в которой проявляется синергия, основанная на новых свойствах, возникающих в процессе проявления эмерджентности, как особенного свойства систем [14].

Среди условий кластеризации исследователи выделяют «наличие критической массы хозяйствующих субъектов, связанных определенной отраслью или группой сопряженных отраслей; уровень доверия между участниками, достаточный для

¹ Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации. Минэкономразвития РФ 26.12.2008 N 20615-ак/д19 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/209522881> (дата обращения: 20.11.2019).

действия правил отношенческой контрактации; соглашения, в рамках которых субъекты готовы не только к конкуренции, но также и к кооперации; наличие существующей или потенциальной рыночной ниши, конечного спроса» [6]. А некоторые исследователи считают кластерный подход некой новой управленческой технологией, позволяющей повысить конкурентоспособность организации [11].

Кластер как результат детализации кластерной политики в стратегии развития региона и муниципального образования, которая разрабатывается по инициативе органов власти, формируется чаще всего также по инициативе указанных органов власти.

В качестве обоснования актуальности создания кластера выступают результаты анализа факторов внешней и внутренней среды, на базе которых выстраивается матрица стратегически значимых решений и, как следствие, кластерная политика в ее различных проявлениях: проектах и программах построения кластера или сети кластеров.

Схема перехода от результатов анализа к кластерной политике представлена на рис. 1, из которого следует, что сам анализ выполняется известными социологическими методами анализа документов и опросов экспертов, матрица решений представляет собой морфологическую матрицу, заполняемую известными методами с использованием различных вариантов метода мозгового штурма, а структурная схема стратегически значимых действий формируется на основе метода построения дерева целей и метода парных сравнений. Одним из блоков стратегически значимых решений выступает кластерная политика.

При определении содержания кластерной политики следует учитывать тенденции кластеризации в регионах и различную типологию кластеров.

Кластерный подход на уровне муниципального образования предполагает реализацию перехода от управления системой приоритетов отраслевого характера к кластерной политике развития территории, политике, ориентированной на становление сети конкурентоспособных кластеров взаимосвязанных предприятий [3]. Такой подход обеспечивает к тому же привлечение инвестиций в экономику муниципального образования [14].

В общем виде под сетью понимают сочетание узлов и дуг (вершин и связей между ними) [19]. В этом случае в сети организаций (узлов, вершин) связи обеспечивают обмен ресурсами (материальными, людскими, энергетическими, информационными, финансовыми) между организациями. Причем, связи носят повторяющийся и длительный характер обмена, а над участвующими во взаимодействии организациями отсутствует властный орган, определяющий их взаимодействие [20]. И, как полагают авторы исследований, чем больше связей между организациями и выше их качество, тем эффективнее деятельность взаимодействующих организаций [16].

С отмеченной точки зрения кластеризацию можно рассматривать как новый принцип в управлении хозяйствующими субъектами [5], состоящий в переходе от рациональной организации бизнеса с бюрократическим устройством ее вертикальной иерархии к горизонтальным структурам, основанным на договорных отношениях [13]. Дело в том, что крупные корпорации «уже не дают прежней экономике на масштабе, поскольку ключевым фактором конкурентоспособности становится гибкость, способность понимать своего клиента и удовлетворять его потребности» [12, с. 67].

В качестве характеристик сетевых организаций выделяют такие стороны их деятельности, как открытость, нелинейность, децентрализация, самоорганизация, автономность участников сети [13, с. 44], а также интеграция потенциала [2], инновационное развитие. Особенность сетей может проявляться в том, что одной из организаций сети, которую условно называют «ядром», остальные организации добровольно делегируют часть своего суверенитета, но при этом «все прочие отношения между участниками кластера остаются рыночными, а связи — горизонтальными» [12, с. 69].

Сеть и кластер — два близких по своей сути явления, но все же кластер рассматривается исследователями как «сеть, обремененная условием территориальной

Рис. 1. Схема перехода от результатов анализа к кластерной политике

Fig. 1. Diagram of the transition from analysis results to cluster policy

близости предприятий и организаций ее составляющих» [16, с. 112]. С другой стороны, рассматривая элементы кластера как самостоятельные сети (например, сеть инфраструктуры, сеть логистики, сеть производства и т. п.), исследователи отмечают, что «кластерная структура позволяет объединить различные иерархические уровни сетевого взаимодействия, начиная от сети исследователей и заканчивая сетью потребителей» [13, с. 43].

Для определения стратегических перспектив развития муниципального образования, все также, производится предварительный анализ ситуации в самом муниципальном образовании и в его окружении. Для предварительного анализа используется распорядительная документации органов управления муниципальным образованием, а также иная доступная для анализа вторичная (в основном статистическая) информация в рамках предмета исследования.

Например, анализ первичной и вторичной информации о деятельности муниципального образования «Петушинский район» Владимирской области позволил определить наиболее значимые характеристики внешней и внутренней среды муниципального образования и построить морфологические матрицы. Небольшой фрагмент одной из них представлен в табл.

Матрица решений (фрагмент)
Table. Matrix of decisions (fragment)

	Формулировки самых главных возможностей	
	Спрос Москвы на экологически чистую продукцию сельского хозяйства растет, что позволяет развивать сельское хозяйство и перерабатывающие отрасли	Выгодное транспортно-географическое положение открывает возможности для привлечения инвестиций московского региона
Сильные стороны		
В районе производится значительная доля лекарственных препаратов, шоколада и кондитерских изделий	Интегрировать сельское хозяйство района в производство кондитерских изделий и шоколада	Привлечь инвестиции московского региона для создания логистического кластера, обеспечивающего сквозную оптимизацию ресурсов от исходных поставщиков до конечных потребителей лекарственных препаратов, шоколада и кондитерских изделий
Развитые промышленные предприятия позволяют формировать кластеры: туристские, логистические	Формировать мульти-кластер с участием промышленных предприятий, сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий района	Формировать логистический кластер с опорой на инвестиции московского региона

Обобщая полученные результаты подгруппами стратегического планирования необходимо составить схему стратегически значимых направлений развития муниципального образования, которая представлена на рис. 2. Из структурной схемы следует, что развитие района содержат четыре основных направления, обусловленных сложившейся ситуацией, выявленной в результате анализа факторов внешней и внутренней среды.

Содержание указанных направлений развития района, представленное на рис. 3, свидетельствует о том, что в развитии района может доминировать кластерная политика, которая содержит проекты и программы, направленные на формирование таких кластерных объединений:

- логистический кластер;
- лекарственных препаратов для людей и животных;
- шоколадных и кондитерских изделий;
- кластер по обращению отходов;
- сельскохозяйственный кластер;
- кластер жилищно-коммунального хозяйства.

Кроме того, для успешного функционирования кластеров необходимо развивать адекватную инфраструктуру. В этом плане предусмотрена муниципальная программа инвестирования инфраструктурных объектов района для стимулирования развития бизнеса, привлечь инвестиции предприятий московского региона в инфраструктуру района и подготовку кадров, а также развивать инфраструктуру на основе внедрения инноваций и обеспечить свободные земли инфраструктурой (дороги, инженерные коммуникации).

Рис. 2. Структурная схема направлений развития муниципального образования
 Fig. 2. Structural diagram of the directions of development of the municipality

Инициатором формирования и реализации кластерной политики в муниципальном образовании в данном случае, вероятнее всего, выступит администрация Петушинского района, на плечи которой ляжет не только традиционная помощь в привлечении инвестиций и обеспечении поручительств, но и осуществление процедур проведения переговоров между потенциальными участниками кластеров, и формирование затем управляющих компаний для создаваемых кластеров.

Подводя итоги, выделим наиболее значимые результаты, которые подтверждают тезис о том, что кластеризация представляет собой современный вариант интеграции организаций на особых условиях.

Сама типология кластеров демонстрирует большое разнообразие вариантов кластеризации, обусловленное различными подходами к построению связей между участниками кластера.

Кластерный подход к интеграции организаций обеспечивает реализацию системных эффектов. Создающие конкурентные преимущества участникам кластера как за счет снижения трансакционных издержек [7] и издержек за счет экономии на масштабах, а также за счет гибкости в реализации инновационных изменений и проявления эффектов закона синергии.

В стратегиях регионов кластерная политика отражает ориентацию стейкхолдеров на уже сформированный потенциал конкретного региона и не предполагает построение кластеров на втором и последующих этапах реализации стратегии для достижения целей стратегической перспективы. Поэтому региональная кластерная политика формируется по результатам анализа текущих факторов внешней и внутренней среды путем построения морфологических матриц решений с последующим структурированием выработанных решений (в виде проектов и программ), ориентирующих на создание сетевых объединений организаций региона.

Рис. 3. Структура кластерной политики
Fig. 3. Structure of cluster policy

Пример разработки кластерной политики на уровне муниципального образования «Петушинский район» Владимирской области подтверждает мнение исследователей [1] о том, что в условиях бездействия субъекта федерации в части реализации кластерной политики региона муниципальные образования будут стремиться самостоятельно формировать и реализовать свою кластерную политику, выходя к организациям, расположенным на их территории, с кластерной инициативой, используя все доступные им ресурсы.

Литература

1. Агарков А. П., Голов Р. С. Проектирование и формирование инновационных промышленных кластеров : монография М. : Дашков и К°, 2016.
2. Балахина А. А., Тулинова Д. В. Региональная сеть кластеров // Вестник ВлГУ. Серия: Экономические науки. 2017. № 1. С. 6–12.

3. Денисов Г. А. Формирование системы кластерного управления региональной экономикой : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Майкоп : Майкопский государственный технологический университет, 2011.
4. Дронова Я. И. Вопросы формирования понятия и классификации кластеров в экономике // Научные ведомости. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 22. Вып. 28/1. С. 33–41.
5. Друкер П. Эпоха разрыва. Ориентиры для нашего меняющегося общества. М. : Вильямс, 2007.
6. Иванова Е. В. Формирование и развитие агропродовольственных кластеров в условиях политики импортозамещения : автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Воронеж : ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2018.
7. Коуз Р. Природа фирмы // Теория фирмы / под ред. В. М. Гальперина. СПб. : Экономическая школа, 1995. С. 11–32.
8. Лапыгин Ю. Н., Лапыгин Д. Ю., Тулинова Д. В. Стратегический консалтинг в регионе // Управленческое консультирование. 2019. № 5. С. 35–41.
9. Лапыгин Ю. Н. Стратегический менеджмент. М. : Инфра-М, 2014.
10. Лапыгин Ю. Н. Управленческий консалтинг : учебник. М. : Инфра-М, 2017.
11. Ленчук Е. Б., Власкин Г. А. Кластерный подход в стратегии инновационного развития зарубежных стран // Проблемы прогнозирования. 2010. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasternyy-podhod-v-strategii-innovatsionnogo-razvitiya-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 07.10.2019).
12. Марача В. Г., Красникова Т. С. Роль сетевых сообществ в стратегическом развитии городов и регионов // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7. № 1. С. 66–78.
13. Овчинников П. Н. Повышение эффективности воднотранспортных коммуникаций дальнего востока на основе сети опорных кластеров : дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / Овчинников Павел Николаевич; ФГБОУ ВО «Государственный университет управления». М., 2016.
14. Прохорова В. В., Шутилов Ф. В. Кластер-менеджмент : учеб. пособие. Майкоп : ЭЛИТ, 2015.
15. Сквиря Д. В. Региональные кластеры на примере кластера по производству строительных материалов Владимирской области // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru> 112ЭВН313 (дата обращения: 20.11.2019).
16. Старцев Ю. Н., Даванков А. Ю. Сети и кластеры — становление современных подходов к региональному развитию // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 36. С. 110–116.
17. *Clusters and clustering policy: a guide for regional and local policy makers* // INNO Germany AG. European Union, 2010.
18. Jonathan Sallet and Ed Paisley Innovation Clusters Create Competitive Communities. Huff Post Social News September 21, 2009.
19. Newman M. E. J. The structure and function of complex networks // SIAM Review. 2003. V. 45. N 2. P. 167–256.
20. Podolny J. M. Network Forms of Organization / J. M. Podolny, K. L. Page // Annual Rev. of Sociology. 1998. N 24. P. 57–76.
21. Turkina E., van Assche A., Kali R., 2016. Structure and Evolution of Global Cluster Networks: Evidence from the Aerospace Industry // J. Econ. Geogr. N 16 (6). P. 1211–1234.

Об авторах:

Лапыгин Юрий Николаевич, профессор кафедры менеджмента Владимирского филиала РАНХиГС (г. Владимир, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; lapygin.y@gmail.com

Тулинова Дарья Владимировна, аспирант Владимирского филиала РАНХиГС (г. Владимир, Российская Федерация); daria-tulinova@mail.ru

References

1. Agarkov A. P., Golov R. S. Design and formation of innovative industrial clusters: monograph M.: Dashkov and Co, 2016. 288 p. (In rus)
2. Balakhina A. A., Tulinova D. V. Regional Network of Clusters // Messenger of the VISU. Series: Economic sciences [Vestnik VIGU. Seriya: Ekonomicheskie nauki]. 2017. No. 1. P. 6–12. (In rus)
3. Denisov G. A. Formation of a system of cluster management of the regional economy: dissertation abstract; Maikop State University of Technology. Maikop, 2011. 23 p. (In rus)

4. *Dronova Ya.I.* Issues of formation of concept and classification of clusters in economy // Scientific statements. Series: History. Political science. Economy. Informatics [Nauchnye vedomosti. Ser.: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika]. 2013. No. 22. Issue. 28/1. P. 33–41. (In rus)
5. *Drucker P.* The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society. M.: Williams, 2007. 336 p. (In rus)
6. *Ivanova E.V.* Formation and development of agri-food clusters under import substitution policy: doctoral dissertation abstract. Voronezh, 2018. 52 p. (In rus)
7. *Coase R.* Nature of the Firm // Theory of the Firm/under the ed. of V. M. Galperin. SPb.: Economic School, 1995. P. 11–32. (In rus)
8. *Lapygin Yu.N., Lapygin D.Y., Tulinova D.V.* Strategic Consulting in the Region // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. No. 5. P. 35–41. (In rus)
9. *Lapygin Yu.N.* Strategic Management. M.: Infra-M, 2014. 208 p. (In rus)
10. *Lapygin Yu.N.* Management consulting: textbook. M.: Infra-M, 2017. 330 p. (In rus)
11. *Lenchuk E.B., Vlaskin G.A.* Cluster Approach in Strategy of Innovative Development of Foreign Countries [Electronic Resource] // Forecasting Problems [Problemy prognozirovaniya]. 2010. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasternyy-podhod-v-strategii-innovatsionnogo-razvitiya-zarubezhnyh-stran> (date of address: 07.10.2019). (In rus)
12. *Maracha V.G., Krasnikova T.S.* Role of network communities in strategic development of cities and regions // Regional economy. South of Russia [Regional'naya ekonomika. Yug Rossii]. 2019. V. 7, No. 1. P. 66–78. (In rus)
13. *Ovchinnikov P.N.* Improving the efficiency of water transport communications of the far east based on the network of reference clusters: dissertation. Moscow, 2016. 179 p. (In rus)
14. *Prokhorova V.V., Shuchilov F.V.* Cluster-management: tutorial [Electronic resource]: educational electronic edition. Maikop: EIIT, 2015. (In rus)
15. *Squirya D.V.* Regional clusters on the example of the cluster for the production of construction materials of Vladimir region // Internet journal "Knowledge" [Internet-zhurnal «Naukovedenie»]. 2013. No. 3. URL: <http://naukovedenie.ru/112ЭВН313> (date of address: 20.11.2019). (In rus)
16. *Startsev Yu.N., Davankov A.Y.* Networks and clusters - formation of modern approaches to regional development // Journal of Chelyabinsk State University [Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2011. No. 36. P. 110–116. (In rus)
17. *Clusters and clustering policy: a guide for regional and local policy makers* // INNO Germany AG. European Union, 2010.
18. *Jonathan Sallet and Ed Paisley* Innovation Clusters Create Competitive Communities. Huff Post Social News September 21, 2009.
19. *Newman M.E.J.* The structure and function of complex networks // SIAM Review. 2003. V. 45. N 2. P. 167–256.
20. *Podolny J.M.* Network Forms of Organization / J.M. Podolny, K.L. Page // Annual Rev. of Sociology. 1998. N 24. P. 57–76.
21. *Turkina E., van Assche A., Kali R., 2016.* Structure and Evolution of Global Cluster Networks: Evidence from the Aerospace Industry // J. Econ. Geogr. N 16 (6). P. 1211–1234.

About the authors:

Yury N. Lapygin, Professor of Department of Management of Vladimir Branch of RANEPa (Vladimir, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; lapygin.y@gmail.com

Darya V. Tulinova, Graduate student of Vladimir Branch of RANEPa (Vladimir, Russian Federation); daria-tulinova@mail.ru

Цифровые технологии как ключевой инструмент повышения эффективности нефтегазовой отрасли России в современных условиях функционирования

Куклина Е. А. *, Семкова Д. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kuklina-ea@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Современной тенденцией развития нефтегазовой отрасли мира является усложнение горно-геологических условий разработки месторождений углеводородного сырья, что приводит к увеличению затрат, снижению экономической эффективности производства и повышению рисков. В этих условиях главным фактором повышения эффективности сегмента разведки и добычи (апстрим) нефтегазовой отрасли России является переход на принципы «Индустрии 4.0», а ключевым инструментом — цифровые технологии. В статье представлены результаты изучения мирового и отечественного опыта цифровизации сегмента апстрим, оценка результатов внедрения цифровых технологий предприятиями нефтегазового сектора. Выявлены проблемы реализации цифровых решений, в числе которых финансовое обеспечение процесса цифровой трансформации отрасли и необходимость замещения иностранных технологий, прежде всего, программного обеспечения, в условиях действия секторальных санкций. В качестве мер государственной поддержки отрасли предлагается заключение соглашения между двумя ключевыми министерствами (Минэнерго РФ, Минсвязи РФ) и компанией «Газпромбанк Лизинг» для реализации программы льготного лизинга по внедрению «сквозных» цифровых технологий и платформенных решений с привлечением бюджетного софинансирования, участия в формировании пула высокотехнологичных проектов и организации информационного обмена.

Ключевые слова: эффективность, Индустрия 4.0, цифровые технологии, нефтегазовый сектор, интеллектуальное месторождение, прогнозная аналитика, управленческое решение, информация, данные, импортозамещение, лизинг

Для цитирования: Куклина Е. А., Семкова Д. Н. Характерные риски сделки слияния и поглощения // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 53–65.

Digital Technologies as a Key Tool to Increase the Efficiency of the Russian Oil and Gas Industry in Modern Conditions of Functioning

Evgenia A. Kuklina*, Dariya N. Semkova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; kuklina-ea@ranepa.ru

ABSTRACT

Complicated mining and geological conditions for the development of hydrocarbon fields is a modern trend in the development of the world's oil and gas industry, which leads to rising costs, decreased economic efficiency and increased risks. In these conditions the main factor in increasing the efficiency of the upstream segment of the Russian oil and gas industry is the transition to the principles of "Industry 4.0", and the key tool is digital technologies. The article presents the results of the studying of the world and domestic experience of the upstream segment digitalization, evaluation of the results of the introduction of digital technologies by the enterprises of the oil and gas sector. There are problems of implementation of digital solutions including financial support of the process of digital transformation of the industry and the necessity of replacing foreign technologies, especially software, in the conditions of sectoral sanctions.

As a measure of state support for the industry, we propose to sign an agreement between two key ministries (the Ministry of Energy of Russian Federation and the Ministry of communications and Mass Media of the Russian Federation) and "Gazprombank Leasing. It's necessary for implementation of a preferential leasing program for the introduction of "end-to-end" digital technologies and platform solutions involving co-financing from the budget, participation in the formation of a high-tech project pool and the organization of information exchange.

Keywords: efficiency, Industry 4.0, digital technologies, oil and gas sector, intellectual field, forecast analytics, management decision, information, data, import substitution, leasing

For citing: Kuklina E. A., Semkova D. N. The Development of Corporate Environmental Responsibility // Administrative consulting. 2020. No 4. P. 53–65.

Введение

В настоящее время во всем мире отмечается качественное ухудшение условий освоения запасов углеводородного сырья, что формирует более высокие риски и издержки для участников процесса освоения месторождений.

В отрасли идет постоянная борьба за увеличение коэффициента извлечения нефти (КИН), коэффициента извлечения газа (КИГ) и уменьшение риска и неопределенности при принятии управленческих решений в отношении технологии добычи и переработки углеводородного сырья.

На экономические результаты функционирования предприятий нефтегазового сектора активное влияние оказывает также изменение рыночной конъюнктуры и уровня диверсификации продукции, формирование новых целевых установок и экономических интересов.

Новому времени нужны новые инструменты для достижения поставленных целей на всех уровнях принятия решений. В настоящее время еще большую актуальность приобретает тезис о том, что оптимальные управленческие решения, принимаемые на уровне хозяйствующих субъектов, неизбежно приводят к повышению эффективности функционирования экономических систем на макроуровне.

Особую актуальность этот тезис приобретает для условий осуществления производственно-хозяйственной деятельности предприятий ключевых отраслей национальной экономики, одной из которых для Российской Федерации, безусловно, является нефтегазовая отрасль.

Сейчас уже неизбежностью пришло понимание того факта, что в современных условиях функционирования нефтегазовой отрасли главным фактором повышения эффективности являются данные¹. Именно поэтому требуются новые методы для выполнения нетрадиционных исследований для функционирования производственного процесса в таком достаточно традиционном секторе экономики как нефтегазовый сектор. Речь идет о технологии сейсмической разведки, огромных массивах информации, расширенной аналитики как результата связывания источников данных компании с аналитическими функциями для создания целостного представления о ее работе для принятия оптимального управленческого решения.

Анализ направлений развития нефтегазовых отраслей зарубежных стран [2; 5; 6; 8; 9 и др.] показал, что развитие отрасли осуществляется в направлении освоения залежей сланцевых, низкопроницаемых и тяжелых нефтей, а также месторождений глубоководных акваторий морей.

Современная нефтяная платформа, работающая на шельфе, сейчас должна быть оснащена более 80 тыс. сенсорных датчиков, генерирующих 15 млн гигабайт дан-

¹ Авторы сознательно ушли от факта значительной политизации всех аспектов функционирования нефтегазовой отрасли в мире и его влияния на экономические результаты производственно-хозяйственной деятельности предприятий.

ных на протяжении всего периода разработки месторождения, которые необходимо систематизировать, проанализировать и сделать на основе этих объективный прогноз всех бизнес-процессов нефтедобывающего предприятия.

При этом чем больший объем информации будет оперативно обработан, тем эффективнее для компании будет процесс поиска, разведки и разработки месторождения, что приведет в итоге к повышению экономической эффективности деятельности предприятия в сегменте апстрим.

Для целей повышения экономической эффективности деятельности хозяйствующих субъектов нефтегазовой отрасли и оптимизации производственных операций идеальными можно считать руководящие принципы IBM¹:

- переход на цифровые технологии, позволяющие нефтегазовым компаниям оперативно получать необходимую информацию, повысить эффективность использования имеющихся, неструктурированных и новых потоковых данных;
- применение когнитивной аналитики данных, в результате чего можно получать более качественные прогнозы, а также объективную оценку воздействия рекомендаций и предположений;
- непрерывное обучение и совершенствование аналитической платформы для решения задач предвидения, прогнозирования, планирования и действия.

По экспертным оценкам [1, с. 183], в перспективе 5–10 лет, с полноценным внедрением систем сбора и хранения технологических данных, применение самообучающихся алгоритмов оптимизации процессов станет неотъемлемой компонентой функционирования геологоразведочных, буровых и добычных комплексов.

Актуальность исследований в данной предметной области обусловлена ключевой ролью цифровых решений в повышении экономической эффективности нефтегазового сектора России — драйвера российской экономики, как в настоящем, так и в обозримом будущем.

Материалы и методы

Целью настоящего исследования является оценка результатов цифровой трансформации сегмента разведки и добычи (Upstream Industry — апстрим) нефтегазовой отрасли Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

- изучить мировой и российский опыт цифровизации сегмента апстрим;
- оценить результаты внедрения цифровых технологий нефтедобывающими компаниями;
- выявить проблемы реализации цифровых решений в деятельности предприятий нефтегазового сектора России и наметить перспективные направления решения выявленных проблем.

Для решения поставленных задач были использованы методы сравнительного и логического анализа, метод экспертных оценок, которые позволили обосновать предложения по повышению эффективности экономической функционирования нефтегазовой отрасли России на основе использования цифровых технологий.

В качестве гипотезы выступает предположение о необходимости государственной поддержки цифровых проектов в нефтегазовой отрасли за счет программы льготного лизинга по внедрению сквозных цифровых технологий и платформенных решений с привлечением бюджетного софинансирования.

¹ Цифровая трансформация нефтегазовой промышленности. Модернизация разработки и добычи с помощью инновационных технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibm.com/downloads/cas/JLE286ZX> (дата обращения: 15.11.2019).

Результаты

В логике процесса цифровизации происходит переход на цифровые технологии, цифровая трансформация (как глобальная инновация) позволяет оцифровать все аспекты бизнеса, генерирующие интерфейсы взаимодействия с клиентами, далее цифровая революция задействует цифровые технологии для получения результатов за счет реализации инновационных стратегий и производства инновационных продуктов (рис. 1).

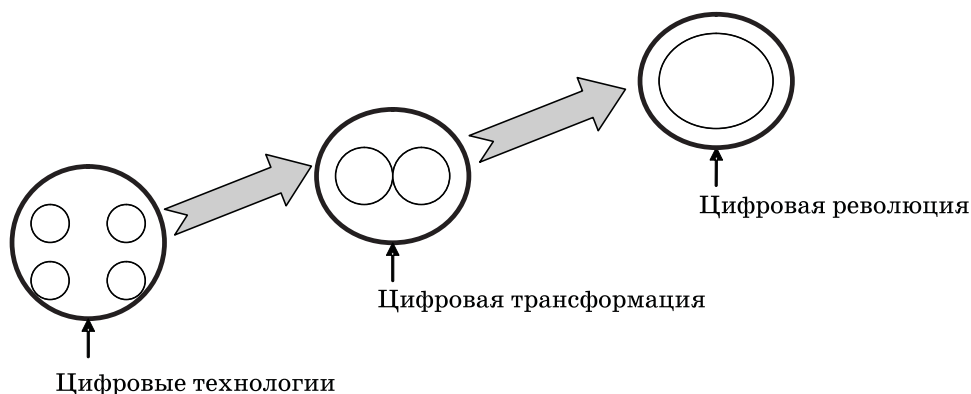

Рис. 1. Процесс цифровой трансформации отрасли
Fig. 1. Digital Transformation of the Industry

В данном контексте необходимо отметить, что сегмент апстрим всегда достаточно чутко реагировал на технологические инновации. Так, например, появление новой электроники и современных IT-продуктов привело к технологическому буму в отрасли в 1970–2010 гг., появились новые методы увеличения КИН и КИГ, создавались программы моделирования и интерпретации данных геологоразведки и т. д.

Принципиально новый подход к определению свойств вещей, а также методам их производства и потребления — это отражение Четвертой промышленной революции (или «Индустрии 4.0»), характерными особенностями которой, среди прочего, является автоматизация услуг путем массового применения искусственного интеллекта и тотальное расширение технологии блокчейн¹.

Мировые энергетические компании активно внедряют технологии «Индустрии 4.0»; пионерами здесь являются BP и Shell, осваивающие это направление с начала 2000-х гг. Сегодня уже все крупнейшие нефтегазовые корпорации мира включили цифровизацию в свои стратегии развития, активно сотрудничают с IT-компаниями и создают собственные центры соответствующих компетенций.

В настоящее время можно выделить следующие основные технологические направления цифровизации апстрима, которые, как правило, сочетаются в одном программном продукте: большие данные (Big Data); промышленный интернет; роботизация; цифровые двойники; распределенный реестр (табл. 1).

Ожидается, что в перспективе 5–10 лет, с полноценным внедрением систем сбора и хранения технологических данных, применение самообучающихся алгоритмов оптимизации процессов станет неотъемлемой компонентой функционирования

¹ Индустрия 4.0 [Электронный ресурс]. URL: https://expert.ru/expert/2016/40/industriya-4_0/ (дата обращения: 03.10.2019).

разведочных, буровых и добычных комплексов. По оценкам экспертов¹, для получения наибольшего потенциального эффекта, более перспективным представляется использование больших данных, интернета вещей и цифровых двойников.

Таблица 1

**Основные технологические направления «Индустрии 4.0»
в нефтедобывающей отрасли**

Table 1. Main technological directions of "Industry 4.0" in oil production industry

Технологические направления	Содержание технологического направления
Большие данные (в т. ч. машинное обучение и искусственный интеллект)	Инструменты и методы организации, хранения, обработки и использования данных; осуществление вычислений с огромными массивами данных; машинное обучение и искусственный интеллект
Промышленный интернет вещей	Система объединенных компьютерных сетей и подключенных физических объектов (вещей) со встроенными датчиками программного обеспечения для сбора и обмена данными, с возможностью удаленного контроля и управления в автоматизированном режиме
Роботы (в т. ч. дроны)	Устройства, помогающие автоматизировать процессы, выполнять опасные работы, а также проводить визуальное или тактильное исследование труднодоступных объектов
Цифровые двойники (включая визуализацию)	Модель месторождения (скважины, оборудования, элементов инфраструктуры), позволяющая тестировать и прогнозировать эффекты использования тех или иных опций (решений), а также визуализировать полученные результаты в удобном для пользователя виде
Распределенный реестр (блокчейн)	Децентрализованное приложение общего пользования, которое позволяет вести учет и обеспечивает высокий уровень безопасности системы
Умные материалы (в т. ч. нанопокртия и умные жидкости)	Класс различных по агрегатному состоянию материалов, которые сохраняют или приобретают заданные физико-химические характеристики и свойства при изменении внешних условий, вплоть до экстремальных
3D-печать	Печать, используемая в добыче для прототипирования проектов разработки и схем обустройства месторождения, а также для создания новых комплектующих для датчиков и контроллеров, насосов и прочего негабаритного оборудования

Как правило, эти решения объединяются в одном программном продукте, который принято называть «интеллектуальное / умное / цифровое» месторождение. Основой современной концепции «цифрового» месторождения (и его различных версий²),

¹ Цифровая добыча нефти: тюнинг для отрасли [Электронный ресурс]. URL: https://vygon.consulting/upload/iblock/d11/vygon_consulting_digital_upstream.pdf (дата обращения: 03.06.2019) и др.

² Версии SAP, Energysys, SOCAR и др.

а также первым инструментом применение технологии анализа больших данных, стало внедрение одной из программных разработок General Electric.

Внедрение цифровых технологий в нефтегазовой отрасли России началось с приходом отраслевых лидеров цифровизации — BP и Shell; первый проект был реализован в 2008 г. на Салымской группе месторождений. Интеллектуальными являются все шельфовые проекты России, включая сахалинские проекты, реализуемые на условии соглашения о разделе продукции (СРП).

По состоянию на 01.01.2016 в нефтегазовой отрасли Российской Федерации насчитывалось 43 проекта (включая 5 газовых проектов), которые обеспечивали 27% добычи (табл. 2).

Таблица 2

Интеллектуальные месторождения России

Table 2. Intellectual fields of Russia

Компания	Проекты, шт.	Доля в добыче, %	Доля в запасах, %
Роснефть	16	36	33
Лукойл	13	16	10
Газпром нефть	8	45	32
Татнефть	1	53	28
Российская Федерация, всего	43	27	21

Источник: Цифровая добыча нефти: тюнинг для отрасли. С. 25.

Нефтегазовая отрасль в целом — один из лидеров в сфере использования цифровых технологий и искусственного интеллекта. Новые технологии позволяют оптимизировать и ускорять все процессы управления производством — от доставки необходимых ресурсов до проектирования процесса разработки месторождения, а также исключить ошибки. Все это приводит к тому, что проекты реализуются быстрее, а значит, возрастает их экономическая эффективность, сокращается период возврата инвестиций (инвестиционная отдача). Более того, искусственный интеллект и цифровизация в целом позволяют вести освоение месторождений в труднодоступных и климатически сложных регионах (например, в Арктике), причем без участия человека.

Приведем примеры использования цифровых решений, которые позволяют повысить эффективность сегмента апстрим, и оценку результатов их применения (табл. 3).

Международные аналитические агентства прогнозируют значительный эффект от цифровой трансформации отрасли: снижение на 5–30%, увеличение добычи на 2–8%. Так, например, по оценкам Accenture, нефтяная отрасль выиграет 220 млрд долл. от увеличения автоматизации процессов и 425 млрд долл. — за счет применения новых технологий анализа данных, моделирования и прогнозирования¹. Внедрение цифровых технологий в будущем позволит повысить КИН на нефтегазовых месторождениях России до 50% по сравнению со средним общемировым, составляющим 30% [3].

ПАО «Газпром нефть» в результате реализации программы цифровой трансформации, включающей 12 ключевых программ и более 550 проектов по всей цепочке создания стоимости, ожидает получать дополнительно не менее 160 млрд руб. операционной прибыли в год.

¹ Цифровая добыча нефти: тюнинг для отрасли. С. 22.

Таблица 3

Примеры использования цифровых решений в сегменте апстрим

Table 3. Examples of digital solutions in the upstream segment

Цифровое решение	Результат (эффект)
Совместная разработка BP и Silicon Microgravity высокочувствительных датчиков небольших размеров, позволяющих лучше контролировать параметры разработки пласта	Увеличение дебита на 2%, сокращение времени простоев и затрат на бурение на 5%
Разработка Seven Lakes Technologies для тестирования технологии Field Data-Gathering Workflow solution	Сокращение времени простоя оборудования на 50%, уменьшение потерь при добыче с 5 до 2,5%
Переход Shell на «умное» месторождение	Увеличение КИН на 10%
Переход BP на технологии «Индустрии 4.0»	Увеличение технически извлекаемых запасов на 35%, снижение себестоимости на 25%
Технология имитации потоков нефти нанометровых размеров, предоставляемой в виде облачной IT-услуги, разработанной подразделением IBM Research-Brazil	Повышение качества прогнозирования добычи нефти
Разработанный специалистами Научно-Технического Центра «Газпром нефти», «Газпромнефть-ГЕО» и «Газпромнефть-Развития» цифровой алгоритм технологии цифрового проектирования инфраструктуры новых активов, позволяющий моделировать оптимальное размещение объектов на месторождениях ПАО «Газпром нефть»	Сокращение затрат на строительство и эксплуатацию до 10%
Использование искусственного интеллекта при разработке цифровых моделей месторождений ПАО «Газпром нефть»	Сокращение периода разработки цифровых моделей месторождений в 2 раза
Применение искусственного интеллекта в логистике ПАО «Газпром нефть» при вывозе нефти с арктических месторождений	Помогает капитанам танкеров, ледоколов и других судов выбрать самое оптимальное из миллионов решений
Работа фонда скважин ПАО «Газпром нефть» на автопилоте с помощью искусственного интеллекта	Увеличение добычи на 1,5%; годовой экономический эффект до 1 млрд руб.; за счет организационной и цифровой оптимизации сокращение срока разработки месторождения по проекту и для «первой нефти» практически в 2 раза
Запуск цифрового двойника Южно-Приобского месторождения	Снижение операционных затрат на 15%

Необходимо подчеркнуть, что цифровизация отрасли — это не просто повышение операционной эффективности за счет снижения затрат, но и рост производительности за счет снижения рисков поисков и разведки, вовлечения в разработку большего количества запасов.

В России существует значительный потенциал увеличения добычи. Но прирост будет возможен только в случае разработки трудноизвлекаемых запасов (ТриЗ), применения современных методов геологоразведочных работ (ГРП) и методов увеличения нефтеотдачи (МУН). Внедрение действующих (текущих) технологий позволит дать дополнительные 210 млн т добычи к 2030 г. Цифровые технологии, увеличивая эффективность ГРП и скорость внедрения технологий МУН и ТриЗ, могут дать еще около 155 млн т дополнительной добычи, обеспечив совокупный прирост в объеме 365 млн т (рис. 2).

Использование цифровых технологий и внедрение на их основе прорывных технологий для повышения эффективности разработки месторождений нефти и газа сопряжено с масштабными инвестициями.

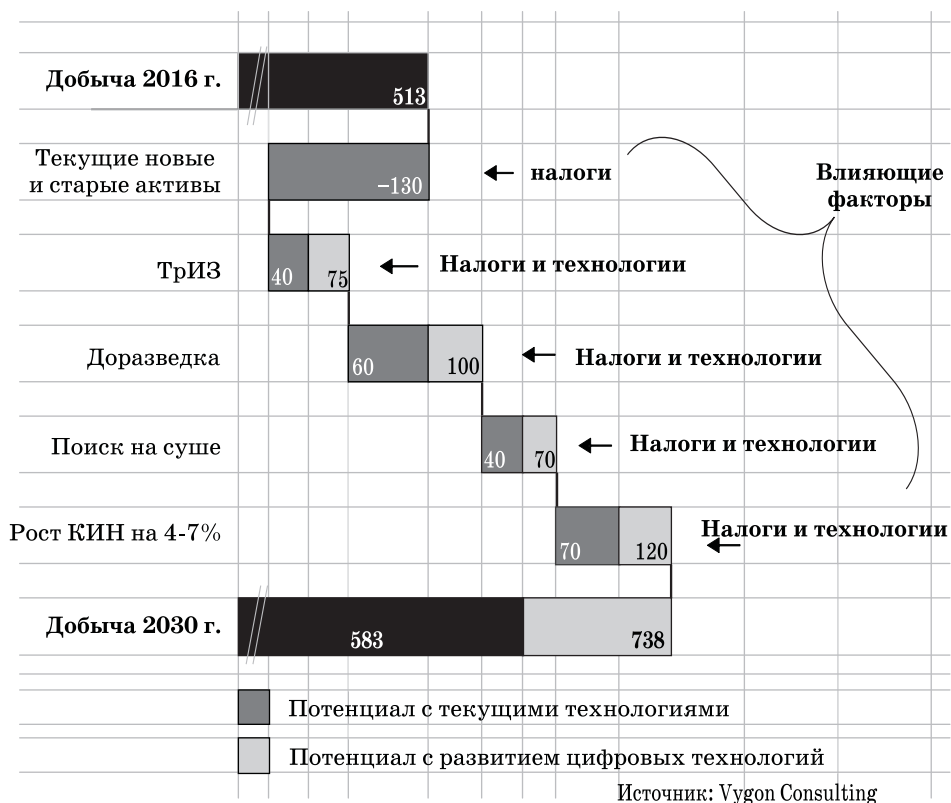

Рис. 2. Потенциал нефтедобычи России на 2030 г. в сценариях с существующими технологиями и с развитием цифровых технологий (млн т)
 Fig. 2. Potential of Russian oil production till 2030 year in scenarios with existing technologies and with the development of digital technologies

Существующий потенциал может не реализоваться, если отечественный нефтегазовый сектор недостаточно активно будет наращивать инвестиции в цифровые технологии в будущем. Таким образом, первой (традиционной) проблемой нефтега-

зового сектора России является необходимость значительных долгосрочных затрат, каковыми и являются инвестиции в инновации, в том числе в цифровые решения.

Большую часть российского рынка инвестиций занимают российские и зарубежные частные венчурные фонды. В нефтегазовой отрасли России наибольший интерес у них вызывают именно цифровые технологии (сопровождение буровых операций, интерпретация данных и др.). Но общий объем рынка венчурных инвестиций пока еще недостаточен для технологического прорыва, и, несмотря на значительное число государственных венчурных институтов, их активность сравнительно невысока.

В настоящее время в нашей стране действует Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7¹. В состав Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» входят шесть федеральных проектов (утверждены протоколом заседания президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28 мая 2019 г. № 9), среди которых проект «Цифровые технологии».

В соответствии с Паспортом федерального проекта «Цифровые технологии» предусмотрено потратить 451 808,89 млн руб., в том числе: из федерального бюджета — 282 194,89 млн руб. (62,46%); из внебюджетных источников — 169 614,00 млн руб. (37,54%)².

Какая часть этих средств будет направляться в нефтегазовый комплекс, неизвестно, так как программа «Цифровая экономика Российской Федерации» не спускается на уровень отдельных отраслей и не учитывает их специфику. Но нефтегазовая отрасль является одной из приоритетных областей внедрения цифровых технологий, обеспечивающей более 40% валютных и налоговых поступлений государственного бюджета, а также надежный необходимый уровень энергетической и экономической безопасности России. Поэтому, учитывая ключевое значение отрасли для социально-экономического развития страны, полагаем необходимым создание центра компетенций и разработка плана мероприятий по поддержке цифровой трансформации отрасли.

Одиннадцатого октября 2019 г. на портале правовой информации была опубликована «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период 2030 г.» и указ Президента Российской Федерации В. В. Путина об утверждении этой стратегии. Этим же указом было поручено Правительству Российской Федерации в срок до 15.12.2019 г. обеспечить внесение изменений в Национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», в том числе разработать и утвердить еще один профильный федеральный проект «Искусственный интеллект»³.

Сдержанный оптимизм в плане финансирования проектов цифровой трансформации сектора апстрим вызывает создание альянса в сфере искусственного интеллекта⁴, в числе участников которого: ПАО «Газпром нефть» (компания планирует создать сотни моделей с использованием технологий искусственного интеллекта)

¹ Цифровая экономика Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 21.11.2019).

² Национальная стратегия развития искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/> (дата обращения: 21.11.2019).

³ Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/61785> (дата обращения: 21.11.2019).

⁴ В России создается альянс в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/v-rossii-sozdaetsya-alyans-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta-1028675161> (дата обращения: 11.11.2019).

и РФПИ (привлек 2 млрд долл. инвестиций в российские компании, развивающие проекты в сфере искусственного интеллекта).

Но все же ключевой проблемой нефтегазовой отрасли России, по нашему мнению, является необходимость замещения иностранных технологий для обеспечения технологической безопасности в условиях действия экономических по форме, а по сути — политических санкций.

Речь идет прежде всего о программном обеспечении. Так, в январе 2018 г. одна из крупнейших компаний Oracle, специализация которой — системы управления базами данных и управления ресурсами предприятия (ERP), уведомила своих российских партнеров о прекращении предоставления услуг и технологий для проектов глубоководной и арктической шельфовой разведке и добыче. СУБД Oracle Database используется в продуктах ERP лидера направления — компании SAP, а решения компании широко применяются российскими нефтегазовыми компаниями. Под санкции, которые распространялись как на новые проекты, так и обновление (продление) уже заключенных контрактов, попали все крупнейшие игроки сектора.

Целью импортозамещения должно быть создание благоприятных условий для появления отечественных цифровых решений и повышение их конкурентоспособности.

Модернизация традиционных отраслей экономики, получение технологической ренты для финансирования расширенного воспроизводства нового технологического уклада возможны в том случае, если отраслевые стратегии, федеральные и ведомственные программы, стратегии и программы инновационного развития государственных корпораций, программы фундаментальных исследований научных центров, стратегические программы исследований технологических платформ будут формироваться с учетом долгосрочного прогноза [4].

В нефтегазовом секторе существуют ловушки (отсутствие реальной конкуренции, рост капитализации на основе слияний и поглощений, копирование зарубежных технологий) и барьеры (несовершенство нормативно-правовой базы, отсутствие оборота прав на пользование недрами, неработающие механизмы косвенного стимулирования) для инновационного развития [7], которые необходимо избегать для достижения существенных результатов.

Обсуждение

Для решения инвестиционной проблемы в сегменте апстрим немаловажную роль может сыграть механизм лизинга.

Специфика лизинговых сделок в нефтегазовой отрасли обусловлена их капиталоемкостью (объем финансирования может составлять сотни миллионов рублей), сложной структурой, длительностью периода аренды (10 и более лет). Одним из лидеров в сегменте финансовой аренды оборудования нефтегазовой отрасли в России является компания «Газпромбанк Лизинг», имеющая опыт реализации сделок от бурового оборудования и насосов до высокоспецифичных сделок возвратного лизинга трубопроводов.

Государственная поддержка цифровых проектов в нефтегазовой отрасли может быть осуществлена посредством заключения трехстороннего соглашения между Министерством энергетики РФ, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ и компанией «Газпромбанк Лизинг», которое предусматривает взаимодействие сторон в области внедрения цифровых технологий и будет способствовать реализации Национальной программы «Цифровая экономика в Российской Федерации».

Сотрудничество необходимо осуществлять по трем векторам: реализация программы льготного лизинга по внедрению «сквозных» цифровых технологий и платформенных решений с привлечением бюджетного софинансирования; участие в формировании пула высокотехнологичных проектов; организация информационного обмена.

Заключение

Производство нефти и газа является наиболее конкурентоспособной отраслью национальной экономики с позиций интеграции страны в систему мировых экономических связей, а нефть и газ — приоритетными экспортными товарами России. Нефтегазовый сектор является одним из драйверов российской экономики, повышение его функционирования предполагает реализацию цифровых технологий во всех его сегментах, в особенности в сегменте апстрим.

Нефтегазовой отрасли, как и экономике России, для поступательного роста и устойчивого развития, нужен «ветер в паруса» — новые высокотехнологичные производства, основанные на технологиях «Индустрии 4.0».

В качестве резюме считаем необходимым привести результаты исследования аудиторской компании КПМГ, в котором приняли участие более 100 российских компаний (в том числе нефтяной отрасли), выполненного с целью получения ответов на три вопроса: 1) какие цифровые технологии внедряются? 2) какие бюджеты компании готовы потратить на реализацию проектов? 3) как компании в целом подходят к управлению цифровой трансформацией своего бизнеса?

Согласно полученным результатам, в 2019 г. 36% компаний готовы инвестировать в реализацию цифровых проектов более 100 млн руб.¹ При этом 63% респондентов отметили, что разработали программу цифровой трансформации², большинство из них (77%) ожидает повышения операционной эффективности и сокращения затрат вследствие использования цифровых решений, главным образом за счет использования технологий анализа больших данных и предикативной аналитики (68%), чат-ботов (51%) и роботизации офисных процессов (50%).

Позитивным является также тот факт, что большинство компаний (65%) привлекают стартапы для реализации пилотных проектов; более половины компаний (51%), готовых инвестировать в цифровые проекты, ожидают окупаемости вложенных средств менее чем за два года, а еще 43% компаний ждут возврата инвестиций в течение 2–5 лет.

Негативные моменты обусловлены тем обстоятельством, что только 16% компаний ввели в штат позицию CDO (Chief Digital Officer), а комитет по цифровизации создан лишь в 13% организациях. Также необходимо отметить наиболее существенные препятствия, которые тормозят внедрение цифровых решений российскими компаниями, а именно: недостаточная зрелость процессов цифровизации (64%); отсутствие компетенций (58%), необходимой инфраструктуры (35%) и достаточного бюджета (32%).

Эти моменты должны быть учтены предприятиями нефтегазового сектора России для получения именно тех результатов цифровизации, которые ожидаются.

Литература

1. *Актуальные технологические направления в разработке и добыче нефти и газа: публичный аналитический доклад.* М. : БиТуби, 2017.
2. *Богоявленский В. И.* Арктика и Мировой океан: современное состояние, перспективы и проблемы освоения ресурсов углеводородов : монография. М. : ВЭО, 2014. Т. 182. С. 11–175.
3. *Еремин Н. А., Дмитриевский А. Н., Тихомиров Л. И.* Настоящее и будущее интеллектуальных месторождений // Нефть. Газ. Инновации. 2015. № 12. С. 44–49.

¹ Цифровые технологии в российских компаниях. Результаты исследования. КМПГ (январь, 2019 г) [Электронный ресурс]. URL: <https://in.minenergo.gov.ru/energynet/analytics/tsifrovyye-tekhnologii-v-rossiyskikh-kompaniyakh-rezultaty-issledovaniya-kpmg-yanvar-2019> (дата обращения: 04.09.2019).

² Аналогичный показатель в мире составляет 70%.

4. *Куклина Е.А.* Технологическая безопасность России как ключевой элемент системы национальной безопасности в условиях формирования нового технологического уклада: прогностический аспект // Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: планирование и прогнозирование : мат-лы Третьей Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 22 мая 2015 г. / под общ. ред. д-ра полит. наук А.В. Шевченко. М. : Проспект, 2016. С. 86–95.
5. *Куклина Е.А.* Инновационная деятельность предприятий нефтегазового сектора России в условиях новых вызовов энергетического рынка // Экономика нового мира. 2018. № 3 (Вып. 11). С. 5–20.
6. *Куклина Е.А.* Инновационное развитие предприятий нефтегазового комплекса на основе реализации модели максимизации добавленной стоимости // Управленческое консультирование. 2018. № 4. С. 39–52.
7. *Куклина Е.А.* О цифровой трансформации и финансировании цифровых месторождений в сегменте апстрим Российской Федерации // Актуальные теоретические и прикладные вопросы управления социально-экономическими системами : мат-лы Международной научно-практической конференции. Т. 3. Москва, 20 декабря 2019. М. : Институт развития дополнительного профессионального образования, 2019. С. 127–131.
8. *Семкова Д.Н.* Проблемы инвестирования в инновационную деятельность предприятий нефтегазового комплекса Российской Федерации // Мат-лы XI Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Экосистема цифровой экономики» 24–26 апреля 2019 г. Т. 1. СПб., 2019. С. 221–223.
9. *Эдер Л.В., Проворная И.В.* Основные направления инновационного развития нефтегазовой промышленности России // Инновационный потенциал экономики России: состояние и перспективы : сб. науч. тр. / ИЭОП СО РАН. Новосибирск, 2013. С. 165–184.

Об авторах:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; kuklina-ea@ranepa.ru

Семкова Дарья Николаевна, аспирант кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); d.ci95@mail.ru

References

1. Current technological directions in the development and production of oil and gas: public analytical report. M.: B2B, 2017. 220 p. (In rus)
2. Bogoyavlensky V.I. Arctic and World Ocean: current state, prospects and problems of hydrocarbon resources development: monograph. MOSCOW: VEO, 2014. V. 182. P. 11–175. (In rus)
3. Eremin N.A., Dmitryevsky A.N., Tikhomirov L.I. Present and future of intellectual deposits // Oil. Gas. Innovations [Neft'. Gaz. Innovatsii]. 2015. No. 12. P. 44–49. (In rus)
4. Kuklina E.A. Technological security of Russia as a key element of the national security system in the context of the formation of a new technological order: predictive aspect // Strategic management in the sphere of national security of Russia: planning and forecasting: the Third Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, May 22, 2015 / under ed. of A. V. Shevchenko. Moscow: Prospect, 2016. P. 86–95. (In rus)
5. Kuklina E.A. Innovative activity of enterprises of oil and gas sector of Russia in conditions of new challenges of energy market // Economy of new world [Ekonomika novogo mira]. 2018. No. 3 (V. 11). P. 5–20. (In rus)
6. Kuklina E.A. Innovative development of oil and gas enterprises based on the implementation of the value added maximization model // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2018. No. 4. P. 39–52. (In rus)
7. Kuklina E.A. On Digital Transformation and Financing of Digital Deposits in the Upstream Segment of the Russian Federation // Topical theoretical and applied issues of social and economic systems management: the International Scientific and Practical Conference. V. 3. Moscow, December 20, 2019. Moscow: Institute for the Development of Vocational Training, 2019. P. 127–131. (In rus)
8. Semkova D. N. Problems of Investment in Innovative Activity of Enterprises of Oil and Gas Complex of the Russian Federation // Materials of XI International Scientific and Practical Conference "State and Business. The Ecosystem of the Digital Economy", April 24–26, 2019, Vol. 1. SPb., 2019. P. 221–223. (In rus)

9. Eder L.V., Provornaya I.V. The main directions of innovative development of the oil and gas industry of Russia // Innovative potential of the economy of Russia: state and prospects: collection of scientific works. Novosibirsk, 2013. P. 165–184. (In rus)

About the authors:

Evgenia A. Kuklina, Professor of the chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Professor; kuklina-ea@ranepa.ru

Dariya N. Semkova, Postgraduate Student of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation); d.ci95@mail.ru

Внеэкономические связи Ленинградской области и Швеции в первое десятилетие XXI века: проблемы и перспективы

Новикова И. Н.*, Попов Д. И.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
*i.novikova@spbu.ru

РЕФЕРАТ

Северо-Запад России имеет глубокие исторические связи со странами Балтийского региона. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть экономическое взаимодействие Ленинградской области со шведскими регионами в первом десятилетии XXI в. Особое внимание уделяется взаимодействию Ленинградской области со Швецией в контексте влияния санкционного режима на российско-шведские отношения. В результате исследования выявлено значение института городов-побратимов для отдельных районов Ленинградской области в их экономическом взаимодействии с северным королевством (Гатчина и Тихвин) и потенциал развития в данной сфере для других (Волхов и Выборг). Подчеркивается противоречивое влияние санкций на внешнеэкономические связи региона со Швецией, в результате которых, в целом, не произошло серьезного падения оборота торговли и объемов инвестиций, наоборот, Швеция по-прежнему является ценным иностранным партнером Ленинградской области.

Ключевые слова: Северо-Западный федеральный округ, Балтийский регион, внешнеэкономическая деятельность регионов, режим санкций, города-побратимы, Новая Ганза

Для цитирования: Новикова И. Н., Попов Д. И. Внеэкономические связи Ленинградской области и Швеции в первое десятилетие XXI века: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 66–79.

Economic Relations between the Leningrad Region and Sweden at the Beginning of XXI Century: Challenges and Perspectives

Irina N. Novikova*, Dmitry I. Popov

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; *i.novikova@spbu.ru

ABSTRACT

The North-West of Russia has close ties with the countries of the Baltic region for many years. This article discusses the economic interaction of the Leningrad region with the Swedish regions in the last two decades. The authors attempt to give a detailed analysis of the cooperation of this Russian region with Sweden in order to establish the significance of these relations for Ingermanland and Russia. To achieve this goal, the authors consider the agreements of districts and cities of the region with the Swedish partners, as well as their implementation on the example of specific cases of Swedish companies in the region. Particular attention is paid to the recent years of interaction between the Leningrad region and Sweden, the impact of the sanctions regime on them. As a result of the research, the institute of twin cities was found to be of great importance for certain regions of the region in their economic interaction with the Swedish kingdom (Gatchina and Tikhvin) and the potential for development in this area for others (Volkhov and Vyborg). The contradictory role of sanctions in the region's foreign economic relations with Sweden is emphasized, as a result of which there was no serious drop in trade turnover and investment volumes, and Sweden became a more valuable foreign partner of the Leningrad region.

Keywords: Northwestern Federal District, Baltic region, foreign economic activity of the regions, sanctions regime, twin cities, The Hanseatic League

Введение

Территория современной Ленинградской области всегда играла ключевую роль в российско-шведских отношениях. Эти земли — Ингерманландия — многие века были предметом спора между двумя государствами. Они часто переходили из рук в руки в результате войн XVI–XVIII вв., однако всегда сохраняли свое транзитное значение для взаимодействия России и Швеции [17, с. 150]. С момента основания Санкт-Петербурга и окончательного вхождения Ингерманландии в состав Российской империи она не перестает быть важнейшим звеном торговых связей, хотя значение этих земель со временем несколько преуменьшается после включения в состав России таких крупных портов, как Ревель, Рига и Виндава, а позднее Гельсингфорса с другими финскими приморскими городами. В прошлом веке происходило постоянное изменение значимости Петербурга–Ленинграда и окружающего его региона в связи с важнейшими событиями в истории России: образование независимых прибалтийских республик после Октябрьской революции 1917 г., их воссоединение в 1940 г., а потом очередное отделение в результате распада СССР [16, с. 102]. В настоящее время Ленинградская область и Санкт-Петербург вновь играют важную роль в торговле России с Западной Европой, в том числе со странами Балтийского региона, включая Швецию.

Сегодня Королевство Швеция не является важнейшим торгово-экономическим партнером всего Российского государства [18, с. 19]. Однако если для общероссийского значения экономическое взаимодействие с северным королевством не входит в главную повестку дня, то для Северо-Западного федерального округа оно может считаться одним из ключевых как по географическим [2, с. 21], так и по культурным (общая история, балтийская идентичность [13, с. 76]) соображениям. Именно поэтому актуальность исследования экономических отношений между регионами Швеции и СЗФО РФ достаточно высока. Кроме того, в экономической сфере СЗФО является одним из передовых, инновационных макрорегионов [11, с. 149], во многом определяя векторы технологического развития страны. Ленинградская область вместе с Северной столицей являются в СЗФО лидерами не только по своему социально-экономическому развитию последних десятилетий [10, с. 34–35], но и по внешнеторговому обороту и инвестиционной привлекательности¹.

Проблемы внешнеэкономических связей Северо-Запада России нашли отражение в монографиях О. Б. Александрова [1]; Н. Ю. Маркушиной и Н. К. Харлампьевой [15]; Е. В. Сыченковой [21], научных публикациях А. В. Королевой [11] и Р. Х. Симоняна [20]. Разнообразные формы экономического сотрудничества в Балтийском регионе и Северной Европе, участие в них России представлены в трудах Ю. С. Дерябина и Н. М. Антюшиной [7], Г. М. Федорова и В. С. Корнеевца [22]; Н. М. Межевича [16], Ю. В. Косова, Г. И. Грибановой [12], П. Вестерберга [25] и др. Цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть основные тенденции в развитии торгово-экономических отношений Ленинградской области и Швеции в первое двадцатилетие XXI в., включая влияние на них режимов санкций и контрсанкций.

¹ О социально-экономическом положении и инвестиционной привлекательности Санкт-Петербурга и Ленинградской области [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/-/asset_publisher/ykggrK2nCl8c/content/id/3279454 (дата обращения: 22.12.2019).

Роль Швеции во внешнеэкономических связях Ленинградской области в 2000–2014 гг.

По своим экономическим показателям и привлекательности для инвесторов Ленинградская область входит в число лидеров не только СЗФО, где ее доля в товарообороте составляет до $\frac{1}{5}$ (табл. 1 и рис. 1), а в ВРП — $\frac{1}{4}$, но и всей России. Имея многие преимущества своего центра — Санкт-Петербурга (расположение на берегу Балтийского моря, давние торговые связи, развитая инфраструктура), область располагает и другими достоинствами (граничит, например, с двумя иностранными государствами — членами ЕС¹). Таким образом, Ленинградская область может считаться прекрасным полем для ведения предпринимательской деятельности и гарантированных вложений инвестиций, а также грузовыми воротами Российской Балтики, транзитной зоной торговли между Западом и всей РФ [17, с. 150–151].

Таблица 1

Товарооборот Ленинградской области в общем товарообороте СЗФО (млн долл.) в 2008–2017 гг.

Table 1. Trade of the Leningrad region in the total trade of the Northwestern Federal district in 2008–2017

Год		2008	2009	2010	2011	2012
Импорт	СЗФО	47418	29189	39777	54655	57033
	ЛО	8739	3660	4579	7528	5132
	Доля ЛО	18,4%	12,5%	11,5%	13,8%	9,0%
Экспорт	СЗФО	49262	31814	37495	55639	52071
	ЛО	11565	7162	10136	15315	15972
	Доля ЛО	23,5%	22,5%	27,0%	27,5%	30,7%
Внешнеторго- вый оборот	СЗФО	96679	61003	77272	110294	109104
	ЛО	20304	10822	14715	22843	21104
	Доля ЛО	21,0%	17,7%	19,0%	20,7%	19,3%
Год		2013	2014	2015	2016	2017
Импорт	СЗФО	55583	52874	32582	32144	26027
	ЛО	4928	4232	3045	2682	2463
	Доля ЛО	8,9%	8,0%	9,3%	8,3%	9,5%
Экспорт	СЗФО	47945	52746	36993	31814	29362
	ЛО	13398	15512	9798	4805	4066
	Доля ЛО	27,9%	29,4%	26,5%	15,1%	13,8%
Внешнеторго- вый оборот	СЗФО	103528	105620	69575	63958	55389
	ЛО	18326	19744	12843	7487	6529
	Доля ЛО	17,7%	18,7%	18,5%	11,7%	11,8%

Составлено авторами на основе данных Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/ru/statistics_fo/foreign_trade/

¹ Ленинградская область: обретение новых перспектив [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/-/asset_publisher/ykggrK2nCl8c/content/id/436426 (дата обращения: 22.12.2018).

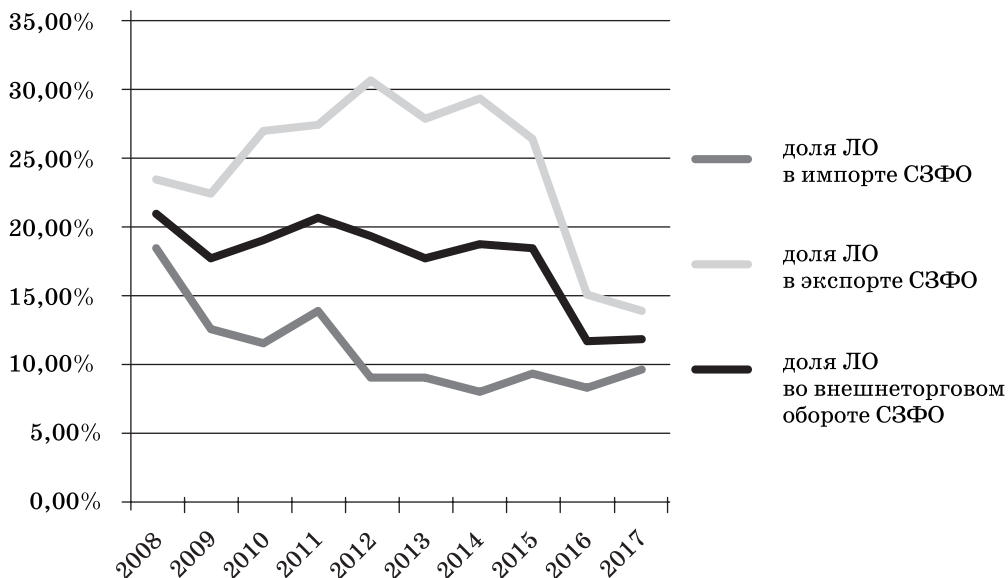

Рис. 1. Доля Ленинградской области во внешнеторговом обороте СЗФО в 2008–2017 гг.
Fig. 1. The part of the Leningrad region in the total trade of the Northwestern Federal district in 2008–2017

Составлено авторами на основе данных Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/ru/statistics_fo/foreign_trade/

Если говорить о внешних связях региона со Швецией, то в силу географических причин (отдаленность и наличие близких партнеров — Финляндии и Эстонии), данное государство не является лидером в списке сотрудничающих с Ленинградской областью стран. Хотя было время, когда в начале XXI в. Королевство Швеция занимало первую строчку в этом рейтинге (48,6% товарооборота¹), но со временем сдало свои позиции. В то же время, нельзя не отметить значительный рост инвестиционной деятельности шведских компаний в Ленинградской области: при незначительном объеме инвестиций в начале 2000-х гг., они резко возросли с 1% в 2008 г. до 7% в 2013 г.² от общих объемов иностранных вложений. Данный факт также подтверждает инвестиционную привлекательность Ленинградской области [9, с. 17–18], что отмечается и в материалах МИД РФ³.

Большую роль в развитии торгово-экономических связей между городами и муниципалитетами Ленинградской области, с одной стороны, и шведскими городами

¹ Внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации (Санкт-Петербург и Ленинградская область) [Электронный ресурс] // Федеральный справочник / под ред. Балыкина Г.А. 2000. Т. 7. С. 415–416. URL: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-7/V/5.pdf> (дата обращения: 25.12.2019).

² Внешнеэкономическая деятельность Ленинградской области за 2009–2017 гг. [Электронный ресурс] // Комитет по внешним связям Ленинградской области. URL: <http://old.inter.lenobl.ru/programm/statistic> (дата обращения: 27.12.2019).

³ Об инвестиционной привлекательности Ленинградской области [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/-/asset_publisher/ykggrK2nCl8c/content/id/2472834 (дата обращения: 22.12.2019).

и лёнами, с другой, играет институт побратимства. Например, для Гатчины одним из породненных городов является Эскельстуна (лён Сёдерманланд). Соглашение между Гатчиной и Эскельтуной было подписано в 2000 г. В данном соглашении подчеркивается желание обоих городов сотрудничать друг с другом во многих областях, в том числе способствовать экономическому развитию друг друга¹. Примерами положительного эффекта от этого договора может служить модернизация при участии Швеции системы горячего водоснабжения в одном из гатчинских микрорайонов, а также строительство «шведского квартала», спроектированного шведскими архитекторами. Этот комплекс «IQ Гатчина» к 2017 г. украсил и разнообразил городскую среду, хотя были замечены и некоторые недочеты при строительстве, что существенным образом на взаимоотношении шведов с Гатчиной не повлияло².

С еще одним городом из Швеции — Сундсваллем (лён Вестерноррланд) — соглашение имеет Волхов. Однако, несмотря на значительную историю побратимских связей (договор был заключен еще в 1974 г.), активное сотрудничество еще впереди. Пока побратимские отношения проявились в организации курсов шведского языка в одной из школ Волхова и открытии кафе «Сундсвалль»³. Подобная тенденция имеет место во взаимодействии Выборга с Нючёпингом, которое даже было со временем прекращено⁴ и Приозерска со Стренгнесом⁵. Оба этих шведских города относятся к лёну Сёдерманланд, который, как мы можем заметить, проявляет наибольший интерес к Ленинградской области, результатом чего стало подписание Соглашения о сотрудничестве двух регионов в 1998 г. Ленинградская область и лён Сёдерманланд предполагали установить прямые контакты между администрациями, в том числе для решения различных экономических вопросов (в договоре особенно выделяется важность взаимодействия в областях энергетики, жилищного строительства, сельского и лесного хозяйства⁶). В 2012 г. это соглашение не было продлено, как пояснила шведская сторона, в связи со стремлением Сёдерманланда к поиску иных европейских партнеров. Тем не менее, соглашение имело некоторое положительное значение для Ленинградской области, с точки

¹ Договор о побратимстве между городом Гатчина, Россия, и городом Эскельстуна, Швеция [Электронный ресурс] // Официальный сайт Гатчинского муниципального района Ленинградской области. Международное сотрудничество. URL: http://radm.gtn.ru/_file/economy/pobratim/eskilstuna_sogl.jpg (дата обращения: 24.01.2019).

² Власти Гатчины проверили местное «шведское королевство» [Электронный ресурс] // Гатчинская Служба Новостей. 2017. 16 июня. URL: <http://gatchina-news.ru/news/society/vlasti-gatchiny-proverili-mestnoje-shvedskoje-korolevstvo-17207.html> (дата обращения: 02.8.2019).

³ Концепция социально-экономического развития муниципального образования «Город Волхов» до 2020 года [Электронный ресурс] // Администрация Волховского муниципального района Ленинградской области. URL: https://volkhov-raion.ru/images/Econ/2016/concept_volhov_2014-07-15.pdf (дата обращения: 25.12.2019).

⁴ Соглашения о международном сотрудничестве муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области [Электронный ресурс] // Официальный портал муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области. Международное сотрудничество. URL: <http://www.vbglenobl.ru/sotrudnichestvo/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 24.01.2019).

⁵ Список соглашений о сотрудничестве с зарубежными партнерами на уровне органов местного самоуправления [Электронный ресурс] // Комитет по внешним связям Ленинградской области. URL: <http://inter.lenobl.ru/deiatelnost/soglasheniia-o-sotrudnichestve/spisok-soglashenij-o-sotrudnichestve-s-zarubezhnymi-partnerami-na-urov/> (дата обращения: 24.01.2019).

⁶ Соглашение о сотрудничестве между Правительством Ленинградской области Российской Федерации и Администрацией лёна Сёдерманланд Королевства Швеция и Региональным Советом лёна Сёдерманланд Королевства Швеция [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/8311107> (дата обращения: 16.12.2019).

зрения обмена опытом и повышения квалификации сотрудников администрации области для решения важных задач в социальной сфере¹.

Определенные успехи в вопросах российско-шведского сотрудничества достигнуты Тихвинским муниципальным районом. С 1998 г. власти этого муниципалитета активно развивают отношения с городом Троса (вновь из Сёдерманланда), проводятся разнообразные встречи и конференции, представители Тихвина проходят стажировки в Швеции. Сам город очень интересен для шведских инвесторов и предпринимателей: Швеция участвовала в проектах по обновлению системы водоснабжения, фирма Swedwood строила мебельную фабрику². Стремятся шведские предприниматели к сотрудничеству и с другими компаниями из Тихвинского района (например, с Тихвинским вагоностроительным заводом³).

Несмотря на то, что доля Швеции в товарообороте Ленинградской области невелика (около 2,5% в 2015 г.), сотрудничество между отдельными муниципалитетами развивается довольно неплохо. Структура экспорта и импорта типична для российско-шведской торговли: вывозят в Швецию нефтепродукты и древесину (в сфере лесного хозяйства шведы на Северо-Западе всегда были заинтересованы), а из нее — промышленное оборудование и продукты бумажного производства. Однако в области инвестиций взаимоотношения Ленинградской области и Швеции гораздо заметнее: шведские компании проявляют большой интерес к 47-му региону. Среди них, например, известная компания IKEA, построившая в начале 2000-х гг. в области два гипермаркета⁴ и ставшая одним из крупнейших налогоплательщиков региона⁵. Среди других проектов можно назвать строительство жилых комплексов в Мурино (инвестиции почти в 8 млрд руб.⁶) и спортивно-рекреационного центра в Гатчинском районе (стоимостью 1 млрд евро⁷). Эти крупные проекты подтверждают серьезность намерений шведских инвесторов, а также благоприятный климат и гарантированность инвестиций в регионе. Большую роль в налаживании бизнес-контактов играет и открывшийся Объединенный региональный совет региона Уппсала, с которым тесно взаимодействуют Ленинградская областная торгово-промышленная палата⁸.

¹ О сотрудничестве Ленинградской области со Швецией [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/-/asset_publisher/ykggrK2nCl8c/content/id/1925126 (дата обращения: 22.12.2018).

² Деловые связи Тихвина со Швецией [Электронный ресурс] // Официальный сайт Тихвинского муниципального района Ленинградской области. Международные связи. URL: https://tikhvin.org/region/international/sweden.php?sphrase_id=178189 (дата обращения: 24.01.2019).

³ Шведская компания SKF поставит крупную партию компактных конических буксовых подшипниковых узлов ЗАО «Тихвинский вагоностроительный завод» [Электронный ресурс] // trans-port.com.ua. 2014. 23 января. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=989504 (дата обращения: 01.02.2019).

⁴ Два гипермаркета IKEA были заложены в Ленинградской области [Электронный ресурс] // rosbalt.ru. 2005. 16 июня. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=12669 (дата обращения: 01.02.2019).

⁵ Компания «Икеа» в 2007 г. вошла в число крупнейших налогоплательщиков Ленинградской обл. [Электронный ресурс] // Forest-Market.ru. 2008. 5 февраля. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=90559 (дата обращения: 01.02.2019).

⁶ Шведский концерн NCC намерен построить в Ленобласти ЖК за 7,9 млрд руб. [Электронный ресурс] // РИА Новости. Недвижимость. 2011. 13 октября. URL: <https://realty.ria.ru/20111013/396783592.html> (дата обращения: 01.02.2019).

⁷ Шведская компания может построить в Ленобласти спортивно-рекреационный центр стоимостью более 1 млрд евро [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 2008. 31 октября. URL: <https://regnum.ru/news/1077463.html> (дата обращения: 01.02.2019).

⁸ Бизнесмены Ленинградской обл. будут налаживать контакты со шведскими коллегами через Объединенный региональный совет региона Уппсала (Швеция) [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 2008. 24 июня. URL: <https://regnum.ru/news/1018721.html> (дата обращения: 01.02.2019).

Рассмотрев соглашения Ленинградской области со Швецией и их практическое воплощение, следует отметить, что, несмотря на кажущуюся малозначительность и второстепенность по сравнению, например, с Финляндией, их нельзя считать мало-важными и бесперспективными. В начале XXI в. существовало огромное количество различных инвестиционных проектов, направленных на тесное межрегиональное взаимодействие. Особенно перспективным является сотрудничество между портовыми городами Швеции и Ленинградской области. В связи с сужением российской береговой линии на Балтике после распада СССР, Ленинградская область и ее порты начинают играть самую существенную роль в балтийской торговле. С начала XXI в. развернулись широкомасштабная реконструкция старых и строительство новых портовых терминалов в данном субъекте. В результате этого Россия стала лидером по объемам грузоперевозок на Балтийском море, Швеция же находится на втором месте данного рейтинга [19, с. 54–55], в связи с чем можно говорить о важности портовых городов Ленинградской области в экономическом взаимодействии двух стран. Развитие морской транспортной инфраструктуры является хорошим потенциалом для сохранения и развития сотрудничества именно со шведами, в отличие от трансграничных связей региона с Финляндией и Эстонией.

Следует упомянуть, что в связи с модернизацией портов Ленинградской области постоянно растет ее грузооборот на Балтике [3], что повышает значимость области в Балтийском регионе. Далее отметим, что этот рост, а также общее экономическое развитие Ленинградской области выводит ее на такой уровень по данным показателям, который не очень сильно отличается от большинства ленов Швеции, что позволяет им устанавливать контакты на равных [6, с. 106]. Наконец, строительство крупных портов (например, Усть-Луги) способствует дальнейшему развитию приморского района вокруг него [8, с. 22–23], что может послужить благоприятным полем для привлечения инвестиций, в том числе и из Швеции. Таким образом, стоит отметить важность и большой недоиспользованный потенциал для развития внешнеэкономических связей Ленинградской области с крупнейшими портовыми городами Королевства Швеция (особенно со Стокгольмом, которой называют, как и Петербург, важнейшим и доминирующим центром Балтийского моря [14, с. 71]). Кроме того, порты Усть-Луга, Приморск и Высоцк могут действительно превратить область в главные морские ворота России, усилить ее транзитное значение. Хорошим примером этого служит и строительство газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2»¹, в которых роль Ленинградской области как важного транзитного звена во внешней торговле РФ с Европой раскрывается наиболее ярко.

Среди портов Ленинградской области, важных в развитии внешних связей со Швецией, следует выделить Выборг, который, кроме того, имеет историческое значение, как город, основанный шведами и связанный с историей Шведского королевства, что дает дополнительную историческую привлекательность российско-шведского взаимодействия. Пока, к сожалению, потенциал города как важного центра туризма в российско-шведском взаимодействии используется незначительно [23, с. 158–159].

Привлекательным брендом для российско-шведского взаимодействия в регионе могут стать, по мнению авторов, ганзейские традиции на Балтике. Само возрождение и интерес к старой Ганзе обусловлен, во-первых, примером успешной кооперации в регионе, значительно влиявшей на мировые процессы XIV–XVI вв. [19, с. 15–16], и, во-вторых, современной глобализацией и регионализацией, в связи

¹ Алексей Миллер назвал сроки начала укладки морского участка «Северного потока-2» [Электронный ресурс] // Агентство Новостей. 2018. 2 июля. URL: <http://новости.ru-an.info/новости/алексей-миллер-назвал-сроки-начала-укладки-морского-участка-северного-потока-2/> (дата обращения: 01.02.2020).

с которой повышается значимость и самостоятельность городов и регионов как участников международных отношений. Ганзейский союз в этом может стать исторической основой и образцом. Влияла в свое время Ганза и на русские города Северо-Запада, именно поэтому современные идеи подобной организации не могли не затронуть Ленинградскую область: в настоящее время частью ассоциации «Die Hanse» стали три города 47-го региона: Ивангород, Кингисепп и Тихвин. Из шведских городов в нее вошли Кальмар, Нючепинг, Висбю и Фальстербу¹.

Хотя, безусловно, концепт «Новая Ганза» была создан для развития сотрудничества в области культуры и туризма [4, с. 147], однако же нельзя недооценивать его потенциал для развития института побратимства между ганзейскими городами, а также экономического взаимодействия, что также является одной из целей объединения. Портовые и ганзейские города Ленинградской области, не играя главной роли в российско-шведских экономических отношениях, все же имеют большие возможности для увеличения своего участия в них, привлекательности для развития туризма.

Влияние режима санкций на внешнеэкономические связи Ленинградской области со Швецией в 2014–2019 гг.

Ленинградскую область и ее внешние связи с европейскими партнерами затронул санкционный режим и общее похолодание в отношениях Запада с Россией. С началом Украинского кризиса политические отношения между РФ и Швецией резко ухудшились. Стокгольм является одним из жестких и последовательных критиков внешней политики России, а также воссоединения Крыма с Россией. Однако в целом, как ни парадоксально, это обстоятельство не оказало масштабного негативного эффекта на торгово-экономические связи между Ленинградской областью и Швецией. Так, в 2015–2016 гг. можно заметить уменьшение общей внешней торговли СЗФО с западными странами, однако его причины, по мнению исследователей, кроются скорее во внутренних факторах [24, с. 137], спаде российской экономики.

Режим санкций, безусловно, оказал влияние на объемы торговли Ленинградской области со Шведским королевством, однако это сокращение оказалось непродолжительным (табл. 2). Для Ленинградской области Швеция не только осталась в десятке стран — лидеров по товарообороту, но и вышла к 2018 г. на 7-е место с 10-го (по состоянию на 2013–2014 гг.). Ее доля во внешнеторговом обороте увеличилась с 1,7% в 2013 г. до почти 4% в 2018 г. (рис. 2). По сравнению с другими западными партнерами, Швеция в меньшей степени желала уменьшать торговлю с Ленинградской областью. Наоборот, мы видим повышение ее роли во внешнеэкономических связях Ленинградской области, что стало еще заметнее к 2018 г. К этому времени экспорт в Швецию из 47 региона вырос в два раза по сравнению с докризисным 2013 г., хотя стоимость шведского импорта, который и так не был значительным, в указанный период продолжала сокращаться² (рис. 3). В 2018 г. мы можем заметить резкий подъем общего объема товарооборота, который достиг величин больших, чем в докризисный период. По товарным же характеристикам импорт и экспорт Ленинградской области, как и всего Северо-Запада, остался прежним с преобладанием вывоза из России минеральных ресурсов (прежде всего, нефти), древесины и продуктов химической промышленности и большой долей оборудования и другой продукции машиностроения в импорте из Швеции.

¹ Hanseatic Cities [Электронный ресурс] // Die Hanse. URL: <https://www.hanse.org/en/hanseatic-cities/> (дата обращения: 28.01.2019).

² Товарооборот Ленинградской области со Швецией [Электронный ресурс] // Экспорт и импорт России по товарам и странам. URL: <http://ru-stat.com/date-Y2013-2018/RU41000/trade/SE> (дата обращения: 05.02.2019).

**Товарооборот Ленинградской области со Швецией (млн долл.)
в 2013–2018 гг.**

Table 2. Trade between the Leningrad region and Sweden
in 2013–2018

Год		2013	2014	2015	2016	2017	2018
Импорт	Общий	5066	4377	3164	2634	3586	3734
	Швеция	115	83	36	37	65	37
	Доля Швеции	2,27%	1,90%	1,14%	1,40%	1,81%	0,99%
Экспорт	Общий	13648	15764	10003	4774	5654	6668
	Швеция	196	308	255	242	224	374
	Доля Швеции	1,44%	1,95%	2,55%	5,07%	3,96%	5,61%
Внешнетор- говый оборот	Общий	18714	20141	13167	7408	9240	10402
	Швеция	311	391	291	279	289	411
	Доля Швеции	1,66%	1,94%	2,21%	3,77%	3,13%	3,95%
Место Швеции		10	10	10	8	9	7

Источник: составлено авторами на основе данных Ru-Stat. URL: <http://ru-stat.com/date-Y2013-2018/RU41000/trade/SE> (дата обращения: 05.12.2019).

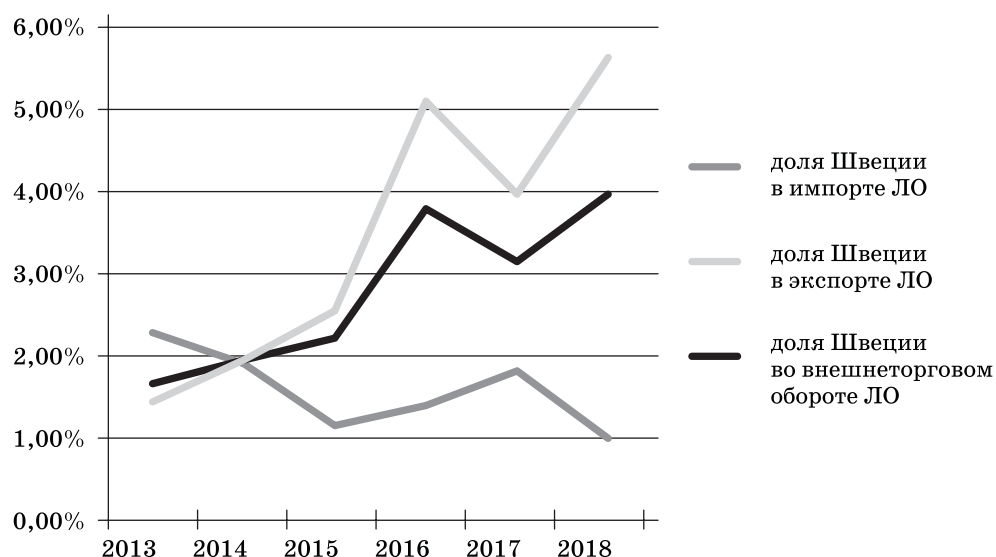

Рис. 2. Доля Швеции во внешнеторговом обороте Ленинградской области в 2013–2018 гг.
Fig. 2. The part of Sweden in the trade of the Leningrad region 2013–2018

Составлено авторами по данным Ru-Stat. URL: <http://ru-stat.com/date-Y2013-2018/RU41000/trade/SE> (дата обращения: 05.12.2019).

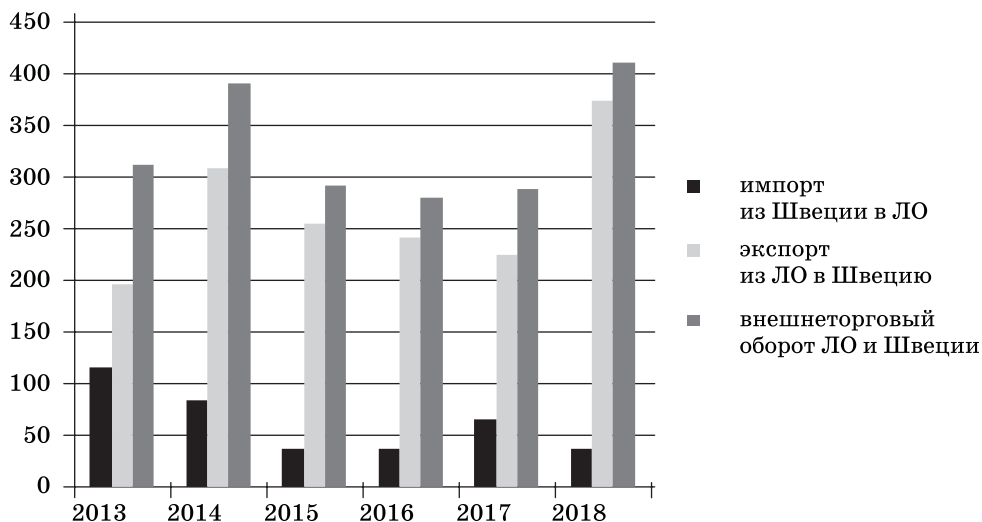

Рис. 3. Товарооборот Ленинградской области со Швецией (млн долл.) в 2013–2018 гг.
Fig. 3. The trade between the Leningrad region and Sweden in 2013–2018

Составлено авторами по данным Ru-Stat. URL: <http://ru-stat.com/date-Y2013-2018/RU41000/trade/SE> (дата обращения: 05.12.2019).

В плане инвестиций также коренных трансформаций в худшую сторону не произошло. Шведские предприниматели продолжают рассматривать вложение капитала в экономику регионов Северо-Западного федерального округа¹, в том числе и в Ленинградскую область [5, с. 70], как прибыльный бизнес. Многие шведские компании уже имели опыт работы в Ленинградской области и не собираются терять столь благоприятные возможности для своего развития. Например, компания IKEA не только сохраняет свое достигнутое важное положение, но и переводит в Ленинградскую область свои производства из других регионов РФ², а также планирует реализацию новых проектов³. Продолжается тесно налаженное сотрудничество шведов с Гатчиной (постройка «зеленой» электростанции⁴), с Тихвином и его заводами⁵.

Несмотря на санкции, внешнеэкономические связи Ленинградской области со Швецией сохраняются на довольно высоком уровне. Инвестиционную привлекательность для Стокгольма регион не потерял, проходят встречи руководства субъектов РФ

¹ Окно в Швецию: открыто или нет? [Электронный ресурс] // Эксперт Северо-Запад. 2016. № 16-17. URL: <http://expert.ru/northwest/2016/16/okno-v-shvetsiyu-otkryto-ili-net/> (дата обращения: 01.02.2019).

² IKEA уходит из Карелии в Ленинградскую область [Электронный ресурс] // Лесной портал Карелии. 2014. 10 февраля. URL: <http://www.forest-karelia.ru/?id=1075> (дата обращения: 01.02.2019).

³ До 2021 г. IKEA инвестирует в развитие проектов в Ленинградской обл. более 30 млрд руб. [Электронный ресурс] // LespromNetwork. 2016. 24 ноября. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=1980666 (дата обращения: 29.01.2019).

⁴ Первая в России «зеленая» электростанция заработает под Гатчиной в ноябре [Электронный ресурс] // Вести.ru. 2015. 14 июля. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2640704> (дата обращения: 01.02.2019).

⁵ Тихвинский Сборочный завод «Титран-Экспресс» и SKF заключили соглашение о сотрудничестве [Электронный ресурс] // gudok.ru. 2016. 2 июня. URL: <http://www.gudok.ru/news/infrastructure/?ID=1339160> (дата обращения: 01.02.2019).

со шведскими партнерами для обсуждения актуальных задач¹. Даже в межрегиональной торговле после некоторого спада 2015–2016 гг. к 2018 г. произошло ее небольшое оживление. Одной из причин того, что санкционный режим не так негативно отразился на внешнеэкономических связях Ленинградской области со Швецией, является конструктивная роль правительства Ленинградской области и его профильных комитетов.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что внешнеэкономические связи между Ленинградской областью и Швецией в первое двадцатилетие XXI в. были и остаются на достаточно высоком уровне. Наиболее активное сотрудничество наблюдалось на рубеже веков, когда скандинавская страна стала одним из важнейших торговых партнеров Ленинградской области. В течение следующего десятилетия товарообмен немного спал, однако в то же время сохранялся значительный инвестиционный приток из Стокгольма, что вылилось в реализацию различных проектов на территории Ленинградской области. К началу 2010-х гг. в связи с этим происходило новое увеличение межрегиональной торговли, что, впрочем, не всегда замечалось², поскольку на общегосударственном уровне отношения России со Швецией носили второстепенный характер.

Стоит подчеркнуть, что интерес двух стран друг к другу в то время был обоюдным, именно Ленинградская область вместе с Петербургом были главным объектом для шведских инвестиций и кооперации³. С введением со стороны ЕС режима санкций товарообмен Ленинградской области с Королевством Швеции несколько сократился (хотя доля Швеции во внешней торговле Ленинградской области, на оборот, увеличилась), но в 2018 г. достиг наибольших величин за последние годы.

Мировой экономический кризис, связанный с распространением пандемии коронавируса, безусловно, нанесет мощный удар по мировой экономике, национальным экономикам и, особенно, внешнеэкономическим связям между различными государствами. Экономики большинства стран будут стремиться к большей автаркии. Последствия коронавируса для мировой экономики сейчас трудно просчитать. Однако когда страны постепенно начнут выходить из карантинной изоляции, взаимовыгодные проекты развития транспортной инфраструктуры на Балтике, возрождение туризма и побратимских связей получат новое дыхание.

Литература

1. Александров О. Б. Регионы во внешней политике России. Роль Северо-Запада. М. : МГИМО, 2005.
2. Андреева Е. Л., Ратнер А. В., Мыслякова Ю. Г., Глухих П. Л. Внешнеэкономический фактор развития регионов Северо-Запада: оценка влияния и специфика институционального обеспечения // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 1. С. 19–36.

¹ Северные соседи встретились в Выборге [Электронный ресурс] // Комитет по внешним связям Ленинградской области. Новости. 2018. 7 декабря. URL: <http://inter.lenobl.ru/news/15253/> (дата обращения: 24.01.2019).

² Международные связи Ленинградской области в 2016 году [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/vnesneekonomiceskie-svazi-subektov-rossijskoj-federacii/-/asset_publisher/ykggrK2nCl8c/content/id/2609757 (дата обращения: 22.12.2018).

³ Country strategy: Russia 2002–2004 [Электронный ресурс] // Government Offices of Sweden. URL: <https://www.government.se/country-and-regional-strategies/2003/01/country-strategy-russia-2002-2004/> (дата обращения: 30.01.2019).

3. *Быркова Е.* Грузооборот портов Балтики: ключевые тенденции 2014 года [Электронный ресурс] // ПроведNews. Аналитика. URL: <http://provednews.ru/article/19841-gpuzooborot-poptov-baltiki-klyuchevye-tendentsii-2014-goda.html> (дата обращения: 28.01.2019).
4. *Васильева Н. А., Косов Ю. В.* Современные тренды ганзейских традиций в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 142–155.
5. *Волков А. М.* Иностранные инвестиции в экономику Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 6. С. 67–76.
6. *Гогоберидзе Г. Г., Мамаева М. А.* Стратегические возможности экономического развития российских прибрежных зон и морских портово-промышленных комплексов Балтийского моря // Балтийский регион. 2012. Т. 4, № 1. С. 98–109.
7. *Дерябин Ю. С., Антюшина Н. М.* Северная Европа. Регион нового развития. М. : Весь Мир, 2008.
8. *Дружинин А. Г., Лачининский С. С.* «Приморский фактор» в социально-экономическом развитии территории (на материалах Кингисеппского района Ленинградской области) // Янтарный мост. Журнал региональных исследований. 2015. № 3 (6). С. 22–45.
9. *Клевлеева А. Р.* Анализ инвестиционного климата в Ленинградской области // Экономические отношения. 2012. Т. 2, № 2. С. 11–20.
10. *Колесников Н. Г., Толстогузов О. В.* Структурные изменения экономики Северо-Запада России: пространственный аспект // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 30–47.
11. *Королева А. В.* Внешнеторговая деятельность Северо-Западного федерального округа со странами региона Балтийского моря // Управленческое консультирование. 2014. № 5 (65). С. 148–152.
12. *Косов Ю. В., Грибанова Г. И.* Стратегия ЕС для региона Балтийского моря: проблемы и перспективы международного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 48–66.
13. *Кочегарова Т. М., Симонян Р. Х.* Северо-Запад России в контексте общеевропейской интеграции // Балтийский регион. 2013. Т. 5, № 2. С. 73–83.
14. *Лачининский С. С., Семенова И. В.* Позиционирование мирового приморского города Санкт-Петербурга в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2015. Т. 7, № 3. С. 62–75.
15. *Маркушина Н. Ю., Харлампьева Н. К.* Северо-Западный Федеральный округ. Внешние связи. СПб. : Издательство СПбГУ, 2008.
16. *Межевич Н. М.* Пространство Российского Северо-Запада: некоторые аспекты эволюции геоэкономического пространства // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 93–110.
17. *Межевич Н. М., Болотов Д. А.* Национальные приоритеты в экономической и социальной стратегии макрорегиона «Северо-Запад»: примеры и практики Ленинградской области // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2016. № 1 (50). С. 146–156.
18. *Межевич Н. М., Кретинин Г. В., Федоров Г. М.* К вопросу об экономико-географической структуризации Балтийского региона // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 3. С. 15–29.
19. *Разумовский В. М.* Российская Балтика и Балтийский регион. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2017.
20. *Симонян Р. Х.* Российский Северо-Запад в Балтийском регионе: проблемы общеевропейской интеграции // Вестник деловой жизни. 2012. № 34. С. 27–33.
21. *Сыченкова Е. В.* Внешнеэкономические связи России: федеральный и региональный уровень (Северо-Запад). Мурманск : МГПУ, 2008.
22. *Федоров Г. М., Корнеевец В. С.* Экономическое развитие стран Балтийского региона в 1990–2007 годах. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008.
23. *Ходачек В. М., Шамахов В. А.* Туристско-рекреационный потенциал исторических городов Северо-Запада России // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 152–169.
24. *Lachininsky S. S.* Some Aspects of Economic Security of St. Petersburg and the Leningrad Region under Conditions of Geo-Economic Uncertainty // Baltic Region. 2018. Vol. 10, No. 3. P. 136–149.
25. *Westerberg P.* The Baltic Sea Region — a Swedish perspective // Baltic Rim Economies. 2013. No. 1. P. 1.

Об авторах:

Новикова Ирина Николаевна, профессор кафедры европейских исследований, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; i.novikova@spbu.ru

Попов Дмитрий Игоревич, студент факультета международных отношений, (кафедра европейских исследований) Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); dp04@mail.ru

References

1. Aleksandrov O. B. Regions in Russian foreign policy. The role of the North-West. Moscow, 2005. (In rus)
2. Andreeva E. L., Ratner A. V., Myslyakova Yu. G., Glukhikh P. L. The External Economic Factor in the Development of Northwestern Regions: Institutional Support and an impact Assessment // Baltic Region [Baltiiskii region]. 2018. No. 1. P. 19–36. (In rus)
3. Byrkova E. Cargo turnover of Baltic ports: key trends of 2014 [Electronic resource] // Proved News. Analytics [Proved News. Analitika]. 2014. Available at: <http://provednews.ru/article/19841-gpuzoobopot-poptov-baltiki-klyuchevye-tendentsii-2014-goda.html> (date of the address: 28 January 2019). (In rus)
4. Vasilyeva N. A., Kosov Yu. V. Modern Hanseatic Trends in the Baltic Region // Baltic Region [Baltiiskii region]. 2017. No. 2. P. 142–155. (In rus)
5. Volkov A. M. Foreign investments in the economy of Sankt-Petersburg and Leningrad region // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2018. No. 6. P. 67–76 (In rus)
6. Gogoberidze G. G., Mamaeva M. A. Strategic opportunities for economic development of the Baltic Sea coastal zones and sea industrial and port complexes // Baltic Region [Baltiiskii region]. 2012. No. 1. P. 98–109. (In rus)
7. Deryabin Yu. S., Antyushina N. M. Northern Europe. The region of new development. Moscow, 2008. (In rus)
8. Druzhinin A. G., Lachininsky S. S. The coastal factor in the socio-economic development of a territory (Based on the example of Kingisepp District of the Leningrad region) // Amber bridge. Journal of regional studies [Yantarnyi most. Zhurnal regional'nykh issledovaniy]. 2015. No. 3. P. 22–45. (In rus)
9. Klevleeva A. R. Analysis of the investment climate of the Leningrad region // Journal of International economic affairs [Ekonomicheskie otnosheniya]. 2012. No. 2. P. 11–20 (In rus)
10. Kolesnikov N. G., Tolstoguzov O. V. Structural Changes in the Economy of the Russian Northwest: Spatial Dimension // Baltic Region [Baltiiskii region]. 2016. No. 2. P. 30–47. (In rus)
11. Koroleva A. V. Foreign trade activities of the Northwestern Federal district with the countries of the Baltic Sea region // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. No. 5. P. 148–152. (In rus)
12. Kosov Yu. V., Gribanova G. I. Strategy for the Baltic Sea region: challenges and perspectives of international cooperation // Baltic Region [Baltiiskii region]. 2016. No. 2. P. 48–66. (In rus)
13. Kochegarova T. M., Simonyan R. Kh. North-West of Russia in the context of European integration // Baltic Region [Baltiiskii region]. 2013. No. 2. P. 73–83. (In rus)
14. Lachininsky S. S., Semenova I. V. Saint-Petersburg as a global coastal city: positioning in the Baltic region // Baltic Region [Baltiiskii region]. 2015. No. 3. P. 62–75. (In rus)
15. Markushina N. Yu., Kharlampieva N. K. Northwestern Federal District. Foreign communication. St. Petersburg, 2008. (In rus)
16. Mezhevich N. M. The Space of the Russian North-West: some aspects of the evolution of geo-economic position // Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian geographers and social scientists [Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiiskikh geografov-obshchestvovedov]. 2016. No. 5. P. 93–110. (In rus)
17. Mezhevich N. M., Bolotov D. A. National priorities in economic and social strategy of macro-region "North-West": the cases and practices of the Leningrad region // Economy of the North-West: Problems and Prospects of Development [Ekonomika Severo-Zapada: problem i perspektivy razvitiya]. 2016. No. 1. P. 146–156. (In rus)
18. Mezhevich N. M., Kretinin G. V., Fedorov G. M. Economic and Geographical Structure of the Baltic Sea region // Baltic Region [Baltiiskii region]. 2016. No. 3. P. 15–29. (In rus)
19. Razumovskii V. M. Russian Baltic and Baltic region. St. Petersburg, 2017. (In rus)
20. Simonyan R. Kh. Russian North-West in the Baltic region: problems of pan-European integration // Bulletin of Business Life [Vestnik delovoi zhizni]. 2012. No. 34. P. 27–33. (In rus)
21. Sychenkova E. V. Foreign economic relations of Russia: federal and regional level. Murmansk, 2008. (In rus)
22. Fedorov G. M., Korneevets V. S. Economic development of the Baltic States in 1990–2007. Kaliningrad, 2008. (In rus)
23. Hodachek V. M., Shamakhov V. A. The Tourist and Recreation Potential of Historical Cities in North-West Russia // Baltic Region [Baltiiskii region]. 2017. No. 4. P. 152–169. (In rus)

24. Lachininsky S. S. Some Aspects of Economic Security of St. Petersburg and the Leningrad Region under Conditions of Geo-Economic Uncertainty // Baltic Region. 2018. No. 3. P. 136–149.
25. Westerberg P. The Baltic Sea Region — a Swedish perspective // Baltic Rim Economies. 2013. No. 1. P. 1.

About the authors:

Irina N. Novikova, Professor of the Department of European Studies, Dean of the School of International relations of Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History of International Relations and Foreign Policy); i.novikova@spbu.ru

Dmitry I. Popov, Student of the School of International relations, Department of European Studies of Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation); dp04@mail.ru

Цифровизация процессов малого и среднего предпринимательства

Полянин А. В.¹, Соболева Ю. П.¹, Тарновский В. В.^{2,*}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС), г. Орел, Российская Федерация

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Поволжский институт управления — филиал РАНХиГС), г. Саратов, Российская Федерация; *tarnovskiy-vv@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Роль малого и среднего предпринимательства в экономической жизни общества невозможно переоценить: оно способствует экономическому росту в стране, повышает уровень занятости населения, формирует здоровую конкуренцию, способствует развитию инновационной деятельности, решению многих социальных проблем. В этой связи крайне важна государственная поддержка предпринимательства с целью создания благоприятных условий для его дальнейшего развития. К настоящему времени принят и реализуется национальный проект в области формирования механизмов поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Соответствующий национальный проект реализуется в рамках пяти федеральных проектов, направленных на улучшение условий ведения предпринимательства, доступ субъектов бизнеса к финансовым ресурсам, акселерацию субъектов бизнеса, популяризацию предпринимательства, развитие сельской кооперации. Вместе с тем в условиях цифровой глобализации эффективная реализация перечисленных направлений невозможна без внедрения в деятельность самих субъектов предпринимательства информационных технологий. Исследования относительно внедрения информационных технологий в деятельность предпринимательских структур не систематизированы и раскрывают отдельные аспекты данного вопроса. Актуальность исследования обусловлена тем, что в рамках утвержденных в нашей стране национальных проектов не разработан механизм формирования бизнес-модели, обеспечивающей эффективное внедрение подобного рода технологий в деятельность субъектов малого и среднего бизнеса. Большинство научных работ данной тематики раскрывают вопросы реализации субъектами бизнеса конкретных информационных технологий. Поэтому формирование обобщенной модели эффективного внедрения IT-технологий в деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства выступает актуальной задачей, способствующей достижению поставленных перед национальными проектами задач.

Целью выполнения данного исследования является разработка методических и практических рекомендаций по повышению эффективности функционирования субъектов российского малого и среднего предпринимательства на основе реализации концепции цифровизации бизнеса. В процессе выполнения работы использованы общенаучные методы исследования, а также статистический и сравнительный анализы. Научная новизна данного исследования состоит в разработке последовательности действий по переходу субъектов малого и среднего предпринимательства к цифровизации бизнес-процессов, в систематизации субъектов предпринимательства по уровню внедрения в деятельность цифровых технологий, а также в группировке основных направлений оцифровки субъектов предпринимательства.

Ключевые слова: цифровизация предпринимательства, национальный проект, государственная поддержка

Для цитирования: Полянин А. В., Соболева Ю. П., Тарновский В. В. Цифровизация процессов малого и среднего предпринимательства // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 80–96.

Digitalization of Processes of Small and Average Business

Andrey V. Polyani¹, Yuliya P. Soboleva¹, Vladimir V. Tarnovskiy^{2, *}

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa), Orel, Russian Federation

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin), Saratov, Russian Federation; *tarnovskiy-vv@ranepa.ru

ABSTRACT

The role of small and medium-sized enterprises in the economic life of society cannot be over-estimated: it contributes to economic growth in the country, increases the level of employment of the population, forms healthy competition, promotes the development of innovation activities and solves many social problems. In this regard, State support for entrepreneurship is essential in order to create an enabling environment for its further development. To date, a national project on the formation of support mechanisms for small and medium-sized enterprises has been adopted and is being implemented. The relevant national project is implemented within the framework of five federal projects aimed at improving the conditions of entrepreneurship, access of business entities to financial resources, acceleration of business entities, popularization of entrepreneurship, and development of rural cooperation. At the same time, in the context of digital globalization, the effective implementation of these directions is impossible without the introduction of information technologies into the activities of the business entities themselves. Research on the introduction of information technologies into business structures is not systematic and reveals certain aspects of this issue. The relevance of the study is due to the fact that within the framework of the national projects approved in our country, no mechanism has been developed to form a business model that ensures the effective introduction of such technologies into the activities of small and medium-sized businesses. Most scientific works of this topic reveal issues of implementation of specific information technologies by business entities. Therefore, the formation of a generalized model of effective introduction of IT-technologies in the activities of small and medium-sized enterprises is a pressing task that contributes to the achievement of the tasks set for national projects.

The purpose of this study is to develop methodological and practical recommendations to increase the efficiency of Russian small and medium-sized enterprises on the basis of the implementation of the concept of digitalization of business. The study was aimed at national projects "Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative" and "Digital economy of the Russian Federation," interim results of their implementation. The subject of the study is the system of support for the development of Russian small and medium-sized enterprises.

The scientific novelty of this study consists in the development of an algorithm for the transition of small and medium-sized enterprises to digitalization of business processes, in the systematization of business entities by the level of introduction of digital technologies into the activities, as well as in the grouping of the main directions of digitization of business entities.

Keywords: digitalization of entrepreneurship, national project, state support

For citing: Polyani A. V., Soboleva Yu. P., Tarnovskiy V. V. Digitalization of Processes of Small and Average Business // Administrative consulting. 2020. No. 4. P. 80–96.

Введение

В России 2020 г. объявлен годом предпринимательства. Это не случайно, поскольку предпринимательство является мощным двигателем социально- экономического развития общества. В 2018 г. Министерство экономического развития РФ разработало паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Он предполагает развитие и внедрение различных форм поддержки субъектов бизнеса на каждом этапе их функционирования: от зарождения бизнес-идеи до расширения деятельности

и выхода на международный рынок¹. Национальный проект содержит три ключевых показателя, среди которых численность занятых, доля субъектов малого и среднего предпринимательства в общем объеме ВВП, доля экспорта, — и включает в себя пять федеральных проектов (рис. 1). Каждый регион разрабатывает собственную программу, нацеленную на реализацию конкретных стратегических показателей.

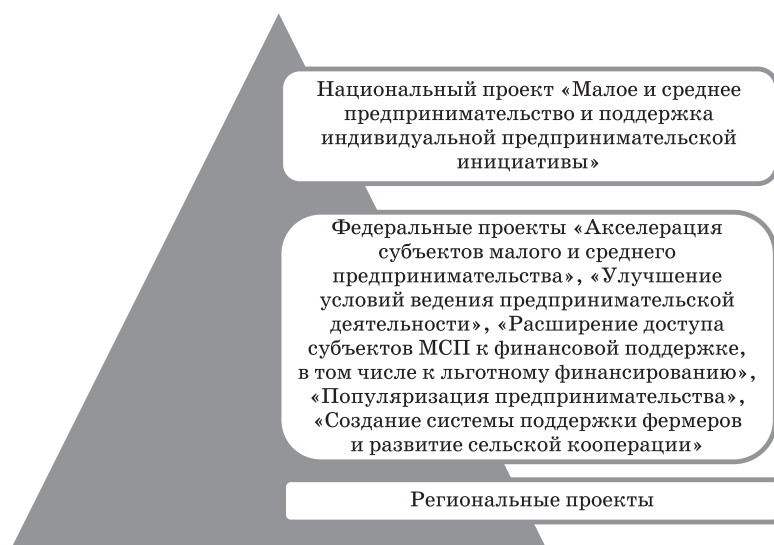

Рис. 1. Структура системы поддержки развития МСП в России
Fig. 1. Structure of the system of support for the development of small and medium-sized enterprises in Russia

Источник: Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты.

Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» структурирован таким образом, чтобы предложить необходимые меры поддержки предпринимателю на каждом этапе жизненного цикла развития бизнеса: от появления бизнес-идеи, регистрации, получения необходимого финансирования, имущественной поддержки до реализации проекта, расширения бизнеса с выходом на экспорт². В проекте определены цели, целевые и дополнительные показатели национального проекта, в частности, рост численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства с 19,2 млн чел. на момент разработки национального проекта до 25 млн чел. по итогам 2024 г.; увеличение доли субъектов малого и среднего бизнеса в общем объеме ВВП с 22,3% до 32,5% за тот же планируемый период; увеличение экспорта продукции субъектов МСП с 8,6% до 10%³.

Одним из ключевых положений является создание региональных центров «Мой бизнес», оказывающих комплекс услуг, сервисов и мер поддержки субъектам МСП.

¹ Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/projects/selection/741/35675/> (дата обращения: 16.03.2020).

² Общие вопросы реализации национальных проектов [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/660/events/> (дата обращения: 16.03.2020).

³ Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/qH8voRLuhAVWSJhIS8XybZBsAvcs8A5t.pdf> (дата обращения: 16.03.2020).

1. Оценка развития предпринимательства в России

В 2012 г. в своем ежегодном послании Федеральному Собранию Президент России озвучил необходимость реализации национальной предпринимательской инициативы в формате дорожных карт¹, направленных на развитие малого и среднего предпринимательства путем улучшения условий ведения бизнеса².

На рис. 2 мы проанализировали динамику числа субъектов малого и среднего предпринимательства в России начиная с 2012 г. Министерство финансов объясняет сокращение количества субъектов обновлением Реестра МСП и успешной борьбой с фирмами-однодневками.

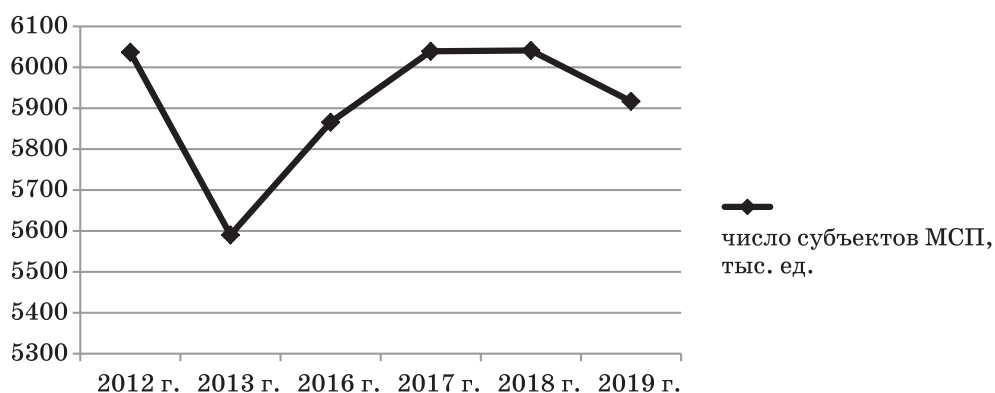

Рис. 2. Динамика числа субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей
 Fig. 2. Dynamics of the number of small and medium-sized enterprises, including individual entrepreneurs

Источник: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства / Федеральная налоговая служба РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 16.03.2020).

Несмотря на реализацию мероприятий по поддержке развития МСП в России число их субъектов имеет тенденцию к уменьшению. Малый и средний бизнес испытывает влияние ряда неблагоприятных факторов: тяжелый деловой климат, слабый потребительский спрос, проблемы с доступностью финансирования, рост фискальной нагрузки и доли госсектора в экономике, конкуренция со стороны крупного бизнеса.

Второй показатель — численность занятых в секторе малого и среднего предпринимательства (рис. 3). По итогам 2019 г. план по данному показателю не выполнен.

При росте количества субъектов МСП в 2013–2019 гг. на 6% численность занятых в данном секторе экономики сократилась на 14%.

Третий показатель — объем выручки субъектов МСП (рис. 4).

При росте выручки в фактических ценах более чем в два раза ее величина в ценах 2012 г. возросла на 36%, поэтому было бы ошибочным говорить о стремительном увеличении объемов продаж субъектами малого и среднего предпринимательства.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 16.03.2020).

² Национальная предпринимательская инициатива (НПИ). «Дорожные карты» НПИ [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/investclimate/> (дата обращения: 16.03.2020).

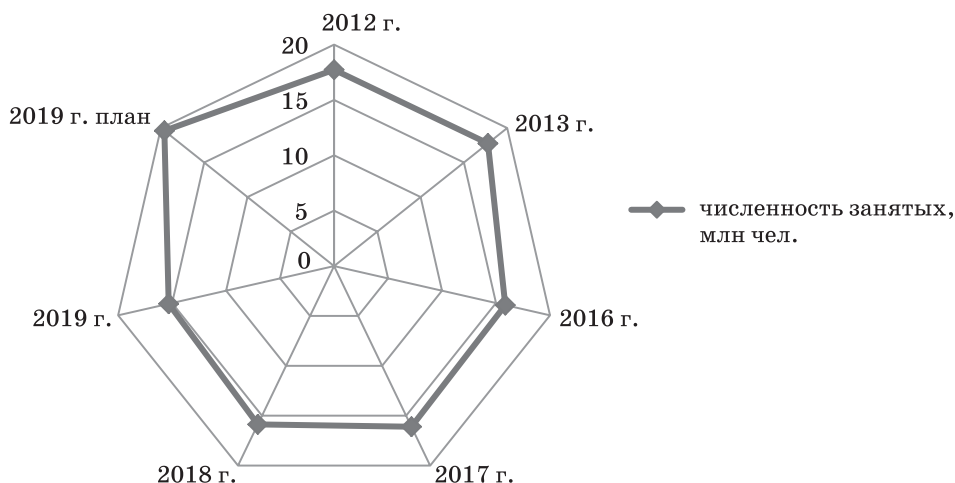

Рис. 3. Динамика численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства
Fig. 3. Dynamics of the number of employees in the sphere of small and medium-sized enterprises

Источник: Составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ.

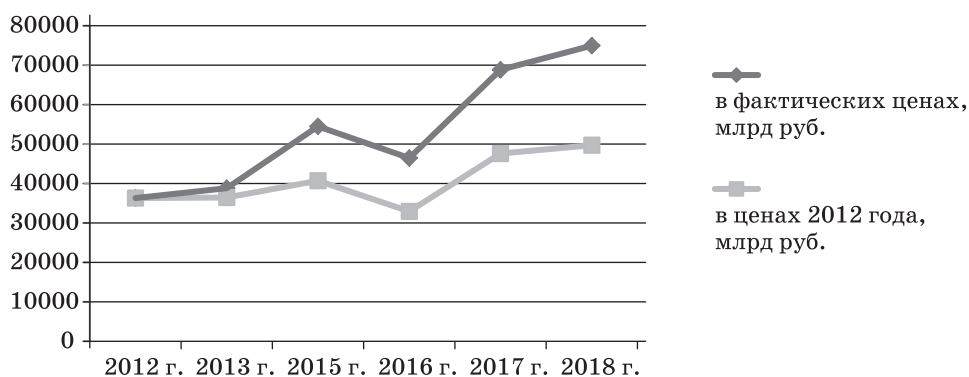

Рис. 4. Объем выручки субъектов МСП в фактических ценах и в ценах 2012 г.
Fig. 4. Income of SME entities in actual and 2012 prices

Источник: Составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ.

Промежуточные результаты реализации перечисленных федеральных проектов систематизированы в табл.

Промежуточные результаты реализации национального проекта в области поддержки развития субъектов предпринимательства отражают недостаточную проработку нормативно-правовой базы, двоякое понимание поставленных задач, недостаточную исполнительность субъектов реализации проекта¹. Вместе с тем, положительные результаты имеются и подтверждают выводы экспертов о том, что по мере внедрения проект требует доработки, но отказываться от его реализации нельзя [2].

¹ В Госдуме раскритиковали исполнение правительством нацпроектов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/06/2019/5d089fe39a7947a2dab5d837> (дата обращения: 16.03.2020).

**Промежуточные результаты реализации национального проекта
«Малое и среднее предпринимательство и поддержка
индивидуальной предпринимательской инициативы»**

Table. Interim results of the national project "Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative"

Направление	Результат по итогам реализации в 2019 г.
1. Улучшение условий введения предпринимательской деятельности	Не реализованы две задачи, связанные с установлением правил и принципов осуществления нестационарной торговли и законодательной проработкой переходного налогового режима. Задача, связанная с освобождением от обязанности предоставлять субъектами МСП налоговые декларации, выполнена досрочно
2. Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию	Осуществлен взнос в уставный капитал взнос АО «Корпорация «МСП». Отобраны кредитные организации, уполномоченные выдавать субсидии субъектам МСП. Утверждены правила распределения и предоставления субсидий бюджетам субъектов РФ на поддержку МСП в регионах. Запланированное предоставление субсидии республике Крым по состоянию на 1 ноября 2019 г. не выполнено
3. Акселерация субъектов МСП	Задача по предоставлению грантов на разработку инновационной продукции выполнена частично Предоставление межбюджетного трансферта субъектам на исполнение обязательств по поддержке МСП выполнено частично Выявлено несоответствие в порядке привлечения субъектов МСП к закупкам Задача по поддержке экспортно-ориентированных субъектов МСП выполнена с опозданием
4. Создание системы поддержки фермеров и развития сельской кооперации	Распределение межбюджетных трансфертов на развитие сельской кооперации выполнено в срок

Источник: Отчет о промежуточных результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ach.gov.ru/upload/iblock/200/2005dbf690b7a5b8d37e3f94f84ad82.pdf> (дата обращения: 16.03.2020).

2. Цифровизация национальной экономики

Одной из задач развития малого предпринимательства является разработка «цифровой платформы, ориентированной на информационную поддержку производственной и сбытовой деятельности субъектов» МСП¹. В этой связи возникает такое понятие, как «цифровое предпринимательство». В законодательной практике России

¹ Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/qH8voRLuhAVWSJhIS8XybZBsAvcs8A5t.pdf> (дата обращения: 16.03.2020).

он не рассматривается, но в зарубежных исследованиях активно применяется [11]. Цифровое предпринимательство облегчает обмен, передачу и приобретение знаний, а также инициирует новые способы ведения бизнеса [6]. Сфера его применения относится не только к IT-технологиям, но к любым другим видам деятельности.

В июле 2018 г. была официально утверждена национальная программа «Цифровая экономика», в ее границах необходимо определить развитие цифровой экономики до 2024 г. Проект нацелен на создание современной цифровой образовательной среды в школах, университетах, обеспечение доступа к сети интернет во все социально значимые объекты. Таким образом, национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» реализуется не изолированно, а в системе с другими проектами, в частности, во взаимодействии с национальным проектом «Цифровая экономика Российской Федерации».

Цифровизация затрагивает все стороны жизнедеятельности человека и бизнеса. Поэтому логично утверждать, что развитие информационных технологий должно быть направлено в том числе на достижение целей, выделенных в национальном проекте поддержки развития предпринимательства.

Информационные технологии за последние 50 лет значительно изменили общество, а также экономику всех отраслей [17]. IT-технологии должны быть вовлечены как на этапе разработки и реализации стартапов, развития бизнес-идеи, так и в форме готовых цифровых бизнес-моделей. Информационные технологии не обязательно формируют добавленную стоимость. Они, чаще всего, выступают вспомогательным инструментом для развития предпринимательства, реализации бизнес-идеи. Предприниматели для достижения конкурентного преимущества активно обращаются к этим технологиям, так как именно последние выступают в качестве неиспользованных возможностей. Здесь уместно говорить об облачных технологиях, интернет-ботах, искусственном интеллекте, блокчейн.

Для успешного развития МСП необходимо внедрять элементы цифровой экономики. Быстро найти новых клиентов как в России, так и за рубежом, связаться с банком за пару секунд через мобильное приложение, подать отчетность в налоговую онлайн — все это и многое другое стало возможным благодаря цифровизации. Она не только помогает крупному бизнесу, но и жизненно необходима малым и средним компаниям, так как позволяет им расти и развиваться гораздо быстрее при меньшем количестве затрат [1].

Использование цифровых инструментов дает малым и средним предприятиям массу преимуществ, в частности, избавляет их от многих бюрократических проволочек. Субъекты малого и среднего предпринимательства благодаря цифровизации могут повысить свою конкурентоспособность. Цифровизация также позволит достичь максимального развития МСП. Организациям и отдельным предпринимателям станет гораздо легче вести дела с использованием технологий и упрощением финансовых процедур.

В каждом субъекте РФ создана доступная и удобная инфраструктура поддержки малого и среднего бизнеса. Она ориентирована на помощь предпринимателям в открытии и развитии своего дела. В ее состав входят центры поддержки предпринимательства «Мой бизнес», центры поддержки экспорта, микрофинансовые организации, бизнес-инкубаторы, технопарки и др. Центр оказания услуг «Мой бизнес» нацелен на оказание помощи предпринимателям по открытию бизнеса: проконсультироваться по кредитованию, налогообложению, бухучету, пройти обучение по предпринимательству. Услуги предоставляются в формате «одного окна». В период своего существования за 2019 г. Центр Орловской области выдал 65 льготных займов на общую сумму 99 млн руб., предоставлено около 88 поручительств на сумму 260 млн руб., оказано более 2376 услуг. Достаточно популярной на сайте портала «Мой бизнес» стала услуга по предоставлению консультационной помощи предприни-

мателям не только офлайн, но и онлайн. Предприниматель, в том числе начинающий, может ознакомиться с обучающими лекциями, с перечнем банков, которые выдают льготные кредиты. С момента создания портала на нем было зарегистрировано свыше 118 000 личных кабинетов, а в целом портал посетили около миллиона россиян.

В Тульской области создана площадка для поддержки предпринимателей, которая предоставляет льготную аренду помещений для начинающих бизнесменов, — бизнес-инкубатор. Чтобы разместиться там, нужно пройти конкурсный отбор. Стоимость аренды в бизнес-инкубаторе — одна из самых низких в регионе, при этом предприниматели получают оборудованное необходимыми коммуникациями и выходом в интернет помещение. В текущем году на территории Тульской области начнут действовать две дополнительные меры поддержки МСП — субсидирование части затрат, связанных с приобретением оборудования для создания, развития или модернизации производства, а также субсидирование затрат, связанных с уплатой первого взноса при заключении договора лизинга в отраслях обрабатывающего производства, сельского хозяйства и туризма. По каждому из направлений объем финансирования составит 20 млн руб.

В регионах страны реализуются программы АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства», предполагающие помощь в создании, развитии бизнеса, в том числе женского предпринимательства. Центрами поддержки предпринимательства, создаваемым на базе Корпорации развития МСП, оказываются бесплатные консультационные услуги по различным вопросам создания и ведения бизнеса. Разработанные региональные целевые программы поддержки развития субъектов малого и среднего предпринимательства оказывают, в том числе, финансовую помощь субъектам бизнеса в форме субсидий.

Проведенный анализ развития инфраструктуры поддержки развития малого и среднего предпринимательства страны свидетельствует о том, что предприниматели готовы переходить на электронную форму взаимодействия и участвовать в развитии цифровой экономики. Но есть такие отрасли, в которых цифровизация происходит медленнее. Это касается машиностроения, нефтедобычи и сельского хозяйства. Связано это с тем, что данные сферы деятельности представлены, в основном, крупными бизнес-структурами, ввиду чего внедрение инноваций в их деятельность требует значительных финансовых ресурсов и времени. Но нефтедобывающие организации плотно занялись этим вопросом и начали разрабатывать новые программы, которые позволят улучшить их деятельность. Они создали «умные скважины», которые позволяют быстро провести анализ и среагировать на ситуацию.

В рамках данного исследования целесообразно отметить высокий успех эксперимента по созданию налога на профессиональный доход. Изначально он был введен в тестовом режиме в четырех регионах (г. Москва, Московская и Калужская области, Республика Татарстан). На данный момент число самозанятых составляет свыше 260 000 чел., что значительно выше плановых показателей. Ожидается, что к концу 2020 г. показатель составит 800 000 и степень покрытия уже будет увеличена на 19 регионов.

3. Цифровизация предпринимательства

Несомненно, что внедрение цифровых технологий в деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства позволяет достичь им конкурентные преимущества на рынке, добиться стратегических целей [7]. Анализ научных статей по вопросам разработки и реализации IT-решений в деятельность субъектов МСБ позволил сделать вывод, что зарубежные исследователи отдают предпочтение анализу, оценке, изучению технологии внедрения в деятельность субъектов малого и среднего бизнеса

конкретной цифровой технологии [15]. Как правило, не ставится цель разработать последовательность действий по цифровизации бизнес-процессов, которую смог бы использовать, адаптируя к своим конкретным особенностям, любой субъект МСП.

Самая известная система для каждого человека — это онлайн услуги. Примером может выступать Сбербанк-онлайн (мобильный банк). С помощью данного приложения каждый человек может осуществить покупку или же оплатить счета. Также данное приложение облегчает деятельность предприятия. Происходит оптимизация деятельности и позволяет уменьшить время отправки денег своим посредникам и рабочим. Помимо мобильного банка, также улучшает деятельность организации электронный документооборот. Благодаря этому, каждый сотрудник, не покидая своего рабочего места, имеет доступ к различным документам. Это позволяет повысить качество работы и улучшить осведомление сотрудников внутри компании, а также с помощью этой информация воспринимается так, как была поставлена. Ведь когда информация передается устно от одного человека другому, зачастую перефразируется и теряет свой прежний смысл. Из-за чего часто происходят сбои в работе.

Цифровые технологии полностью изменяют облик различных сфер деятельности, предоставляя им новые возможности и преимущества. В 2018 г. рынок электронной торговли России составил 13,54 млрд долл. Развитие цифровых технологий приводит к существенным изменениям в сфере туризма: до конца 2020 г. ожидается среднегодовой рост онлайн-продаж и мобильных продаж на 8% и 21% соответственно [3]. Наиболее частые сделки в сегментах «Проживание», далее «Авиаперелеты». Растет количество бронирований (более 15%) через мобильные устройства.

Цифровая глобализация активно внедряется во все сферы экономики. Увеличение субъектов малого и среднего бизнеса, прирост его выручки — эти и другие показатели не смогут быть достигнуты без активной цифровизации. Современные тенденции развития бизнеса требуют все более активного внедрения информационных средств в деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства [5]. В этой связи следует отметить, что национальный проект «Цифровая экономика» должен, в том числе, содержать направления внедрения цифровизации в деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства.

Использование информационных технологий для поддержки деятельности бизнес-структур — это основной шаг на пути их противостояния глобальной конкуренции. Несмотря на наличие разнообразных программ, направленных на поддержку развития малого и среднего бизнеса в России, до сих пор данный сегмент экономики остается очень уязвимым, подверженным влиянию крупного бизнеса, зависимым от него [16]. Вместе с тем, преимущества развития малого и среднего предпринимательства неоспоримы и были выделены нами в аннотации к данному исследованию. Внедрение цифровых технологий в операционную деятельность малых форм бизнеса выступает актуальной задачей, решить которую они способны лишь при участии государства. Неоспорим и тот факт, что ограниченность финансовых ресурсов зачастую мешает бизнес-структурам активно внедрять цифровые технологии. В этой связи в рамках данного исследования мы предлагаем рассмотреть последовательность действий по реализации субъектами предпринимательства процедуры цифровизации деятельности.

4. Последовательность действий по внедрению субъектами предпринимательства процедуры цифровизации

Как было отмечено выше, в своих работах многие исследователи уделяют внимание отдельным видам IT-технологий, особенностям их внедрения в деятельность хозяйствующих субъектов. Ряд исследователей акцентируют внимание на пробелах

в правовом аспекте реализации цифровой экономики. В научных трудах отечественных и зарубежных ученых мало внимания уделяется особенностям цифровизации малого и среднего предпринимательства в России [4; 9; 10]. Решение данной проблемы должно быть комплексным. Эффект от внедрения отдельно взятой технологии в конкретный бизнес-процесс, вероятнее всего, принесет краткосрочный эффект, так как в данном случае будет нарушен принцип системности и комплексности, характерный для функционирования любой социально-экономической системы. Мы полагаем, что внедрению цифровых технологий в деятельность субъектов бизнеса должен предшествовать тщательный анализ их деятельности с целью выявления имеющихся проблем, рисков, упорядочивания имеющихся бизнес-процессов. И только после этого обращение к цифровым технологиям может принести желаемый результат. Исходя из изложенного и с учетом результатов аналогичных исследований, проведенных отечественными и зарубежными исследователями, мы разработали механизм реализации процедуры цифровизации субъектами малого и среднего предпринимательства (рис. 5).

Важной особенностью предлагаемой последовательности этапов является то, что в условиях глобализации процессов цифровизации внедрение цифровых технологий в деятельность субъектов предпринимательства требует особого уровня подготовки менеджеров, знаний современных IT-технологий, их особенностей, владения навыками отбора и подбора в соответствии со спецификой их бизнеса. Решить данную проблему нереально без государственной поддержки, в рамках которой мог бы быть создан координирующий центр, целями и задачами которого является информирование субъектов предпринимательства о цифровых возможностях с тем, чтобы не только крупный, но и малый и средний бизнес участвовал в формировании экосистемы цифровой экономики. Цифровые экосистемы являются искусственными в отличие от естественных систем, и информационные технологии выступают своеобразным «ускорителем» их развития в условиях неопределенности и изменчивости внешней среды. Это подчеркивает вывод о том, что любая организация независимо от ее размеров функционирует в условиях воздействия на нее внешних факторов, приводящих, в том числе, к необходимости цифровизации деятельности. Реализация данного процесса в условиях функционирования своеобразной системы компаний — разрабатывающих IT-технологии, доводящих информацию об этих технологиях до субъектов бизнеса и непосредственно сами организации малого и среднего предпринимательства — повысит эффективность внедрения процедуры цифровизации и обеспечит комплексное развитие всей экосистемы цифрового бизнеса [14].

Значимая роль в данном процессе отводится государственным органам. По инициативе и под их непосредственным контролем должна быть сформирована такая экосистема, позволяющая наиболее быстро найти предпринимателю ответы на возникающие в процессе цифровизации деятельности вопросы [13]. Государство должно содействовать повышению цифровой грамотности руководителей и менеджеров субъектов малого и среднего предпринимательства. Они четко должны понимать возможности внедрения IT-технологий в деятельность своих компаний, особенности каждой из цифровых технологий. Субъектам малого и среднего предпринимательства ввиду малочисленности их сотрудников достаточно тяжело устанавливать и поддерживать договорные отношения с исследовательскими институтами, инновационными лабораториями, компаниями конкретной отрасли, имеющими опыт внедрения IT-технологий и иными субъектами инфраструктуры поддержки цифровизации бизнеса [8]. Поэтому значимым для решения возникающих у субъектов малого и среднего предпринимательства проблем в процессе реализации данной модели является создание единой информационной платформы, обращаясь к которой субъект малого бизнеса получит консультативную и информационную поддержку.

Рис. 5. Процедура цифровизации субъектов предпринимательства
Fig. 5. Procedure for digitalization of business entities

Источник: авторская разработка.

5. Направления оцифровки субъектов предпринимательства

Несомненно, что потребности субъектов малого и среднего предпринимательства могут различаться в зависимости от масштабов их деятельности, отрасли, целей, которые руководство организации ставит. Необходимо адаптировать процессы оцифровки бизнес-процессов в зависимости от вышеуказанных особенностей ведения бизнеса, причем в разрезе поставок, производства, маркетинга, реализации, финансов, бухгалтерского учета, управления персоналом. Оцифровка требует

радикальных изменений не только с точки зрения стратегии, но и с позиции культуры внутри компании [18]. В связи с этим цифровое преобразование включает в себя различные аспекты (направления) оцифровки (рис. 6).

Рис. 6. Направления оцифровки субъектов предпринимательства
Fig. 6. Directions of digitization of business entities

Источник: авторская разработка на основе статьи Ulas D. Digital Transformation Process and SMEs [18].

Одним из наименее раскрытых в научных исследованиях элементом из представленных является «культура», предполагающая установление в организации и соблюдение всеми ее членами правил цифровой корпоративной ответственности. Цифровые технологии должны подчиняться моральным нормам и этическим соображениям по аналогии с корпоративной социальной ответственностью в отношении персонала компаний. Из теории КСО известно, что поведение сотрудников должно регулироваться не только административными методами управления, но и моральными нормами и этическими соображениями. Соответственно, цифровая технология должна оцениваться с такими правилами. Использование IT-технологий влечет за собой необходимость принятия решений только технологического, финансового характера, оценки степени подготовленности персонала к внедрению цифровизации. Одновременно должны решаться вопросы, направленные на разработку согласованного перечня норм, встроенных в организационную культуру, для управления разработкой и внедрением цифровых технологий и данных. Любые данные, которые организация собирает, преобразует, использует влекут за собой необходимость соблюдения этической ответственности [14].

6. Виды субъектов предпринимательства по уровню внедрения в деятельность цифровых технологий

В зависимости от того, какие направления оцифровки компанией реализованы, с учетом имеющихся исследований [12] мы подразделили субъекты малого и среднего предпринимательства на несколько видов (рис. 7).

Рис. 7. Классификация субъектов предпринимательства по уровню внедрения в деятельность цифровых технологий

Fig. 7. Classification of business entities by the level of introduction of digital technologies into activities

Источник: авторская разработка.

Организации низшего уровня не имеют стратегии цифрового преобразования, не внедряют в свою деятельность программные продукты, не осведомлены о преимуществах цифровизации бизнеса. Организации второго уровня предлагают незначительное количество цифровых продуктов, но все еще не имеют работающую цифровую стратегию. Третья группа организаций имеет опыт внедрения цифровых технологий и элементы цифровой стратегии внедрены в деятельность. На этом этапе реализуется также культура цифрового мышления. Осуществляется оценка эффективности отдельных элементов внедренной стратегии цифровизации. Разработав комплексную стратегию оцифровки всех бизнес-процессов, организация попадает на более высокий уровень своей зрелости. С того момента, как субъект предпринимательства начнет эффективно реализовывать разработанную стратегию цифровизации, ее можно будет отнести к наивысшему уровню зрелости — к категории преобразованных компаний. Данный уровень предполагает, что организация внедрила цифровые технологии во все восемь элементов своего бизнеса в соответствии с рис. 6. Современная цифровая стратегия трансформирует бизнес и операционные модели компании. Исходя из представленной нами классификации субъектов предпринимательства в зависимости от степени осознанности ими необходимости осуществления цифровых преобразований и должна осуществляться государственная поддержка данного процесса.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили нам сделать следующие выводы. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» содержит конкретные целевые

ориентиры, связанные с увеличением количества субъектов предпринимательства, ростом численности занятых на них работников, повышением доли экспорта субъектов МСП. Одновременно утвержден национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации», предусматривающий увеличение затрат на цифровизацию, создание информационно-коммуникационной инфраструктуры, использование при этом преимущественно отечественного оборудования и программного обеспечения. Оба проекта имеют целью повысить конкурентоспособность национальной экономики. Они предполагают создание условий, обеспечивающих упрощение регистрации и перерегистрации субъектов малого бизнеса, формируют инфраструктуру поддержки, направленную на предоставление возможности направлять отчетность посредством электронных средств связи, на формирование упрощенного порядка предоставления отчетности. То есть решаются, в первую очередь, организационные проблемы, исключающие наличие субъективного контакта между контролирующими органами и субъектами МСП. Вместе с тем, в рассматриваемых национальных проектах недостаточно четко прослеживается связь уже функционирующих субъектов малого и среднего предпринимательства с процессом цифровизации. Для взаимной увязки этих двух проектов в данном исследовании мы разработали процедуру цифровизации субъектов малого и среднего предпринимательства.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что авторами предложена классификация субъектов предпринимательства по уровню внедрения в их деятельность цифровых технологий. Исходя из этой классификации и должны разрабатываться механизмы государственной поддержки внедрения цифровых технологий в деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства. Также авторами работы сделан вывод, что оцифровка должна касаться не только бизнес-процессов и их элементов, но и обязательно культуру, предполагающую разработку и соблюдение правил цифровой корпоративной ответственности.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что его результаты в части использования процедуры перехода к цифровизации могут быть использованы любым субъектом малого и среднего предпринимательства. Приняв решение о необходимости внедрения цифровых технологий в свою деятельность, субъект МСП должен учитывать, что при отсутствии четко обозначенных целей, задач, подробного анализа внешней и внутренней среды — стратегического управления деятельностью — не представляется возможным разработать актуальную, действенную стратегию цифровизации бизнес-процессов. Высший менеджмент организации должен понимать, что эффект от внедрения цифровых технологий будет более значимым, если предварительно деятельность организации будет разложена на бизнес-процессы. Для каждого из бизнес-процессов целесообразно определить «узкие» места. По результатам такого анализа рекомендуется расставить приоритеты, в какой последовательности должна быть оцифрованы имеющиеся бизнес-процессы.

В работе отмечено, что субъекты малого и среднего предпринимательства зачастую бывают недостаточно осведомлены о возможностях IT-технологий, о современных тенденциях их развития. Поэтому в качестве рекомендаций для государственных органов предлагается создание платформы поддержки, аккумулирующую четыре субъекта: разработчиков технологий, успешных практиков, инновационные лаборатории и исследовательские институты, — что позволит предпринимателям быстрее ориентироваться во всем многообразии имеющихся для них возможностей и выбрать для себя с помощью консультантов наиболее оптимальную процедуру цифровизации деятельности. Создание подобной платформы государственной поддержки цифровизации малого и среднего предпринимательства позволит достичь намеченных целей, заложенных в национальных проектах Российской Федерации.

Работа по цифровизации в нашей стране только началась. Промежуточные результаты выявляют необходимость доработки нормативно-правовой базы, выработки действенного алгоритма внедрения процессов цифровизации в практическую деятельность организаций. По мере развития данного процесса данное исследование будет углубляться с учетом тенденций изменения внешней среды и внутренних возможностей отечественных предпринимателей.

Литература

1. *Заргарян З. С., Савостин Н. Н., Савцова А. В.* О перспективах развития малого бизнеса в России // Россия, Европа, Азия: цифровизация глобального пространства : сб. науч. трудов II международного научно-практического форума / под ред. В. А. Королева. Ставрополь : ООО «Секвойя», 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41312042&> (дата обращения: 16.03.2020).
2. *Иноземцев В.* Искусственный беспорядок: что не так с новой версией нацпроектов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/24/06/2019/5d0f51e39a794767dcbd4544?from=center> (дата обращения: 16.03.2020).
3. *Осиповская А. В.* Цифровизация и ее влияние на экономику // Актуальные вопросы экономики и управления : материалы VII Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, апрель 2019 г.). СПб., 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/329/14991/> (дата обращения: 16.03.2020).
4. *Прокофьев В.* Весь бизнес в твоём смартфоне. Как цифровизация упрощает жизнь МСП [Электронный ресурс]. URL: <https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/549913> (дата обращения: 16.03.2020).
5. *Рудакова О. В., Полянин А. В., Головина Т. А., Строков М. А.* Проблемы государственной политики в области поддержки российского предпринимательства // Регион: системы, экономика, управление. 2017. № 2 (37) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=34525172> (дата обращения: 16.03.2020).
6. *Соболева Ю. П.* К вопросу о внедрении цифровых технологий в деятельность предпринимательских структур // Экономический рост как основа устойчивого развития России : сборник научных статей 4-ой Всероссийской научно-практической конференции. Курск : ЗАО «Университетская книга», 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41851640> (дата обращения: 16.03.2020).
7. *Соболева Ю. П., Скулова М. В.* Государственная поддержка малого бизнеса в России // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. 2014. № 8. С. 122–126.
8. *Соболева Ю. П., Шевченко А. В.* Формы поддержки малого предпринимательства // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. 2014. № 7. С. 97–104.
9. *Стратегия кадровой политики в эпоху цифровой экономики : монография / под общ. ред. Н. А. Лытневой.* Орел : Изд-во Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС, 2019.
10. *Цифровая экономика: проблемы и последствия современных технологий : монография / под ред. А. В. Полянина.* Орел : Изд-во Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС, 2019.
11. *Elia G., Margherita A., Passiante G.* Digital entrepreneurship ecosystem: How digital technologies and collective intelligence are reshaping the entrepreneurial process // Technological Forecasting and Social Change. 2020. Vol. 150 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.119791> (дата обращения: 16.03.2020).
12. *Leipzig T. von, Gampa M., Manz D., Schöttle K., Ohlhausen P., Oosthuizen G., Palm D., Leipzig K. von.* Initialising customer-orientated digital transformation in enterprises // Procedia Manufacturing. 2017. January [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.02.066> (дата обращения: 16.03.2020).
13. *Lenkenhoffa K., Wilkens U., Zhengb M., Süßea Th., Kühlenköttera B., Ming X.* Key challenges of digital business ecosystem development and how to cope with them // Procedia CIRP. 2018. Vol. 73 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.procir.2018.04.082> (дата обращения: 16.03.2020).
14. *Lobschat L., Mueller B., Eggers F., Brandimarte L., Diefenbach S., Kroschke M., Wirtz J.* Corporate digital responsibility // Journal of Business Research. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.10.006> (дата обращения: 16.03.2020).

15. Osterwalder A., Pigneur Y., Tucci Ch. Clarifying Business Models: Origins, Present, and Future of the Concept // Communications of the Association for Information Systems. 2010. 16 (1). June [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/37426694_Clarifying_Business_Models_Origins_Present_and_Future_of_the_Concept/link/02e7e52d595e31e34e000000/download (дата обращения: 16.03.2020).
16. Soboleva Y. P., Polyaniy A. V., Leonova O. V., Korgina O. A., Merkulov A. V. Strategic approach to performance evaluation of a business entity from the position of analyzing its business potential // Revista Espacios. 2018. Vol. 39 (Number 33) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.revistaespacios.com/a18v39n33/18393331.html> (дата обращения: 16.03.2020).
17. Steininger D. Linking Information Systems and Entrepreneurship: A Review and Agenda for IT-Associated and Digital Entrepreneurship Research // Information Systems Journal. 2019. N 29 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/325698093_Linking_Information_Systems_and_Entrepreneurship_A_Review_and_Agenda_for_IT-Associated_and_Digital_Entrepreneurship_Research (дата обращения: 16.03.2020).
18. Ulas D. Digital Transformation Process and SMEs // Procedia Computer Science. 2019. Vol. 158 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.09.101> (дата обращения: 16.03.2020).

Об авторах:

Полянин Андрей Витальевич, профессор Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация), доктор экономических наук

Соболева Юлия Павловна, доцент Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация), кандидат экономических наук, soboleva-yp@yandex.ru

Тарновский Владимир Викторович, доцент Поволжского института управления — филиала РАНХиГС (г. Саратов, Российская Федерация), кандидат экономических наук; tarnovskiy-w@ranepa.ru

References

1. Zargaryan Z. S., Savostin N. N., Savtsova A. V. On prospects of small business development in Russia [Electronic Resource] // Russia, Europe, Asia: Digitalization of Global Space: Collection of Scientific Works of the II International Scientific and Practical Forum / under edition of V. A. Korolev. Stavropol: LLC "Sequoia", 2019. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41312042> & (date of address: 16.03.2020). (In rus)
2. Inozemtsev V. Artificial disorder: what is wrong with the new version of national projects [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/24/06/2019/5d0f51e39a794767dcbd4544?from=center> (date of address: 16.03.2020). (In rus)
3. Osipovskaya A. V. Digitalization and its impact on the economy [Electronic resource] // Topical issues of economy and management: materials of VII International Scientific Conference/ (St. Petersburg, April 2019). SPb., 2019. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/329/14991/> (date of address: 16.03.2020). (In rus)
4. Prokofiev V. The whole business in your smartphone. How digitalization simplifies the life of SME [Electronic Resource]. URL: <https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-property/549913> (date of address: 16.03.2020). (In rus)
5. Rudakova O. V., Polyaniy A. V., Golovina T. A., Stokov M. A. Problems of state policy in the field of support of Russian entrepreneurship [Electronic resource] // Region: systems, economy, management [Region: sistemy, ekonomika, upravlenie]. 2017. No. 2 (37). URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=34525172> (date of address: 16.03.2020). (In rus)
6. Soboleva Y. P. To the issue of introducing digital technologies into the activities of entrepreneurial structures [Electronic resource] // Economic growth as the basis of sustainable development of Russia: collection of scientific articles of the 4th Russian Scientific and Practical Conference. Kursk: University Book, 2019. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41851640> (date of address: 16.03.2020). (In rus)
7. Soboleva Y. P., Skulova M. V. State support of small businesses in Russia // Theoretical and applied issues of economy and services [Teoreticheskie i prikladnye voprosy ekonomiki i sfery uslug]. 2014. No. 8. P. 122–126. (In rus)
8. Soboleva Yu. P., Shevchenko A. V. Forms of Support for Small Business // Theoretical and Applied Issues of Economy and Services [Teoreticheskie i prikladnye voprosy ekonomiki i sfery uslug]. 2014. No. 7. P. 97–104. (In rus)

9. Strategy of Personnel Policy in the Age of Digital Economy: monograph / ed. N.A. Lytneva. Orel: Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA, 2019. 272 p. (In rus)
10. Digital economy: problems and consequences of modern technologies: monograph / ed. A. V. Polyagina. Orel: Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA, 2019. 222 p. (In rus)
11. Elia G., Margherita A., Passiante G. Digital entrepreneurship ecosystem: How digital technologies and collective intelligence are reshaping the entrepreneurial process // Technological Forecasting and Social Change. 2020. Vol. 150 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.119791> (date of address: 16.03.2020).
12. Leipzig T. von, Gampa M., Manz D., Schöttle K., Ohlhausen P., Oosthuizen G., Palm D., Leipzig K. von. Initialising customer-orientated digital transformation in enterprises // Procedia Manufacturing. 2017. January [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.02.066> (date of address: 16.03.2020).
13. Lenkenhoffa K., Wilkensa U., Zhengb M., Süßea Th., Kuhlentöttera B., Ming X. Key challenges of digital business ecosystem development and how to cope with them // Procedia CIRP. 2018. Vol. 73 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.procir.2018.04.082> (date of address: 16.03.2020).
14. Lobschat L., Mueller B., Eggers F., Brandimarte L., Diefenbach S., Kroschke M., Wirtz J. Corporate digital responsibility // Journal of Business Research. 2019 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.10.006> (date of address: 16.03.2020).
15. Osterwalder A., Pigneur Y., Tucci Ch. Clarifying Business Models: Origins, Present, and Future of the Concept // Communications of the Association for Information Systems. 2010. 16 (1). June [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/37426694_Clarifying_Business_Models_Origins_Present_and_Future_of_the_Concept/link/02e7e52d595e31e34e000000/download (date of address: 16.03.2020).
16. Soboleva Y.P., Polyagin A.V., Leonova O.V., Korgina O.A., Merkulov A.V. Strategic approach to performance evaluation of a business entity from the position of analyzing its business potential // Revista Espacios. 2018. Vol. 39 (Number 33) [Electronic resource]. URL: <https://www.revistaespacios.com/a18v39n33/18393331.html> (date of address: 16.03.2020).
17. Steininger D. Linking Information Systems and Entrepreneurship: A Review and Agenda for IT-Associated and Digital Entrepreneurship Research // Information Systems Journal. 2019. N 29 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/325698093_Linking_Information_Systems_and_Entrepreneurship_A_Review_and_Agenda_for_IT-Associated_and_Digital_Entrepreneurship_Research (date of address: 16.03.2020).
18. Ulas D. Digital Transformation Process and SMEs // Procedia Computer Science. 2019. Vol. 158 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.09.101> (date of address: 16.03.2020).

About the authors:

Andrey V. Polyagin, Professor of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russian Federation), Doctor of Science (Economics)

Yuliya P. Soboleva, Associate Professor of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russian Federation), PhD in Economics; soboleva-yp@yandex.ru

Vladimir V. Tarnovskiy, Associate Professor of Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of RANEPA (Saratov, Russian Federation), PhD in Economics; tarnovskiy-vv@ranepa.ru

Стратегический потенциал механизмов микрокредитования и социального бизнеса для роста благосостояния населения Кыргызстана

Турдиев Т. И.

Российский государственный социальный университет в г. Ош; Ош, Кыргызская Республика; talaai@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи явился анализ и осмысление стратегической роли микрокредитования и социального бизнеса в снижении уровня бедности. В статье показаны некоторые социально-эколого-экономические последствия бедности, значимые с точки зрения устойчивого развития региона и рассматриваются вопросы результативного использования микрокредитования и социального бизнеса в контексте снижения уровня бедности населения. Статья содержит анализ проверенных мировой практикой механизмов снижения уровня бедности и специфику использования данного накопленного опыта в Кыргызстане. Предпринимательская активность способна выступить альтернативным способом для социально-экономической активности населения и средством снижения уровня бедности населения.

Ключевые слова: стабилизация, бедность, кредитные отношения, предпринимательская среда, социальная политика, устойчивое развитие

Для цитирования: Турдиев Т. И. Стратегический потенциал механизмов микрокредитования и социального бизнеса для роста благосостояния населения Кыргызстана // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 97–107.

The Strategic Potential of Microcredit Mechanisms and Social Business for the Growth of Welfare of the Population of Kyrgyzstan

Talaai I. Turdiyev

Russian State Social University in Osh; Osh, Kyrgyz Republic; talaai@mail.ru

ABSTRACT

The purpose of this article was to analyze and comprehend the strategic role of microcredit and social business in reducing poverty. This article shows some of the socio-environmental and economic consequences of poverty that are significant from the point of view of sustainable development of the region and addresses the effective use of microcredit and social business in the context of reducing poverty. The article contains an analysis of the mechanisms of poverty reduction tested by world practice and specifics of using this accumulated experience in Kyrgyzstan. Entrepreneurship can act as an alternative way for the socio-economic activity of the population and a means of reducing the poverty level of the population.

Keywords: stabilization, poverty, credit relations, business environment, social politics, sustainable development

For citing: Turdiyev T.I. The Strategic Potential of Microcredit Mechanisms and Social Business for the Growth of Welfare of the Population of Kyrgyzstan // Administrative consulting. 2020. No. 4. P. 97–107.

На настоящем этапе развития мировой экономики бедность выступает самой главной дестабилизирующей силой для устойчивого развития общества. В мире существует множество очагов концентрации нищеты населения, которая существенным образом подрывает основы гармоничного взаимодействия человека с окружающей

природной средой. Поэтому в настоящее время бедность зачастую рассматривается не только как социально-экономическая проблема, она рассматривается и как комплексная эколого-экономическая проблема современной цивилизации.

В современном мире одновременно существуют и центры экономического благополучия, где достигнуты высокие уровни социально-экономического развития. Однако природно-ресурсный потенциал развитых стран в значительной степени подорван в процессе достижения высоких показателей социально-экономического развития. Поэтому общемировые стратегии, как правило, для развитых стран предусматривают экологические приоритеты для достижения глобального устойчивого развития; в то время как для отсталых и бедных стран приоритетом является преодоление бедности и нищеты населения.

Хорошо известно, что конечная цель социально-экономической политики — это повышение уровня благосостояния населения и улучшение качества жизни всех категорий граждан. Именно в повышении уровня благосостояния населения отражается не только экономический рост, но и его социальная направленность. Социально-экономический прогресс не может быть полноценным, если он не приводит к повышению уровня благосостояния населения. Бедность населения, сопровождаемая процессами имущественной поляризации общества, порождает проблему гуманизации всей совокупности общественных отношений и расшатывает нравственные, этические и иные устои гармоничных взаимоотношений между обществом и природой [6, с. 36; 7, с. 48].

Борьба с бедностью является одним из основных мандатов многих международных организаций. Миссия очень многих международных экономических организаций, фондов заключается именно в преодолении бедности и нейтрализации негативных последствий бедности и нищеты. Международные организации одновременно реализуют превентивные и стабилизационные меры, призванные минимизировать социальные, экономические, демографические и ресурсно-экологические последствия бедности практически во всех регионах планеты [12, с. 85; 16, с. 5; 3, с. 22].

Во многих странах в интересах более устойчивого социально-экологического и природно-экологического развития реализуются комплексные меры, направленные на нейтрализацию отрицательных последствий бедности для социума и природы.

Бедность, как и безработица, в принципе неискоренима и главным здесь объективно выступает уровень или масштаб бедности в обществе. Уже далеко не дискуссионным выглядит положение о том, что в любом обществе всегда были, есть и будут бедные и богатые, так как объективный процесс общественно-экономического развития всегда сопровождается дифференциацией населения по уровню доходов и благосостояния.

Понятие «бедности» всегда относительно, потому что сами «минимальные потребности» относительны и зависят от уровня развития экономики, благосостояния общества, и НТП. Круг потребностей, степень их удовлетворения, признаваемые обществом как минимально допустимые в передовых странах качественно другие, чем в отсталых странах. Да и сами границы понятия бедности подвижны, поэтому точное определение кто беден и кто богат достаточно сложно, хотя бы и по субъективным факторам [16, с. 6].

Таким образом, повышение уровня благосостояния населения есть узловная стратегическая цель социально-экономической политики и ключевой показатель ее результативности. Очевидно, что сокращение масштабов бедности является одной из основных составляющих достижения данной цели.

Бедность в Кыргызстане в постсоветский период времени стала самой острой социально-экономической проблемой. Бедность в Кыргызстане, приобретая все более застойный характер, уже стала одной из главных проблем социо-эколого-

экономической политики, неким «гордиевым узлом», в котором тесно сплетены нити социально-политических и эколого-экономических дисбалансов, рыночных преобразований и формирования предпосылок для региональной стабилизации и устойчивого развития [13, с. 136].

Бедность населения в Кыргызстане порождает много проблем в общественно-политической, социальной и эколого-экономической сферах. В общественно-политическом отношении в Кыргызстане уже произошли две «цветные революции» (в 2005 и 2010 гг.). Основная причина этих общественно-политических потрясений — бедность и нищета основного населения. Хотя социальная турбулентность населения Кыргызстана в определенной степени обусловлена и резкой имущественной дифференциацией, которая существенно превышает критические показатели.

В социальной сфере самым масштабным последствием бедности населения Кыргызстана является миграция населения, первая большая волна которой наблюдалась во второй половине 1990-х годов и на рубеже тысячелетий. А на данном этапе преобладает, конечно же, временная трудовая миграция, которая в основном направлена в сторону Российской Федерации [5, с. 143; 11, с. 58; 14, с. 80]. Денежные переводы трудовых мигрантов в Кыргызской Республике в настоящее время являясь важным источником реального обеспечения социально-экономической жизни в регионах Кыргызстана. По сути, за счет денежных переводов трудовых мигрантов и выживает основная доля бедного населения [4, с. 48; 8, с. 85]. Например, только в 2018 г. трудовые мигранты в Кыргызстан перевели около 2,1 млрд долл.

Кыргызстан регулярно входит в десятку стран, где денежные переводы от трудовых мигрантов превышают 25% от ВВП страны. Думается, что именно интересы трудовых мигрантов в существенной степени предопределили необходимость и важность вступления Кыргызской Республики в ЕАЭС в 2015 г., который был исторически верным и стратегически выверенным решением страны.

Бедность в Кыргызстане приводит к масштабным негативным эколого-экономическим последствиям. Основное аграрное население хищнически эксплуатирует природные условия и ресурсы в целях выживания, что приводит к порче и деградации природного богатства страны.

Важный стратегический социально-экономический контекст — состояние демографического потенциала страны. Киргизия демонстрирует, хотя и не так резко, как это делают соседние страны — Узбекистан и Таджикистан, положительный демографический рост. В условиях нерешенности проблем бедности основного аграрного населения демографический рост приводит к росту масштабов бедности. Горные территории Кыргызстана характеризуются суровыми природно-климатическими условиями. Следовательно, по причине утомленности людей в условиях высокогорья последствия бедности будут обостряться.

Структура населения Кыргызстана в зависимости от высоты местности и распределение числа населенных пунктов по высотности территории приведены в табл. 1.

В целом на данном этапе в Кыргызстане бедность, экономический кризис и экологическая напряженность «совпадают в пространстве и времени», плотно взаимодействуют и в их взаимодействие обладает кумулятивным эффектом, так как оно происходит в совокупности резонансных явлений.

Уровень бедности в Кыргызстане стабильно постоянно превышает приемлемые пороговые показатели в 2–3 раза. Про масштабы бедности пишут достаточно много, однако про профиль кыргызской бедности написано недостаточно. Хотя с точки зрения комплексных характеристик благосостояния населения страны и механизмов снижения уровня бедности важно знать страновую специфику и профиль бедности.

Структура населения Кыргызстана в 2018 г. в зависимости от высоты местности

Table 1. The population structure of Kyrgyzstan in 2018, depending on the height of the area

Высотные уровни м. над уровнем моря	Доля территории, %	Число населенных пунктов	Количество жителей, тыс. чел.
400–1000	5,8	704	3540,6
1001–1500	7,5	572	1351,1
1501–2000	15,1	406	949,3
2001–2500	14,1	146	325,6
2501–3000	16,1	24	84,6
3001–3500	17,8	—	—
3501–4000	16,2	—	—
4001 и более	6,8	—	—

Источник: Составлено автором на основе обобщения доступных данных Национального статистического комитета Кыргызской Республики.

В Кыргызстане в основе доминантного подхода к пониманию и преодолению бедности лежит представление о том, что бедность концентрируется вне отношений занятости. Однако, в отраслевом разрезе, в Киргизии лица, занятые в сельском хозяйстве, в сфере образования, здравоохранения, культуры, получают низкую заработную плату. То есть в стране целые профессиональные группы населения находятся в бедственном положении и возникла категория «новых бедных» — это работающие бедные (учителя, врачи, социальные работники и др.). Низкие доходы этих категорий людей связаны с низким уровнем оплаты их труда на государственных предприятиях и учреждениях, ненадежной занятостью, неплатежами заработной платы [15, с. 40].

Необходимо отметить, что около 67% населения Кыргызской Республики живут на селе, и основная доля бедных — это аграрное население. Иными словами, проблема бедности в стране скорее есть проблема сельской бедности.

Если попытаться определить самый главный профиль сельской бедности в Кыргызстане, то у бедных более многочисленные семьи. Около 56,3% семей, имеющих троих детей, являлись бедными, а 64,7% семей, имеющих четверых детей, также являлись бедными, и доля бедных семей, имеющих пятерых и более детей, составила 88,2%. Эти же показатели в сельской местности составили 57,9%, 66,7% и 86%, соответственно. Многодетность бедных семей создают предпосылки для «расширенного воспроизводства» бедности [15, с. 39].

С учетом профиля сельской бедности необходимо создать условия для бедных людей, которые способны преодолеть свою бедность. В целом, стратегия преодоления бедности в Кыргызстане должна быть направлена, во-первых, на создание предпосылок и возможностей для людей, которые активны, умеют «делать» работу и могут преодолеть свою бедность; во-вторых, концентрацию прямой поддержки там, где нищета обусловлена фактически непреодолимыми условиями и обстоятельствами жизни.

Так, нельзя не констатировать то, что бедность населения в Кыргызстане является многоплановой угрозой для социально-эколого-экономической безопасности региона и его устойчивого развития. Приоритетный характер интересов и задач по ликвидации бедности и нейтрализации ее последствий обуславливает необходимость реализации эффективных стратегий по борьбе с бедностью населения.

Одним из результативных стратегий борьбы с бедностью является микрокредитование (от англ. microcredit).

Основоположником теории микрокредитования является профессор экономики Мухаммад Юнус, который стал активно продвигать идею использования механизмов микрокредитования для снижения уровня бедности населения. В 1983 г. М. Юнус основал банк «Грамин», который активно занимался микрокредитованием бедных в Бангладеш. С 1983 г. банк «Грамин» выдал кредитов на сумму около 5 млрд долл.

С 1990-х годов прошлого столетия микрокредитование стало активно и масштабно стало распространяться по всему миру и по линии ООН 2005 г. был объявлен Международным годом микрокредитования, а Мухаммад Юнус в 2006 г. получил Нобелевскую премию мира.

Мухаммад Юнус на практике сумел показать возможности микрокредитования для снижения бедности в Бангладеш. С точки зрения М. Юнуса микрокредитование, по сути, есть революционный способ борьбы с бедностью населения. Одновременно микрокредитование выступает существенным элементом нового мышления.

Примечательно то, что механизмы микрокредитования в качестве реальной стратегии снижения бедности успешно были проведены в отдельных странах мира. Например, как сообщает академик РАН В. Л. Квинт, программа выдачи микрокредитов в отдельных регионах Болгарии привела к феноменальным результатам с точки зрения сокращения масштабов бедности и безработицы среди местного бедного населения. В Болгарии уровень безработицы на отдельных территориях страны достигал значения 80%, и только механизмы микрокредитования позволили существенно улучшить ситуацию и снизить масштабы безработицы. Аналогичный впечатляющий успех на базе использования механизмов микрокредитования был повторен и в депрессивных регионах Албании¹. Академик В. Л. Квинт справедливо выделяет следующие позитивные аспекты микрокредитования.

Во-первых, на фоне долгосрочной малоэффективности государственных программ раздачи прямой помощи бедным механизмы микрокредитования результативны в деле стимулирования локального микропредпринимательства. В таких странах, как Уругвай, Бразилия и Китай микрокредит в размере от 500 до 2000 долл. смог послужить реальной базой для эффективно функционирующих в экономическом отношении парикмахерских салонов, фотоателье и тепличных хозяйств².

Во-вторых, программы микрокредитования были эффективны даже в коррумпированных странах, поскольку принцип адресности и прозрачности деловых отношений в локальном микрокредитовании сделал «недостижимым» сферу микрокредитования для коррупционных мотивов и интересов. Это очень актуально и перспективно для современного Кыргызстана потому, что тотальная коррупция и органично связанная с ней теневая экономика, масштабы которой до 40% к ВВП страны, сдерживает предпринимательскую активность субъектов.

Наконец, в программах микрокредитования, как правило, в экономическом контексте более успешны и результативны женщины³. Этот аспект очень важен и для Кыргызстана, поскольку в республике безработица более распространена среди женского населения. Наблюдается также скрытая дискриминация женщин при трудоустройстве, в оплате труда женщин, что в совокупности порождает гендерное неравенство, которое может быть преодолено на базе использования программ микрокредитования. Как показал опыт отдельных стран, одинокие женщины и

¹ Квинт В. Миф о транжире // Огонек. 2007. № 48. 02.12.2007. С. 1.

² Устименко И. Известный российский ученый и экономист Владимир Квинт прочитал лекцию для студентов ПГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://novostipmr.com/2011/11/0/176-11-11> (дата обращения: 17.09.2019).

³ We Forgive You [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fotbes.com/global/2003/0721/034> (дата обращения: 16.09.2019).

матери-одиночки, получив небольшие беспроцентные кредиты от 500 до 4000 долл. на период от 6 до 24 месяцев, успешно смогли создать свои успешные малые предприятия и своевременно вернуть кредиты. Думается, что женщины Киргизии, которые показали свою успешность в период стихийной челночной торговли 1990-х годов, скорее будут результативными и в микропредпринимательстве, реализуемом на базе программ микрокредитования.

По наблюдениям автора статьи, в настоящее время финансово-экономическая ситуация, наблюдаемая в Кыргызстане, в чем-то схожа с ситуацией в бедной Бангладеш во второй половине прошлого столетия. М. Юнус, давая общую характеристику банковской политике, был поражен тем, что в Бангладеш коммерческие банки практически не выдавали кредитов бедным, а выдавали кредиты только состоятельным субъектам. Аналогичная ситуация в настоящее время наблюдается и в Киргизии, поскольку кредитные ресурсы коммерческих банков фактически не доступны для бедных слоев населения. Более того, существует дополнительные барьеры. Например, для получения кредитных ресурсов для малого бизнеса субъекты должны вносить залог, что затрудняет получение кредитов.

Все еще сохраняется существенный разрыв между процентными ставками по депозитам и кредитам коммерческих банков, который достигает 10–15 п.п., что может быть связано со следующими причинами: во-первых, необходимостью покрытия затрат, вызванных привлечением срочных депозитов от населения по явно завышенным процентным ставкам; во-вторых, коммерческие банки пытаются оградить себя от потенциально неплатежеспособных заемщиков, путем повышения кредитных ставок.

Автор полагает, что наиболее результативной стратегией действия здесь может выступить государственная финансовая поддержка при кредитовании субъектов малого бизнеса, а также частных предпринимателей. Все дело в том, что как показывает мировая экономическая практика, эффективность государственной финансовой поддержки при кредитовании субъектов малого предпринимательства должна осуществляться через механизм субсидирования процентных ставок по банковским кредитам, который является наиболее приемлемым и результативным по сравнению с прямыми государственными выплатами.

В целом, в своем развитии банковская система Кыргызской Республики прошла лишь короткий путь своего становления [10, с. 73]. В силу этого активы банков в соответствии с международными стандартами должны быть на уровне 60–80% от уровня ВВП страны, то в Кыргызстане они составляют в пределах 24–25%.

В настоящее время в стране достаточно устойчиво развиваются кредитные союзы. В Кыргызстане около 15% всех кредитов, выданных микрофинансовым сектором страны, приходится на долю кредитных союзов, количество которых в республике составляет 559. Хотя доля эта мала, но тем не менее данное кредитное движение имеет давнюю экономическую историю (табл. 2).

Так, в Кыргызстане отношения по микрокредитованию стали активно и масштабно развиваться с 2000-х годов. В частности, Закон Кыргызской Республики № 117 «О кредитных союзах» был принят 28 октября 1999 г. А Закон Кыргызской Республики № 124 «О микрофинансовых организациях в Кыргызской Республике» был принят 23 июля 2002 г. С тех пор данная сфера кредитно-финансовых отношений стала поступательно развиваться и уже в 2018 г. в микрокредитные компании обратились 481 тыс. чел., т.е. 12% взрослого населения республики.

Доступность микрокредитов в микрофинансовых организациях удобна для сельских жителей. В силу этого, например, в 2018 г. микрокредиты больше всего брали на сельское хозяйство (30,64%), потребительские нужды (24,88%), а также на развитие торговли и общественного питания (13,67%).

Этапы развития кредитного движения в Кыргызской Республике
 Table 2. Stages of credit movement in the Kyrgyz Republic

Этап	Содержание этапа
I этап (с 1803 по 1908 гг.)	Появились первые кредитные кооперативы (союзы) в Туркестане (в составе России). Происходит усиление роли Государственного банка в регулировании деятельности кредитных кооперативных организаций. Развиваются местные банковские группы, создаются институты саморегулируемых организаций как орган саморегулирования и финансового взаимодействия
II этап (1908–1917 гг.)	Происходят процессы слияния (преобразования) в кооперативные банки как механизм привлечения средств населения и инвестирования для развития экономики. Расширяется сфера услуг для своих членов (сберегательная, залоговая, кредитная)
III этап (с 1917 по 1940 гг.)	Этап национализации кредитных ресурсов в руках государства, снижение роли кредитных кооперативов в кредитовании населения
IV этап (с 1940-х до начала 1990-х годов)	Деятельность кредитных кооперативов полностью приостановлена. Утерян опыт работы. В Кыргызской Республике (в составе СССР) усилиями работающих промышленных предприятий стали организовываться «кассы взаимопомощи»
V этап (с начала 1990-х годов по настоящее время)	Этап возрождения кредитных союзов в Кыргызстане в условиях проводимой аграрно-земельной реформы и частной собственности на землю. Усиление роли государства в кредитовании кредитных союзов. Принятие нового закона о кредитных союзах, предоставившего социальные, налоговые льготы. Внедрение пилотных проектов и появление первых кредитных союзов. Усиление государственного регулирования и внедрение банковского надзора и контроля за деятельностью кредитных союзов. Создание ассоциаций кредитных союзов как органа саморегулирования их деятельности. Предусматривается расширение спектра современных финансовых услуг, оказываемых кредитными союзами, привлечение новых категорий участников кредитных союзов

Источник: Кульматова Р. У. Объединение кыргызских кредитных союзов — закономерность развития кредитного движения // Наука и новые технологии. 2004. № 3. С. 21.

Однако и в сфере микрокредитных отношений кыргызстанский бизнес показал свою специфику. Все дело в том, что две крупные микрофинансовые компании «Компаньон» и «Финка», которые вместе обслуживали более 200 тысяч клиентов, — трансформировались в коммерческие банки. Но с учетом того, что у банковских учреждений более жесткие требования к клиентам, часть клиентов у этих банков ушла в другие микрофинансовые компании.

По состоянию на 19 августа 2019 г. в Реестре микрокредитных компаний Кыргызстана было зарегистрировано 103 микрокредитных компаний. В целом, в Кыргызстане ежегодный прирост охвата микрокредитованием составляет 20%, что неплохой показатель. Средние ставки микрокредитных компаний в 2018 г. составили 30–35%, что значительно выше, чем у коммерческих банков. Следовательно, доступность микрокредитов на данном этапе играет существенную роль, ибо,

несмотря на сравнительно высокие ставки микрокредитных компаний, наблюдается устойчивое развитие микрокредитных отношений.

Таким образом, в Кыргызстане микрокредитование, в целом, стало важным инструментом экономической политики, социально-экономическое значение которого усиливается. Однако на данном этапе актуально решить две основные проблемы. Первая проблема — это отсутствие кредитования банками Кыргызской Республики микрофинансовых организаций. Вторая проблема — это необходимость ликвидации в банковской сфере требования залогового обеспечения.

Так, необходимо краткое «историко-экономическое отступление», чтобы понять специфику стартовых условий Кыргызстана на пути его рыночного развития по шоковому сценарию. Это важно потому, что именно Кыргызстан получил мощный «социально-экономический нокаут» в первые десять лет своего рыночного постсоветского развития и, по сути, до сих пор не может выйти на устойчивую траекторию успешного развития (табл. 3).

Таблица 3

Объем внутреннего валового продукта в странах СНГ

Table 3. The volume of gross domestic product in the CIS countries

Объем ВВП в млрд долл.				Объем ВВП на душу населения, в долл.		
Страны	1990 г.	2001 г.	2001 г. к 1991 г. (меньше в разах)	1990 г.	2001 г.	2001 г. к 1990 г. (меньше в разах)
Россия	992,18	294,172	3,37	6685,47	2010,66	3,32
Узбекистан	57,857	16,755	3,45	2727,66	669,92	4,07
Казахстан	30,014	18,173	1,65	1767,58	1065,5	1,66
Кыргызстан	14,66	1,416	10,35	3280,67	294,14	11,15

Источник: Турдиев Т. И. Факторы социальной и эколого-экономической устойчивости Кыргызстана : монография. М. : МАКС Пресс, 2013. С. 87.

Поспешность в деле перехода к рынку «сбила с толку кыргызских управленцев» и способствовала процессам уничтожения производственного потенциала Киргизии. Например, невероятно быстро была разрушено колхозно-совхозная система Киргизии.

На фоне бурных процессов первоначального накопления капиталов в Кыргызстане, понятное дело, возрастал и удельный вес теневой экономики, которая органично связана с коррупцией и постоянно сопровождает ее.

В силу вышеприведенных аспектов на данном этапе важной институциональной особенностью переходного периода Кыргызстана является то, что наблюдается распространение в киргизском обществе сверхкоротких жизненных проектов, которые выражаются в прогнозировании людьми своих социально-экономических перспектив на непродолжительный временный период [1, с. 20].

Иными словами, в Кыргызстане «в пространстве и во времени» совпадают такие неблагоприятные процессы как «утечка умов», «утечка мускулов» и утечка капиталов, что предопределяет необходимость реализации инновационных стратегий по противодействию вышеуказанным негативным процессам.

На фоне вышеуказанной специфики важны энергичные комплексные меры развития предпринимательства и улучшения бизнес-условий для повышения уровня и качества жизни населения.

В этом смысле, думается, полезно на комплексной основе использовать и другие идеи М. Юнуса, в частности, его идеи развития социального бизнеса в контексте повышения благосостояния населения.

Идея социального бизнеса в интерпретации Мухаммада Юнуса интересна. Он пишет, что «...нам нужен новый вид бизнеса, который преследует иные цели, нежели получение прибыли, — бизнес, полностью ориентированный на решение социальных и экологических задач» [17, с. 36].

Так, основополагающая цель социального бизнеса заключается в создании социальных благ для тех, ради кого этот бизнес осуществляет свою деятельность. Компании социального бизнеса могут иметь прибыль, поскольку этот вид бизнеса должен быть самоокупаемым. Социальный бизнес реально становится привычной частью современного бизнес-ландшафта. В целом, главными принципиальными особенностями социального бизнеса являются следующие.

Во-первых, социальный бизнес самоокупаемый; созданный однажды, он дальше способен самостоятельно развиваться. Во-вторых, инвесторы, которые вкладывают свои средства в социальный бизнес, возвращают себе свои средства. При этом они могут реинвестировать возвращенные деньги в другой социальный бизнес.

Так, если первый вид социального бизнеса преследует цель создания общественных благ, то второй вид бизнеса ориентирован на получение прибыли, поскольку здесь владельцами компаний выступают бедные люди. Первый вид социального бизнеса призван обеспечить снижение уровня бедности и нищеты, социальную справедливость, доступность медицинских услуг. Полезность второго вида социального бизнеса заключается в том, что в результате роста дивидендов малоимущие владельцы предприятий избавляются от бедности. Считается, что первый вид социального бизнеса, помимо прочего, приносит эмоциональное и духовно-нравственное удовлетворение субъектам, которые вовлечены в такую деятельность.

Для Кыргызской Республики одинаково полезны оба вида социального бизнеса, поскольку уровень бедности в стране превышает в разы приемлемые показатели бедности населения. В условиях, когда в стране формируется бизнес-среда на основе рыночной идеологии хозяйствования, на первых порах более востребованным будет второй вид социального бизнеса. Это обусловлено главным образом тем, что этот вид бизнеса более ориентирован на рыночные механизмы деятельности на базе использования современного менеджмента и маркетинга.

По мере становления предпринимательской среды возникнет общественная потребность в развитии первого вида социального бизнеса, ориентированного на общественные блага, с точки зрения «готовности» бизнес-сообщества к такой общественно полезной деятельности. Ведь объективная необходимость развития такого бизнеса в регионах страны существует давно.

Автор считает важным то, что включенность бедных слоев населения через второй вид социального бизнеса к рыночным процессам способствует повышению экономической грамотности небогатых людей, стимулирует их предприимчивость и чувство хозяина. Здесь просто увеличивается охват населения рыночным мышлением, что хорошо на фоне перехода к рынку. Хотя самый значимый результат будет связан со снижением уровня бедности населения в Кыргызстане.

Первый вид социального бизнеса также имеет существенный потенциал, поскольку в товарном обществе, по сути, есть только два вида мотивации: ориентация на выгоду и ориентация на традиции. Например, по частному наблюдению автора, в Кыргызстане часть субъектов изначально ориентированы на традиционную деятельность, преемственность, сохранение уклада. Для них на первом месте не рыночная выгода, а сохранение отцовского ремесла, семейного дела и так далее. Для последних более подходит первый вид социального бизнеса.

Дополнительным фактором, выступающим как определенный социальный стимул в контексте развития первого вида социального бизнеса в Кыргызстане, является менталитет постсоветского человека, который испытывает некоторый психологический дискомфорт от своей рыночной успешности и стремится реализовать нечто, что полезно для местного сообщества. Для этого как раз таки подходит первый вид социального бизнеса, ориентированного на общественные блага.

В настоящее время в Кыргызской Республике развитие предпринимательства сдерживается рядом факторов институционального характера [2, с. 1005]. Однако на данном этапе предпринимательская среда в Кыргызстане формируется преимущественно стихийно и при этом государство в процессе регулирования рыночных процессов акцентирует свое внимание к тактическим и рутинным решениям в отношении регулирования бизнес-процессов. Однако именно такой подход, без выработки стратегических приоритетов, априори не может обеспечить стратегический успех [9, с. 16]. Поэтому в Кыргызстане на базе планомерности и стратегических подходов необходимо комплексно стимулировать развитие предпринимательства как предпосылки обеспечения социального благополучия и роста благосостояния населения.

Литература

1. Алимова Г.Б. Предпринимательство как фактор социального благополучия в Кыргызской Республике // Социальные технологии, исследования. 2017. № 6. С. 15–24.
2. Алимова Г.Б. Региональные особенности формирования среды предпринимательства в Киргизии: историко-экономический анализ // Региональная экономика: теория и практика. 2017. № 6. С. 1002–1015.
3. Боконбаев К.Дж. Глобальные изменения: новые вызовы и угрозы Центральной Азии // Известия Омского технологического университета. 2008. № 1. С. 17–25.
4. Власова Н., Топилин А. Миграция и углубление процессов интеграции в содружестве независимых государств // Международная миграция населения на постсоветском пространстве в эпоху глобализации / гл. ред. серии В. А. Ионцев. М. : Изд-во Московского университета, 2012. С. 46–52.
5. Воронова К.П. Современные тенденции трудовой миграции в России // Социальная политика и социология. 2010. № 1. С. 139–148.
6. Гаврилов В.П., Ивановский С.И. Общество и природная среда. М. : Наука. 2006. 212 с.
7. Жуков В.И., Локосов В.В., Осипов Г.В. Социология трансформаций России в меняющемся мире. М. : ИСПИ РАН, 2005.
8. Исмаилахунова А.М. Денежные переводы и трудовая миграция в условиях трансформационной экономики // Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. 2014. № 8. Т. 14. С. 84–88.
9. Квинт В.Л. Поиск и исследование философских корней теории стратегии. Взаимосвязь философского и стратегического мышления // Управленческое консультирование. 2016. № 1. С. 15–21.
10. Кульматова Р.У. Микрофинансирование в странах с переходной экономикой: опыт и практика деятельности кредитных союзов в Кыргызской Республике // Финансы и кредит. 2008. № 33. С. 69–76.
11. Кумсков Г.В. Тенденции динамики денежных переводов трудовых мигрантов // Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. 2012. № 4. Т. 12. С. 55–59.
12. Порфирьев Б.Н. Экономика климатических изменений. М. : Анкил, 2008.
13. Соколов В., Сарыгулов А. Современная Киргизия: многовекторность или безвекторность развития? // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 139–149.
14. Степаков С. Проблемы развития трудовой миграции в Российской Федерации и возможные пути их решения // Международная миграция населения на постсоветском пространстве в эпоху глобализации / гл. ред. серии В.А. Ионцев. М. : Изд-во Московского университета, 2012. С. 77–87.
15. Турдиев Т.И. Ликвидация бедности как решающая предпосылка стратегической безопасности Кыргызстана // Общество и экономика. 2018. № 10. С. 36–47.

16. Турдиев Т.И. Факторы социальной и эколого-экономической устойчивости Кыргызстана : монография. М. : МАКС-Пресс, 2013.
17. Юнус М. Создавая мир без бедности: Социальный бизнес и будущее капитализма / Мухаммад Юнус, Алан Жоли. М. : Альпина Паблшерз, 2010.

Об авторе:

Турдиев Талаай Исраилович, доцент кафедры экономики и менеджмента филиала Российского государственного социального университета в г. Ош (Ош, Кыргызская Республика), кандидат экономических наук, доцент; talaai@mail.ru

References

1. Alimova G. B. Entrepreneurship as a factor of social well-being in the Kyrgyz Republic // Social Technologies, Research [Sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya]. 2017. No. 6. P. 15–24. (In rus.)
2. Alimova G. B. Regional features of the formation of the business environment in Kyrgyzstan: historical and economic analysis // Regional economy: theory and practice [Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika]. 2017. No. 6. P. 1002–1015. (In rus.)
3. Bokonbaev K. D. Global charges: new challenges and threats on Central Asia // News of Osh Technological University [Izvestiya Oshskogo tekhnologicheskogo universiteta]. 2008. No. 1. P. 17–25. (In rus.)
4. Vlasova N., Topilin A. Migration and deepening of integration processes in the Commonwealth of Independent States // International migration of the population in the post-Soviet space in the era of globalization / B. A. Iontsev — Editor in Chief of the series. M. : Moscow State University Publ., 2012. P. 46–52. (In rus.)
5. Voronova K. P. Current trends in labor migration in Russia // Social Policy and Sociology [Sotsial'naya politika i sotsiologiya]. 2010. No. 1. P. 139–148. (In rus.)
6. Gavrilov V. P., Ivanovskiy S. I. Society and natural environment. M. : Science. 2006.
7. Zhukov V. I., Lokosov V. V., Osipov G. V. Sociology of Russia's Transformations in a Changing World. M. : ISPI RAN Publ., 2005. (In rus.)
8. Ismailakhunova A. M. Remittances and labor migration in a transformational economy // Bulletin of scientific works of the KRSU [Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo Universiteta]. 2014. No. 8. Vol. 14. P. 84–88. (In rus.)
9. Kvint V. L. Search and research of philosophical roots of the theory of strategy. The relationship of philosophical and strategic thinking // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2016. No. 1. P. 15–21. (In rus.)
10. Kulmatova R. U. Microcredit in countries with economies in transition: experience and practice of credit unions in the Kyrgyz Republic // Finance and Credit [Finansy i kredit]. 2008. No. 33. P. 69–76. (In rus.)
11. Kumskov G. V. Trends in the dynamics of remittances of labor migrants // Bulletin of scientific works of the KRSU [Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo Universiteta]. 2012. No. 4. Vol. 12. P. 55–59. (In rus.)
12. Porfiriev B. N. Economics of climate change. Moscow : Ankil Publ., 2008. 168 p. (In rus.)
13. Sokolov V., Sarigulov A. Modern Kyrgyzstan: multiple view or none-vectoring of development? // Questions of economics [Voprosy ekonomiki]. 2010. No. 2. P. 139–149. (In rus.)
14. Stepanov S. Problems of development of labor migration in the Russian Federation and possible ways of their solution // International migration of the population in the post-Soviet space in the era of globalization / B. A. Iontsev — Editor in Chief of the series. M. : Moscow State University Publ., 2012. P. 77–87. (In rus.)
15. Turdiev T. I. Poverty eradication as a crucial prerequisite for Kyrgyzstan's strategic security // Society and Economics [Obshchestvo i ekonomika]. 2018. No. 10. P. 36–47. (In rus.)
16. Turdiev T. I. The factors of social, ecological and economic stability of Kyrgyzstan : monograph. M. : MAKS-Press Publ., 2013. (In rus.)
17. Yunus M. Creating a world without poverty: Social business and the future of capitalism / Muhammad Yunus, Alan Joly. M. : Alpina Publishers, 2010. (In rus.)

About the author:

Talaai I. Turdiyev, Associate Professor of the Department of Economics and Management of the branch of the Russian State Social University in Osh (Osh, Kyrgyz Republic), PhD in Economics, Associate Professor; talaai@mail.ru

О развитии активности граждан в решении вопросов местного значения в муниципальных образованиях Калининградской области

Пехова Л. С., Гафарова Д. А.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Западный филиал), г. Калининград, Российская Федерация; *dianagafarova@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье описана практика муниципальных образований Калининградской области по привлечению граждан к совместному решению вопросов местного значения. Авторами сделаны выводы, что существующие практики гражданского участия в условиях цифрового технологического развития нуждаются в расширении, основанном на внедрении цифровых технологий, новых подходов к коммуникациям с гражданами, в том числе занятыми управленческой и предпринимательской деятельностью на территории проживания. Имеющийся портал «Активный гражданин/Калининградская область» при соответствующей его доработке может стать тем ресурсом, который позволит реализовывать такие механизмы вовлечения граждан в решение вопросов местного значения как инициативное бюджетирование, краудсорсинг, таргетированные опросы, публичные слушания; даст возможность гражданам предлагать собственные инициативные решения проблем в жизни местного сообщества.

Ключевые слова: муниципальное образование, органы местного самоуправления, местное сообщество, гражданское участие, цифровизация, инициативное бюджетирование, краудсорсинг, Калининградская область

Для цитирования: Пехова Л. С., Гафарова Д. А. О развитии активности граждан в решении вопросов местного значения в муниципальных образованиях Калининградской области // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 108–115.

On the Development of Citizens' Activity in Solving Local Issues in the Municipalities of the Kaliningrad Region

Lyudmila S. Pehova, Diana A. Gafarova*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Western Branch), Kaliningrad, Russian Federation; *dianagafarova@gmail.com

ABSTRACT

The practice of municipalities of the Kaliningrad region of citizen involvement into the joint solution of local issues is described in the article. The authors concluded that existing practices of civil participation need to be expanded in the conditions of digital technological development. Changes should be based on the introduction of digital technologies, new approaches to communication with citizens, including those who are engaged in management and business activities in the area of residence. The "Active Citizen / Kaliningrad Oblast" portal with its corresponding refinement can become the resource that will allow implementing modern mechanisms for involving citizens in solving local issues. Among these mechanisms are participatory budgeting, crowdsourcing, targeted opinion polls and public discussions. The portal can also enable citizens to offer their own initiative solutions of problems in the life of the local community.

Keywords: municipality, local governments, local community, civil participation, digitalization, proactive budgeting, crowdsourcing, Kaliningrad region

For citing: Pehova L. S., Gafarova D. A. On the Development of Citizens' Activity in Solving Local Issues in the Municipalities of the Kaliningrad Region // Administrative consulting. 2020. No. 4. P. 108–115.

Калининградская область, благодаря своему геополитическому положению и значительному социально-экономическому росту, продемонстрированному в течение последних лет, является одним из российских регионов — центров притяжения человеческих ресурсов. В рейтинге регионов по качеству жизни по итогам 2017 г. и 2018 г. область находится на 10-м месте, поднявшись с 16-го места в рейтинге 2015 г.¹ За 2018 г. миграционный прирост населения составил 9467 человек, а общая численность населения региона достигла 1002,2 тыс. человек.

Одной из задач, стоящих в настоящее время как перед региональными органами власти, так и перед органами местного самоуправления всех двадцати двух муниципальных образований Калининградской области, является развитие механизмов привлечения граждан к совместному решению вопросов территориального значения, повышение уровня гражданской культуры, социальной активности граждан, трансформация поведения жителей, в том числе занятых управленческой и предпринимательской деятельностью на территории проживания, от позиции пассивных получателей общественных благ к позиции производителей благ для местного сообщества.

Актуальность участия граждан в решении вопросов местного значения не вызывает сомнения. Так, на заседании Совета по развитию местного самоуправления, прошедшем в Кирове в 2017 г., Владимир Путин отметил, что «в обществе появляется все больше инициативных граждан, становится больше добровольческих инициатив на местном уровне» и предложил проанализировать «как строится работа органов местного самоуправления по активному привлечению граждан в решение проблем городов и сел, насколько полно учитываются мнения людей, их инициативы и предложения»². Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» устанавливает право населения решать вопросы местного значения, а также определяет основные формы взаимодействия граждан и органов местного самоуправления при решении вопросов местного значения.

Муниципальные образования (МО) Калининградской области реализуют в соответствии с 131-ФЗ большинство законодательно закрепленных практик гражданского участия. Действуют системы ответов на обращения граждан, которые могут сообщить о своих предложениях устно, в письменной форме, в форме электронного документа через сайты органов местного самоуправления, проводятся публичные слушания, опросы граждан и др. При Администрациях муниципальных образований действуют Общественные советы. Результат участия граждан в решении вопросов местного значения носит рекомендательный характер для органов местного самоуправления, однако от полученных результатов взаимодействия администрации МО и граждан зависит дальнейшее развитие гражданской активности.

В число муниципальных образований, достаточно активно привлекающих граждан к решению вопросов местного значения, можно отнести МО Городской округ «Город Калининград» (численность населения 459 тыс. чел.), МО «Гвардейский городской округ» (население 29 тыс. чел.), МО «Светлогорский городской округ»

¹ Рейтинг регионов составляется РИА Рейтинг по данным Росстата, Минздрава, Минфина, Центробанка и других открытых источников (http://riarating.ru/industry_newsletters/20190315/630119735.html). Рейтинг построен на основе комплексного учета показателей, фиксирующих состояние различных аспектов условий жизни и ситуации в социально-экономической сфере, и объединенных в 11 групп: уровень доходов населения, занятость населения и рынок труда, жилищные условия населения, безопасность проживания, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, здоровье населения и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса, освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры.

² <https://www.kirovreg.ru/news/detail.php?ID=82142>.

(население 12,5 тыс. чел.) и др. Так, например, в МО «Светлогорский городской округ» активно используется проведение общественных обсуждений проектов создания комфортной городской среды. Прием предложений от населения по мероприятиям, которые целесообразно реализовать на территории муниципального образования проводится путем приема Администрацией МО предложений в бумажной и электронной формах, проведения анкетирования (например, в анкетировании граждан об их предложениях, которые необходимо реализовать на лесопарковой территории города приняло участие 660 чел., что составляет 5,3% населения МО), опросов, общественных обсуждений проекта.

Аналогичная процедура общественного обсуждения мероприятий, которые целесообразно реализовать на общественной территории при реализации проектов создания комфортной городской среды, проводится Администрацией МО «Гвардейский городской округ», число принявших участие в голосовании составляет около 260 человек (0,9% населения). По другим вопросам местного значения число участников опросов составляет от 3 до 220 чел. В МО «Гвардейский городской округ» разработана «Народная стратегия 2028». В разработку стратегии было вовлечено 17 представителей местного бизнес-сообщества, 20 представителей Общественного совета, проводились общественные обсуждения, были обработаны 3402 анкеты и 72 личных обращения граждан.

Социально-активные граждане создают группы в социальных сетях (примерами являются группа «Königsberg/Калининград», число подписчиков которой составляет 31 865 чел. (6,9% числа жителей МО), «Светлогорск.ru» (1841 подписчик), «Подслушано Гвардейск» (1473 подписчика) и др.), где регулярно публикуют информацию о проблемах в жизни муниципального образования и региона. Однако, несмотря на активность участников групп, обсуждение идет на уровне мнений и критики, без предложения идей и конкретных инициатив, в реализации которых жители муниципального образования готовы участвовать лично. В настоящее время во всех группах, по авторской оценке, отсутствует понимание собственной ответственности за происходящее в местном сообществе.

В Калининградской области получил распространение опыт картографирования проблем муниципального образования. Так, на ресурсе [Светлогорск#картафиксгоо.гл/](https://свeтлогорск.ру/картафиксгоо.гл/) SY65D4 расположена карта, которая позволяет активным горожанам поделиться информацией о существующих на территории МО проблемах, а представителям органов местного самоуправления получить актуальную информацию и решить проблему в короткие сроки.

С начала 2018 г. в Калининградской области реализуется практика вовлечения граждан в процессы принятия решений органами государственной власти и местного самоуправления по широкому кругу общегородских и поселковых вопросов в виде голосования, опросов, реализации общественного контроля на портале «Активный гражданин / Калининградская область». На портале, в частности, проводится голосование за проекты, связанные с улучшением условий жизнедеятельности муниципальных образований, в том числе планирования, обустройства и развития городской среды [8, с. 294]. Однако в условиях реорганизации Министерства по муниципальному развитию и внутренней политике Калининградской области, ранее курировавшего портал, последнее голосование датируется концом 2018 г., а число голосов за проекты варьируется от 31 (МО «Ладушкинский городской округ» до 3446 (МО «Гвардейский городской округ»).

Голосование на портале связано с реализуемой на территории Калининградской области с 2011 г. «Программой конкретных дел» (ПКД). Ежегодно правительством Калининградской области выделяются средства на поддержку муниципальных программ благоустройства (программ «конкретных дел»). Особенностью программы является формирование перечня реализуемых в МО Калининградской области

с численностью населения менее 80 тыс. человек мероприятий с учетом результатов обсуждения с жителями населенных пунктов. Голосование по другим вопросам местного значения на портале до сих пор не проводилось.

Большинство экспертов, оценивающих уровень вовлечения населения в решение вопросов местного значения, отмечают, что население муниципальных образований является в настоящее время только потенциальным субъектом общественных изменений, преимущественно демонстрирует стратегию пассивного поведения, изжившиеся настроения и слабо информировано о своих правах и возможностях участия в диалоге с органами местного самоуправления [1, с. 63]. При этом уровень вовлечения населения в решение вопросов территориального значения существенно различается между крупными городскими и сельскими поселениями.

В небольших муниципальных образованиях или сельских поселениях традиционные технологии привлечения граждан к обсуждению и решению проблем местного сообщества (публичные слушания, собрания, опросы граждан и обращения в органы местного самоуправления) дают больший результат как в силу простоты охвата значительной части населения, так и в силу развитости у жителей территориальной идентичности, признания жителями своей принадлежности к территории, развитости системы социально-экономических, культурных отношений в местном сообществе, системы личных коммуникаций, четкого представления администрации о потенциале местного сообщества.

Вовлечение жителей средних и крупных городских поселений в решение вопросов территориального значения осложняется разобщенностью местного сообщества. Здесь необходимы другие способы коммуникации, позволяющие проинформировать граждан о возможности участия в решении вопросов территориального значения и вовлечь во взаимодействие друг с другом и властью муниципального образования для решения вопросов территориального значения.

Примером успешного вовлечения жителей мегаполиса в решение территориальных проблем является реализация проекта «Активный гражданин / Москва». Созданный в 2014 г. по инициативе мэрии Москвы интернет портал из площадки для проведения голосований через интернет превратился в масштабный проект, в котором объединены возможности проведения таргетированных опросов (на портале зарегистрировано свыше 2 млн пользователей, в среднем в масштабных опросах участвуют 120–180 тыс. чел., что составляет 1–1,5% населения Москвы¹), возможность проводить публичные слушания по тому или иному вопросу, сервис «Электронный дом», позволяющий жителям любого многоквартирного дома организовать площадку для обсуждения общедомовых вопросов. С 2014 по 2018 г. на портале было проведено свыше 3600 голосований, по итогам которых реализовано более 1900 решений по благоустройству парковых зон, городских дворов, выбора дизайна станций метро, выбору графика работы центров «Мои документы», утверждению стандартов работы детсадов, городских поликлиник, библиотек и др., отчеты о которых также публикуются на портале.

Несмотря на подобные примеры, социологические исследования, проведенные в средних и крупных муниципальных образованиях — г. Екатеринбург [1; 5], Республике Марий Эл [4], Мурманской области [7] и др. — демонстрируют, что степень заинтересованности граждан в участии в решении вопросов местного значения остается на низком уровне. Данная проблема характерна и для муниципальных образований Калининградской области. Вовлечение граждан в решение вопросов местного значения в большинстве МО Калининградской области не носит массового характера.

¹ Для сравнения стандартная выборка для проведения репрезентативного социологического исследования о мнении населения Москвы составляет 384 чел. (ошибка исследования 5%).

Руководители и заместители руководителей администраций муниципальных образований Калининградской области в ходе стратегической сессии в рамках обучения по программе повышения квалификации «Привлечение населения к решению вопросов местного значения», проведенной в феврале 2018 г. Региональным центром «Высшая школа государственного управления» Западного филиала РАНХиГС [6, с. 130], подтвердили низкую активность граждан в решении вопросов местного значения. Ими было отмечено, что существующее взаимодействие между представителями гражданского общества и органами местного самоуправления (ОМСУ) в муниципальных образованиях Калининградской области малоэффективно и зачастую носит формальный характер, практически отсутствуют примеры реализации совместных социально-значимых проектов.

Низкая активность граждан в решении вопросов местного значения в муниципальных образованиях Калининградской области, по мнению представителей администраций МО, обусловлена часто формальным подходом к разработке стратегии развития территории, отсутствием у органов местного самоуправления финансовых ресурсов для поддержки проектов граждан, отсутствием или неразвитостью традиционных (радиоточки, газеты) средств информирования, формальным подходом к формированию Общественных советов, отсутствием информации о гражданских инициативах в других муниципальных образованиях.

Представители муниципалитетов также отметили низкий уровень подготовки общественных лидеров, отсутствие у субъектов гражданского общества навыка реализации проектного подхода и культуры дискуссии, низкую информированность граждан о своих правах, обязанностях и социальной жизни муниципального образования, слабую обратную связь между представителями гражданского общества и ОМСУ [6, с. 131].

Одним из выводов исследований, проведенных в 2011 и 2014 гг. Агентством регионального экономического развития совместно с Правительством Калининградской области, также стала констатация слабой заинтересованности администраций ОМСУ в установлении партнерских отношений с инвесторами и работающими на их территории предпринимателями [3, с. 66]. Регистрация учредителей предприятий по месту фактического расположения предприятий позволяет обеспечить поступление доходов в бюджет муниципального образования от налога на доходы и дивиденды, реализовать проекты развития территории муниципального образования, а их включение в Общественный совет даст новые возможности для территориального развития.

Участие граждан в решении вопросов местного значения в современных условиях предполагает как ориентацию на максимальный охват населения, так и развитие форм и информационных поводов для публичного обсуждения. Как отмечают исследователи вопроса вовлечения граждан в решение проблем местного значения, в условиях цифровизации общества и активного развития информационно-коммуникационных технологий выстроить конструктивное системное взаимодействие ОМСУ с гражданами и другими стейхолдерами (мелким и средним бизнесом, корпорациями) только с применением инструментария, установленного 131 ФЗ, невозможно [2, с. 24].

Реализация национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» предполагает внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сфере государственного и муниципального управления. Использование новых электронных платформ и цифровых технологий создает предпосылки более эффективного взаимодействия между государственными и муниципальными органами управления, бизнесом и обществом.

В условиях нарастающих глобальных вызовов цифрового технологического развития краудсорсинг становится востребованной технологией для привлечения

населения к решению вопросов местного значения. Из трех составляющих краудсорсинга: краудкриэйшн (поиск и формирование идеи, решения), краудвотинг (выявление общественного мнения по поводу идеи, решения — опросы, оценивание), краудфандинг (объединение на добровольной основе ресурсов для реализации выбранного проекта) в Муниципальных образованиях Калининградской области наиболее распространен опыт голосования за проекты и мероприятия. Создание на базе портала «Активный гражданин / Калининградская область» краудфандинговой платформы, позволяющей аккумулировать средства, получаемые на софинансирование реализуемых проектов от отдельных граждан, может стать следующим этапом активизации гражданского участия в решении проблем местного значения.

Перед ОМСУ и региональными органами власти стоит задача изменения поведения жителей, трансформация из потенциального субъекта общественных изменений в производителей продукта местного сообщества. Таким продуктом может стать обоснованная идея социальной инициативы или социальной проект, в которых инициатор готов принять непосредственное участие. Для этого требуется создание специализированного информационного ресурса, посредством которого жители МО могут формулировать собственные инициативы решения проблем в жизни их муниципального образования, находить единомышленников, готовых поддержать инициативу личным участием, финансово или материально. Создание подобного регионального информационного ресурса также позволит решить проблему отсутствия информации о гражданских инициативах в других муниципальных образованиях.

Инициативное (партиципативное) бюджетирование может стать перспективной технологией развития активности граждан в решении вопросов местного значения в муниципальных образованиях Калининградской области, перспективным поводом для диалога власти, жителей, представителей местного бизнес-сообщества. Реализация технологии инициативного бюджетирования позволит обеспечить финансирование проектов даже при условии отсутствия у органов местного самоуправления значительных финансовых ресурсов для поддержки проектов граждан.

Вовлечение предпринимателей как части гражданского общества в решение вопросов местного значения также имеет серьезное значение. Предприниматели могут входить в группу поддержки местного развития, участвующую в процессе разработки стратегии МО, отборе проектов для софинансирования, в мониторинге их выполнения. Обязательным условием развития механизмов привлечения граждан к совместному решению вопросов территориального значения, повышение уровня гражданской культуры, социальной активности граждан является информационная открытость органов власти, создание информационных поводов, доступность и адаптированность сайта Администрации МО под любые типы устройств (компьютер, смартфон и т. п.).

Таким образом, в условиях ускорения цифрового технологического развития муниципальные образования Калининградской области стоят перед насущной необходимостью расширения спектра используемых практик гражданского участия в решении вопросов местного значения, изменения подходов к выстраиванию системы коммуникаций. При этом задачами администрации МО являются не только формирование у представителей местного сообщества понимания собственной ответственности за происходящее на территории, но и преодоление сопротивления внедрению и использованию цифровых технологий, как со стороны органов власти, так и со стороны жителей территории. Портал «Активный гражданин / Калининградская область» при соответствующей его доработке, по мнению авторов, может стать опорной площадкой для диалога региональных органов власти, ОМСУ, жителей, представителей местного бизнес-сообщества и других заинтересованных сторон.

Литература

1. *Александров А. А., Тарбеева И. С.* Гражданское участие в местном самоуправлении // Управленческое консультирование. 2016. № 12. С. 63–70.
2. *Гегедюш Н. С.* Вовлечение граждан в процесс развития муниципального образования: партисипативный подход // Региональная власть, местное самоуправление и гражданское общество: механизмы взаимодействия : сб. науч. трудов II Всероссийской научно-практической конференции. Саратов, 2018. С. 23–31.
3. *Горохов А. Ю.* Управление процессами местного развития на примере городского и сельского поселений Калининградской области / А. Ю. Горохов, Д. А. Горохов, А. Ю. Игнатьев, В. Г. Смирнов // Экономические науки. 2016. № 144. С. 64–70.
4. *Данилов М. В.* Участие населения в осуществлении местного самоуправления в Республике Марий Эл // Региональная власть, местное самоуправление и гражданское общество: механизмы взаимодействия : сб. науч. трудов II Всероссийской научно-практической конференции. Саратов, 2018. С. 119–123.
5. *Зерчанинова Т. Е., Тарбеева И. С.* Социальные практики участия населения города в местном самоуправлении // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 3. С. 20–26.
6. *Маркулис С. Р., Пехова Л. С.* О привлечении населения к решению вопросов местного значения в муниципальных образованиях Калининградской области // Региональная власть, местное самоуправление и гражданское общество: механизмы взаимодействия : сб. науч. трудов II Всероссийской научно-практической конференции. Саратов, 2018. С. 128–132.
7. *Масленикова Е. В., Гегедюш Н. С.* Информационная открытость органов власти как инструмент повышения эффективности вовлечения граждан в процессы инициативного бюджетирования: анализ городских практик // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 5. С. 91–94.
8. *Пехова Л. С., Гафарова Д. А.* Внедрение инициативного бюджета в Калининградской области // Современное управление: векторы развития : сб. науч. трудов международной научно-практической конференции. Калининград, 2018. С. 293–295.

Об авторах:

Пехова Людмила Степановна, директор Регионального центра «Высшая школа государственного управления» Западного филиала РАНХиГС (г. Калининград, Российская Федерация), кандидат педагогических наук; l.pekhova@mail.ru

Гафарова Диана Алексеевна, начальник отдела федеральных и региональных программ и проектов «Проектный офис» Регионального центра «Высшая школа государственного управления» Западного филиала РАНХиГС (г. Калининград, Российская Федерация); dianagafarova@gmail.com

References

1. Alexandrov A. A., Tarbeeva I. S. Civic Participation in Local Self-Government // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. No. 12. P. 63–70. (In rus)
2. Gegedyush N. S. Involvement of citizens in the process of municipal development: participatory approach // Regional government, local self-government and civil society: mechanisms of interaction: scientific works of the II Russian Scientific and Practical Conference. Saratov, 2018. P. 23–31. (In rus)
3. Gorokhov A. Yu. Management of local development processes on the example of urban and rural settlements of the Kaliningrad region / A. Yu. Gorokhov, D. A. Gorokhov, A. Yu. Ignatiev, V. G. Smirnov // Economic sciences [Ekonomicheskie nauki]. 2016. No. 144. P. 64–70. (In rus)
4. Danilov M. V. Participation of the population in the implementation of local self-government in the Republic of Mari El // Regional government, local self-government and civil society: mechanisms of interaction: scientific works of the II Russian Scientific and Practical Conference. Saratov, 2018. P. 119–123. (In rus)
5. Zerchaninova T. E., Tarbeeva I. S. Social practices of participation of the city population in local self-government // Municipality: economy and management [Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie]. 2018. No. 3. P. 20–26. (In rus)
6. Markulis S. R., Pekhova L. S. On the Involvement of the Population in the Solution of Issues of Local Importance in the Municipalities of the Kaliningrad Region // Regional Power, Local Self-Government and Civil Society: Mechanisms of Interaction: scientific works of the II Russian Scientific and Practical Conference. Saratov, 2018. P. 128–132. (In rus)

7. Maslennikova E. V., Gegedyush N. S. Information openness of authorities as a tool to increase the efficiency of citizen involvement in the processes of proactive budgeting: analysis of city practices // Journal of the Saratov State Socio-Economic University [Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta]. 2017. No. 5. P. 91–94. (In rus)
8. Pekhova L. S., Gafarova D. A. Introduction of the initiative budget in the Kaliningrad region // Modern management: development vectors: scientific works of the international scientific and practical conference. Kaliningrad, 2018. P. 293–295. (In rus)

About the authors:

Lyudmila S. Pehova, Director of the Regional center «The Higher School of Public Administration» of Western Branch of RANEPA (Kaliningrad, Russian Federation), PhD in Pedagogy; l.pexova@mail.ru
Diana A. Gafarova, Head of the Department of Federal and Regional Programs and Projects of the Regional center «The Higher School of Public Administration» of Western Branch of RANEPA (Kaliningrad, Russian Federation); dianagafarova@gmail.com

Метод рационального распределения учебных дисциплин в системе высшего учебного заведения

Борисова Е. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; al_borisova@mail.ru

РЕФЕРАТ

Одной из задач руководства учебного заведения является разработка мероприятий, направленных на улучшение подготовки своих выпускников. Целью данной статьи является совершенствование системы планирования учебной нагрузки между дисциплинами в вузе. Для достижения этой цели на основе системного анализа и математического моделирования была построена оптимизационная модель. Результат внедрения этой модели в управление образовательным процессом позволит распределить нагрузку в рамках одного направления таким образом, чтобы максимально облегчить студентам освоение учебного материала.

Ключевые слова: уровень подготовки выпускников, вероятности состояния системы, принятие управленческих решений, оптимизация, многошаговый процесс управления

Для цитирования: Борисова Е. Ю. Метод рационального распределения учебных дисциплин в системе высшего учебного заведения // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 116–123.

The Method of Rational Distribution of Academic Disciplines in the System of Higher Education

Elena Yu. Borisova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; al_borisova@mail.ru

ABSTRACT

One of the tasks of the management of the educational institution is the development of measures aimed at improving the training of their graduates. The purpose of this article is to improve the system of planning the workload between disciplines at the university. To achieve this, an optimization model was built on the basis of system analysis and mathematical modeling. As a result, the introduction of this model in the management of the educational process will make it possible to distribute the load within the framework of one direction in such a way as to make it easier for students to master the educational material.

Keywords: graduate training level, system state probabilities, managerial decision making, optimization, multi-step management process

For citing: Borisova E. Yu. The Method of Rational Distribution of Academic Disciplines in the System of Higher Education // Administrative consulting. 2020. No. 4. P. 116–123.

Введение

Реформирование образования в нашей стране — процесс, длящийся уже не первое десятилетие. В результате реформирования системы образования изменилась и структура высших учебных заведений, в частности, появились направле-

ния подготовки студентов и за конечный результат обучаемых теперь отвечает не заведующий выпускающей кафедрой, а руководитель направления.

Для повышения качества реформ неоднократно создавались модели, описывающие различные стороны образовательного процесса и их оптимизацию. В частности, в работах [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11] представлены модели распределения учебной нагрузки между преподавателями одной кафедры, модели оценки качества деятельности вуза или модели составления расписания. Однако ни в одной из перечисленных работ не предприняты попытки создать модель распределения учебных дисциплин, направленную на повышение качества усвоения знаний студентов вуза по каждому направлению.

При выборе вуза абитуриенты учитывают различные факторы, среди которых основными можно назвать престижность обучения и уровень подготовки выпускников. Престиж учебного заведения определяется многими факторами, одним из которых является качество подготовки выпускников. Поэтому одной из задач руководства учебного заведения является разработка мероприятий, направленных на улучшение подготовки своих бакалавров, специалистов и магистров. Одним из них является совершенствование системы планирования учебной нагрузки. В частности, необходимо оптимально распределить зачетные единицы (ЗЕ) между дисциплинами по каждому направлению. Подготовка предложений по этому вопросу поручается конкретному сотруднику, которого в дальнейшем будем условно называть лицом, принимающее решение, или ЛПР.

На настоящий момент в наиболее престижных университетах и академиях, которые получают большие дотации от государства, образовательный процесс (ОП) организован таким образом, что большая часть академических часов отдана изучению базовых дисциплин. Кроме того, акцент сделан на аудиторные занятия, что позволяет формировать у обучаемых необходимый теоретический базис для изучения специальных и прикладных дисциплин. Для многих студентов такой подход влечет за собой большие трудности в преодолении высоких требований, предъявляемых в этих вузах. Это приводит к серьезному уменьшению числа обучаемых, особенно на старших курсах.

Выпускники таких учебных заведений не удовлетворяют полностью запросы общества и экономики на специалистов с высшим образованием. Для удовлетворения социального запроса в стране созданы и альтернативные вузы, получающие меньшие по объему дотации государства или совсем их не получающие. Заметим, что количество вузов, получающих весомую материальную помощь от государства, очень незначительно, а большинство других учебных заведений вынуждено самостоятельно искать дополнительные источники финансирования, используя различные механизмы.

Материалы и методы

Самой большой статьей дохода является прибыль от коммерческого обучения, поэтому руководство таких вузов должно достичь компромисса между повышением уровня знаний и количеством студентов, обучающихся на коммерческой основе. Для этого необходимо для каждого направления подготовки найти такой вариант распределения академических часов между учебными дисциплинами, который позволил бы облегчить усвоение учебного материала подавляющему числу принятых студентов. Именно решению последней задачи посвящен предлагаемый ниже метод.

Пусть конкретное направление подготовки включает в себя изучение m учебных дисциплин D_i , где $i = 1, 2, \dots, m$. Каждой из этих дисциплин необходимо выделить хотя бы одну зачетную единицу. Так как распределение единиц происходит последовательно, то этот процесс является многошаговым, и согласно [3] для его моделирования можно применять метод динамического программирования.

Результаты

Для нахождения оптимального распределения n академических часов между учебными дисциплинами используем рекуррентные соотношения Беллмана [1; 2]. В качестве целевой функции F выберем математическое ожидание качества усвоения учебного материала

$$F = \sum_{i=1}^m c_i \cdot p_i,$$

Таблица 1

Сводная таблица данных
Table 1. Summary table of data

Название дисциплины	Число связей с другими дисциплинами	Число компетенций данной дисциплины	Число зачетных единиц, выделяемых на изучение дисциплины				Вес дисциплины c_i
			1	2	...	$n + 1 - m$	
D_1	k_1^{np}	$k_1^{наб}$	p_{11}	p_{12}	...	p_{1n+1-m}	c_1
D_2	k_2^{np}	$k_2^{наб}$	p_{21}	p_{22}	...	p_{2n+1-m}	c_2
...	...	...	...	...	...	...	...
D_i	k_i^{np}	$k_i^{наб}$	p_{i1}	p_{i2}	...	p_{in+1-m}	c_i
...	...	...	...	...	...	...	...
D_m	k_m^{np}	$k_m^{наб}$	p_{m1}	p_{m2}	...	p_{mn+1-m}	c_m

Таблица 2

Усовершенствованная таблица данных
Table 2. Enhanced data table

Название дисциплины	Число связей с другими дисциплинами	Число компетенций данной дисциплины	Вес дисциплины c_i	Усовершенствованный вес	Число зачетных единиц, выделяемых на изучение дисциплины			
					1	2	...	$n + 1 - m$
D_1	k_1^{np}	$k_1^{наб}$	c_1	c_1	p_{11}	p_{12}	...	p_{1n+1-m}
D_2	k_2^{np}	$k_2^{наб}$	c_2	c_2	p_{21}	p_{22}	...	p_{2n+1-m}
...	...	...	...		...	...	...	...
D_{i-1}	k_{i-1}^{np}	$k_{i-1}^{наб}$	c_i	$c_{i-1}^* = c_i + \Delta c_{i-1}$	p_{i-11}	p_{i-12}	...	$p_{i-1n+1-m}$
D_i	k_i^{np}	$k_i^{наб}$	c_i	$c_i^* = c_i + \Delta c_i$	p_{i1}	p_{i2}	...	p_{in+1-m}
D_{i+1}	k_{i+1}^{np}	$k_{i+1}^{наб}$	c_i	$c_{i+1}^* = c_i + \Delta c_{i+1}$	p_{i+11}	p_{i+12}	...	$p_{i+1n+1-m}$
...	...	...	...	...	...	...	...	...
D_m	k_m^{np}	$k_m^{наб}$	c_m	c_m	p_{m1}	p_{m2}	...	p_{mn+1-m}

где p_i — вероятность усвоения дисциплины D_i при спланированном числе зачетных единиц (ЗЕ), а c_i — коэффициент значимости этой дисциплины.

Так как целью ЛПР является повышение уровня подготовки выпускников, то

$$F \rightarrow \max.$$

Для вычисления значений коэффициентов c_i предлагается использовать количество k_i^{np} дисциплин, опирающихся на знания и навыки, полученные при изучении дисциплины D_i , и количество k_i^{uas} компетенций, отвечающих соответствующей дисциплине. Пусть значение $k_i = k_i^{np} + k_i^{uas}$ и $k_i \in N$, тогда

$$c_i = \frac{k_i}{\sum_{i=1}^m k_i}.$$

Через p_{ij} обозначим вероятность успешного овладения профессиональными навыками при изучении i -ой дисциплины в объеме j зачетных единиц (ЗЕ). В качестве значений p_{ij} могут выступать значения, определенные по специальной методике экспертной группы. Для удобства всю информацию ранжируем по убыванию коэффициентов c_i и записываем в таблицу (см. табл. 1).

Если при составлении этой таблицы возникнет ситуация, когда несколько дисциплин будут иметь одинаковые веса c_i , можно реализовать следующий алгоритм. Пусть имеются N дисциплин с одинаковыми весами. Для каждой из них вычисляется дополнительный коэффициент

$$\Delta C_i = \frac{p_{ij}}{\sum_{j=1}^N p_{ij}}, \text{ где } i = 1, 2, \dots, N.$$

Эти коэффициенты ранжируют дисциплины по значимости в случае их изучения в объеме 1 ЗЕ. Если же все вероятности p_{i1} , соответствующие выделению 1 ЗЕ, равны между собой, то аналогично сравниваем вероятности p_{i2} и т. д.

Далее добавляем найденные значения ΔC_i к вычисленным ранее C_i и вводим новые улучшенные веса $C_i^* = C_i + \Delta C_i$. Добавленные значения $\Delta C_i \in (0,1)$, поэтому не могут изменить порядок следования дисциплин, у которых изначально были другие веса.

После этого рекомендуется записать новую таблицу (см. табл. 2), в которой все веса C_i будут различны и выстроены по убыванию.

Рассмотрим систему S распределения часов между дисциплинами направления, которой соответствуют разные состояния, описанные ниже.

Обсуждение

Поясним многошаговость процесса распределения ЗЕ по дисциплинам на конкретном примере.

Предположим, что необходимо распределить 5 ЗЕ между тремя дисциплинами D_1, D_2, D_3 таким образом, чтобы каждая из них получила не менее одной зачетной единицы. Для определенности будем считать, что веса указанных дисциплин удовлетворяют неравенству: $C_1 > C_2 > C_3$.

На первом шаге ЛПР распределяет зачетные единицы дисциплине D_1 . Обозначим через S_i^j — состояние системы, соответствующее i -му шагу с запасом в j единиц, то есть на начальном этапе системе соответствует состояние S_0^5 .

В результате первого распределения дисциплине D_1 могло отойти 1 ЗЕ (состояние S_1^4 и соответствующая ему вероятность $p_{11} = 0,3$), 2 ЗЕ (состояние S_1^3 и

вероятность $p_{12} = 0,2$ и 3 ЗЕ (состояние S_1^2 и вероятность $p_{13} = 0,1$). Заметим, что распределение 4 и 5 ЗЕ дисциплине № 1 приведет к тому, что какая-то из оставшихся дисциплин не получит ни одной ЗЕ, а это противоречит заявленным требованиям.

На втором шаге ЛПР распределяет зачетные единицы дисциплине D_2 , при этом возможны следующие состояния системы S_2^3, S_2^2, S_2^1 и т. д.

Схема распределения ЗЕ между всеми дисциплинами представлена на рис.

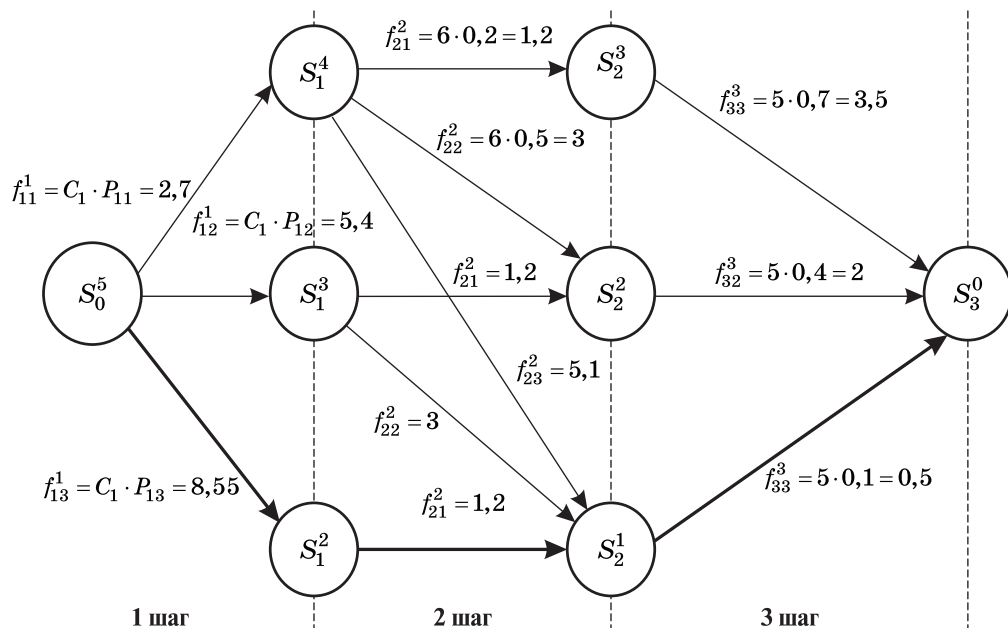

Рис. Распределение 5 ЗЕ между тремя дисциплинами

Fig. The distribution of 5 OU between 3 disciplines

Значения над стрелками указывает соответствующее значение показателя качества

$$f_{ij}^i = C_i \cdot p_{ij},$$

которые далее будут влиять на экстремальное значение целевой функции.

Например, при переходе из состояния S_1^4 в состояние S_2^1 дисциплине D_2 было распределено 3 единицы. В табл. 3 этому событию соответствует вероятность p_{23} и вес C_2 , следовательно, значение показателя качества $f_{23}^2 = C_2 \cdot p_{23} = 6 \cdot 0,85 = 5,1$.

Таблица 3

Начальные условия задачи
Table 3. Initial conditions of the problem

Название дисциплины	Число связей с другими дисциплинами	Число компетенций данной дисциплины	Число зачетных единиц, выделяемых на изучение дисциплины			Вес дисциплины C_i
			1	2	3	
D_1	$k_1^{np} = 5$	$k_1^{нав} = 4$	$p_{11} = 0,3$	$p_{12} = 0,6$	$p_{13} = 0,95$	$c_1 = 9$
D_2	$k_2^{np} = 2$	$k_2^{нав} = 4$	$p_{21} = 0,2$	$p_{22} = 0,5$	$p_{23} = 0,85$	$c_2 = 6$
D_3	$k_3^{np} = 3$	$k_3^{нав} = 2$	$p_{31} = 0,1$	$p_{32} = 0,4$	$p_{33} = 0,7$	$c_3 = 5$

Далее ЛПР переходит к поиску условных оптимальных стратегий. Для последнего третьего шага условные оптимальные стратегии $F_1(S_2^i, U_3)$ соответствуют значениям показателям качества

$$F_1(S_2^1, U_3) = f_{31}^3 = 0,5,$$

$$F_1(S_2^2, U_3) = f_{32}^3 = 2,$$

$$F_1(S_2^3, U_3) = f_{33}^3 = 3,5.$$

Для второго шага ЛПР должен рассчитать максимум целевой функции, т. е.

$$\begin{aligned} F_2(S_1^4, U_2) &= \max \{ F_1(S_2^3, U_3) + f_{21}^2; F_1(S_2^2, U_3) + f_{22}^2; F_1(S_2^1, U_3) + f_{23}^2 \} \\ &= \max \{ 3,5 + 1,2; 2 + 3; 0,5 + 5,1 \} = \max \{ 5,7; 5; 5,6 \} = 5,7 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} F_2(S_1^3, U_2) &= \max \{ F_1(S_2^2, U_3) + f_{21}^2; F_1(S_2^1, U_3) + f_{22}^2 \} = \\ &= \max \{ 2 + 1,2; 0,5 + 3 \} = \max \{ 3,2; 3,5 \} = 3,5 \end{aligned}$$

$$F_2(S_1^2, U_2) = F_1(S_2^1, U_3) + f_{21}^2 = 0,5 + 1,2 = 1,7$$

Те значения, которые определяют максимальные значения, соответствуют условным оптимальным управлениям.

Аналогично, находим максимальное значение для первого шага

$$\begin{aligned} F_3(S_0^5, U_1) &= \max \{ F_2(S_1^4, U_2) + f_{11}^1; F_2(S_1^3, U_2) + f_{12}^1; F_2(S_1^2, U_2) + f_{13}^1 \} = \\ &= \max \{ 5,7 + 2,7; 3,5 + 5,5; 1,7 + 8,55 \} = \max \{ 8,4; 9; 10,25 \} = 10,25 \end{aligned}$$

и соответствующее условное оптимальное управление. Далее ЛПР восстанавливает оптимальную стратегию управления.

Выводы

Таким образом, для рассмотренного примера оптимальной стратегией управления будет $S_0^5 \rightarrow S_1^2 \rightarrow S_2^1 \rightarrow S_3^0$. На рис. оптимальная стратегия управления выделена более толстыми линиями. Полученный результат означает, что для достижения максимального усвоения студентами образовательной программы ЛПР рекомендуется исходные 5 ЗЕ распределить следующим образом: две зачетные единицы отводятся дисциплине D_1 , одна ЗЕ — дисциплине D_2 и две ЗЕ — дисциплине D_3 .

Предложенный алгоритм является универсальным. В частности, его можно использовать для распределения академических часов между различными видами обучения (лекции, семинары, самостоятельная работа и т. д.)

На базе этого алгоритма можно распределять и нагрузку каждого отдельного преподавателя с учетом его достижений по каждому направлению деятельности ППС, задавая большее значение веса тому виду деятельности, в котором он приносит вузу большую пользу.

Предложенный алгоритм позволяет выстроить образовательный процесс так, чтобы максимально облегчить студентам освоение учебного материала, а внедрение его в управление образовательным процессом позволит удовлетворить запрос общества на высоко подготовленных специалистов.

Литература

1. Беллман Р. Динамическое программирование. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. 400 с.
2. Беллман Р., Дрейфус С. Прикладные задачи динамического программирования. М. : Наука, 1965. 458 с.
3. Вентцель Е. С. Элементы динамического программирования. М. : Наука, 1964.
4. Алпатов Ю. Н., Бунашова С. Б. Исследование характеристик учебного процесса методами математического моделирования // Труды Братского государственного университета. 2010. Т. 1. С. 156–162.
5. Журавлев Д. С., Колесников А. Н. Математические методы интеллектуального анализа данных в задачах моделирования процессов работы высших учебных заведений // Фундаментальные исследования, методы и алгоритмы прикладной математики в технике, медицине и экономике : материалы молодежной научно-практической конференции. Новочеркасск, 2017. С. 157–160.
6. Изосимова Т. Н., Мордвинова Ж. С. Формирование учебной нагрузки в рамках интегрированной системы управления // Сборник научных статей научно-практической конференции ГГУ им. Я. Купалы. Гродно, 2011. С. 384–387.
7. Кумицкий Б. М., Камалов Н. С., Евсикова Н. Ю., Саврасова Н. А. Математическое моделирование учебного процесса как способ повышения качества образования // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика : сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции. 2014. Т. 2. № 2, ч. 3. С. 292–298.
8. Левин В. И., Костиневич В. В. Математическое моделирование и оптимизация учебного процесса в высшем учебном заведении // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2004. № 4. С. 4–8.
9. Ризен Ю. С., Захарова А. А., Минин М. Г. Математическое моделирование образовательного процесса в оценке качества деятельности вуза // Информационное общество. 2014. № 3. С. 25–33.
10. Сеньковская А. А., Фураева И. И. Моделирование и процесса распределения учебной нагрузки кафедры с использованием жадного алгоритма // Математические структуры и модели. 2017. № 4. С. 101–109.
11. Угрева Е. Н., Рыжкова М. Н. Построение математической модели обучаемого для оптимизации учебного процесса // Открытое и дистанционное образование. 2014. № 2. С. 63–68.

Об авторе:

Борисова Елена Юрьевна, доцент кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук; al_borisova@mail.ru

References

1. Bellman R. Dynamic Programming. M.: Foreign literature, 1960. 400 p. (In rus)
2. Bellman R., Dreyfus S. Applied dynamic programming. M.: Science, 1965. 458 p. (In rus)
3. Ventzel E. S. Dynamic programming elements. M.: Science, 1964. (In rus)
4. Alpatov Yu. N., Bunashova S. B. Study of educational process characteristics by mathematical modeling methods // Works of Bratsk State University [Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2010. V. 1. P. 156–162. (In rus)
5. Zhuravlev D. S., Kolesnikov A. N. Mathematical methods of data mining in the tasks of modeling the processes of higher educational institutions // Fundamental research, methods and algorithms of applied mathematics in technology, medicine and economics: materials of the youth scientific and practical conference. Novocherkassk, 2017. P. 157–160. (In rus)
6. Izosimova T. N., Mordvinova Zh. S. Formation of training within the framework of the integrated management system // Collection of scientific articles of the scientific and practical conference of the State University named after Y. Kupala. Grodno, 2011. P. 384–387. (In rus)
7. Kumitsky B. M., Kamalov N. S., Evsikova N. Y., Savrasova N. A. Mathematical modeling of the educational process as a way to improve the quality of education // Current directions of scientific research of the XXI century: theory and practice: collection of scientific works on the materials of scientific and practical conference [Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika : sbornik nauchnykh trudov po materialam nauchno-prakticheskoi konferentsii]. 2014. Vol. 2. No. 2, part 3. P. 292–298. (In rus)

8. Levin V. I., Kostinevich V. V. Mathematical modeling and optimization of the educational process at the higher educational institution // Journal of the Ulyanovsky State Technical University [Vestnik Ul'yansovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta]. 2004. No. 4. P. 4–8. (In rus)
9. Rizen Y. S., Zakharova A. A., Minin M. G. Mathematical modeling of the educational process in assessing the quality of the university 's activities // Information Society [Informatsionnoe obshchestvo]. 2014. No. 3. P. 25–33. (In rus)
10. Senkovskaya A. A., Furayeva I. I. Modeling and the process of distribution of the educational load of the department using the greedy algorithm // Mathematical structures and models [Matematicheskie struktury i modeli.]. 2017. No. 4. P. 101–109. (In rus)
11. Ugrev E. N., Ryzhkova M. N. Construction of mathematical model of the trainee for optimization of educational process // Open and remote education [Otkrytoe i distantsionnoe obrazovanie]. 2014. No. 2. P. 63–68. (In rus)

About the author:

Elena Yu. Borisova, Associate Professor of the Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Technical Science; al_borisova@mail.ru

Крах фашистской цитадели

Гриднев В. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, valerijgridnev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена Курской битве. Цель — показать продемонстрированные советскими воинами мужество и героизм во имя спасения своей Родины в период Великой Отечественной войны, а также возможности нашего народнохозяйственного комплекса, военной экономики обеспечить фронты курского направления силами и средствами, превосходящими немецко-фашистские войска в ходе наступательной операции «Цитадель». В работе использованы в качестве источников воспоминания и материалы Маршала Советского Союза Жукова Г. К., а также генералов вермахта.

Ключевые слова: Курская битва, мужество, героизм, гвардия, фронты, армии, воинские звания: рядовой, лейтенант, старший лейтенант, генерал, самолеты, танки, орудия

Для цитирования: Гриднев В. П. Крах фашистской цитадели // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 124–128.

The Collapse of the Fascist Citadel

Valery P. Gridnev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, RANEPa), St. Petersburg, Russian Federation, valerijgridnev@yandex.ru

ABSTRACT

The article is dedicated to the Battle of Kursk. The goal is to show the courage and heroism demonstrated by Soviet soldiers in the name of saving their homeland during the Great Patriotic War, as well as the ability of our national economic complex and military economy to provide the Kursk fronts with forces and means superior to Nazi troops during the offensive operation "Citadel". In the work, the sources used are the recollections and materials of Marshal of the Soviet Union G. Zhukov, as well as Wehrmacht generals.

Keywords: Battle of Kursk, courage, heroism, guard, fronts, armies, military ranks: private, lieutenant, senior lieutenant, general, planes, tanks, guns

For citing: Gridnev V.P. The Collapse of the Fascist Citadel // Administrative consulting. 2020. N 4. P. 124–128.

К 75-летию Великой Победы

Семьдесят семь лет назад, 23 августа 1943 г., исторической победой советского народа и его Вооруженных Сил завершилась Курская битва. Она явилась важнейшим этапом на пути к победе Советского Союза над гитлеровскими захватчиками. «Призрак неминуемой катастрофы встал перед фашистской Германией, — отмечал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. — Никакие силы теперь ее уже не могли спасти. Вопрос был лишь во времени» [2, с. 72].

После ожесточенных сражений весной 1943 г. на советско-германском фронте наступило временное затишье. Воюющие стороны извлекали уроки из прошедших боев, намечали планы дальнейших боевых действий.

Фашистская Германия готовилась обрушить новые мощные удары по Красной Армии, вновь овладеть стратегической инициативой, взять реванш за Сталинград

и добиться победы. Для новой решительной наступательной операции, названной «Цитадель», гитлеровское командование выбрало курское направление — узкий участок фронта, далеко выдвинутый на запад в районе Курска выступ, образовавшийся в ходе предшествовавших боев. Именно здесь, по мнению немецко-фашистского командования, создавались благоприятные предпосылки для окружения и разгрома войск Центрального и Воронежского фронтов, что привело бы к образованию огромной брешы в стратегическом фронте советских войск и позволило осуществить новые крупные наступательные операции [2, с. 15–16].

«Этому наступлению, — подчеркивалось в приказе Гитлера, — придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года.

В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира» [2, с. 15–16].

Главные удары противником предполагалось нанести: первый — из района южнее Орла силами группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Г. Клюге, и второй — из района севернее Харькова силами группы армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Э. Манштейна. Направление обоих ударов немецко-фашистских войск было на Курск [3].

С целью подготовки этой операции военная промышленность Германии и ее сателлитов, работая по 24 часа в сутки, торопилась произвести тяжелые танки «Тигр» и «Пантера» с усиленной броней, мощное самоходное орудие «Фердинанд». Военно-воздушные силы получили новые самолеты «Фокке-вульф-190» и «Хейнкель-129» [3].

Противник сконцентрировал для предстоящего наступления на Курском выступе, протяженность которого составляла около 600 км (14% всего советско-германского фронта), огромные силы — 50 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных. В составе этих немецко-фашистских войск находилось свыше 900 тыс. личного состава, до 10 тыс. орудий и минометов, около 2700 танков и штурмовых орудий, свыше 2 тыс. самолетов, что составляло 70% танковых, 30 — моторизованных и более 20% пехотных дивизий от общего количества соединений на советско-германском фронте. Количество боевых самолетов составляло 65% всех боевых самолетов, действовавших против Вооруженных Сил СССР [4, с. 293].

Готовя Красную Армию к решающим сражениям против немецко-фашистских войск на Курской дуге, ГКО провел огромную организаторскую работу по увеличению выпуска боевой техники и вооружения, всемерному укреплению и усилению действующей армии, дальнейшему сплочению народа.

К началу оборонительных сражений войска Центрального и Воронежского фронтов по силам и средствам превосходили противника: в личном составе — в 1,4, орудиях и минометах — в 1,9, в танках — в 1,2, в самолетах — в 1,4 раза. Однако, делая основную ставку на танковые и моторизованные войска, фашистское командование сгруппировало их на узких участках, создав в первые дни Курской битвы значительное превосходство над советскими войсками, занимавшими тактическую зону обороны. Когда же вступили в действие наши войска, расположенные в оперативной глубине, превосходство перешло в руки Красной Армии [2, с. 59].

На рассвете 5 июля под прикрытием огня тысяч орудий и минометов, поддержанного множеством самолетов, немецко-фашистские войска перешли в наступление. Оно продолжалось недолго. 12 июля начался второй этап Курской битвы. Красная Армия перешла в контрнаступление.

Как заявлял начальник Генерального штаба вооруженных сил Германии генерал-фельдмаршал В. Кейтель в своих показаниях в ходе допроса 17 июня 1945 г., командование вермахта не ожидало, что Красная Армия не только готова к отражению удара, но и сама обладает достаточными резервами, чтобы перейти в мощное контрнаступление [1, с. 29–46].

Враг отчаянно сопротивлялся, но крах операции «Цитадель» был предрешен.

Пятого августа советские войска освободили от немецко-фашистских захватчиков старинные русские города Орел и Белгород. В ознаменование одержанных побед вечером того же дня в Москве был произведен в соответствии с приказом Верховного Главнокомандующего первый в истории Великой Отечественной войны артиллерийский салют в честь доблестных войск Брянского, Западного, Центрального фронтов, занявших Орел, и войск Степного и Воронежского фронтов, освободивших Белгород¹.

Освобождением Харькова 23 августа 1943 г. завершилась Курская битва, в ходе которой были разгромлены 30 отборных вражеских дивизий, в том числе 7 танковых. Вермахт потерял около 500 тыс. солдат и офицеров, 1500 танков, 3000 орудий и свыше 3700 боевых самолетов [2, с. 72].

Немецкий генерал-фельдмаршал Э. Манштейн, участвовавший в разработке и проведении операции «Цитадель» в своих мемуарах вспоминал, что с прекращением военной операции «Цитадель» инициатива на Восточном театре военных действий окончательно перешла к Красной Армии. После того как нам не удалось окружить крупные силы противника в районе Курской дуги и мы должны были прекратить сражение с бросаемыми в бой оперативными резервами противника еще до наступления решающего момента операции, неизбежно начал действовать фактор превосходства в силах. Наступление противника на Курской дуге было только началом перехода к крупному наступлению².

В битве под Курском с новой силой проявился массовый героизм советских воинов. Более 100 тыс. солдат, офицеров и генералов было награждено орденами и медалями [2, с. 72], 132 соединения и части получили гвардейское звание, 26 удостоены почетных наименований Орловских, Белгородских, Харьковских и Карачаевских, 231 человек удостоены звания Героя Советского Союза³.

Среди получивших высокое звание Героя Советского Союза были военнослужащие различных родов и видов войск. Мужественно и стойко сражались военные летчики, такие командиры эскадрилий, как капитан Архипов Н. А., совершивший 275 боевых вылетов, сбивший 11 самолетов противника лично и 8 — в составе группы; капитан Базаров И., совершивший 342 успешных боевых вылета, в 69 воздушных боях сбил 12 вражеских самолетов; Басулин Е. Д. совершил 88 боевых вылетов, в 25 воздушных боях лично сбил 13 вражеских самолетов и один — в группе; старший лейтенант Маресьев А. П., лишившийся в предыдущих боях (апрель 1942 г. — Авт.) голени обеих ног, сбил три самолета противника.

Командир танковой роты гвардии старший лейтенант Мартехов В. Ф. был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно. Его рота уничтожила на Курской дуге три танка, шесть самоходных артиллерийских установок, три миномета, восемь пушек и до 300 солдат и офицеров противника. На боевом счету у отважного танкиста числилось 14 уничтоженных вражеских танков, 22 орудия, 9 минометов, 16 автомашин, 7 пулеметных точек и свыше 800 фашистских солдат и офицеров.

¹ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза: сб. М. : Воениздат, 1975. С. 16–17.

² Манштейн Э. Утерянные победы [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/german/manstein/15.html> (дата обращения: 23.01.2020).

³ Огненная дуга». День разгрома советскими войсками немецких войск в Курской битве [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/99630-ognennaya-duga-den-razgroma-sovetskimi-voyskami-nemeckih-voysk-v-kurskoy-bitve.html> (дата обращения: 23.01.2020).

Механик-водитель танка «Т-34» гвардии старший сержант Силантьев И. М., экипаж его танка уничтожил вражеский дзот, три орудия, бронетранспортер и блиндаж. Когда танк получил повреждение, старший сержант под сильным огнем противника устранил неисправность и вывел боевую машину с поля боя.

В ходе боев на Курской дуге 12 июля 1943 г. повторили подвиг А. Матросова пулеметчик 40-го гвардейского стрелкового полка 11-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии рядовой Сергей Кукунин и рядовой Алексей Ломакин. Батальон С. Кукунина предпринял попытку овладеть деревней Старица Ульяновского района. Сделать это не удалось, и инициатива в бою перешла к противнику. Фашисты дважды атаковали, но были отбиты. Когда «на плечах» отступавших гитлеровцев советские воины попытались ворваться в деревню, их встретил пулеметный огонь из дзота. От брошенной гвардии рядовым Кукуниным С. противотанковой гранаты огневая точка получила повреждения, однако пулемет продолжал стрельбу. И тогда Сергей Кукунин бросился на амбразуру и закрыл ее своим телом. Пулемет замолчал, и батальон овладел Старицей. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1944 г. гвардии рядовому Сергею Александровичу Кукунину посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

215-й гвардейский стрелковый полк вел бои в районе деревни Сивково Болховского района Орловской области, превращенной гитлеровцами в сильный опорный пункт. Наступление части замедлилось, и на окраине деревни неожиданно открыл огонь пулемет из дзота. Артиллеристы произвели выстрел и огонь прекратился. А когда наступающие роты были уже в двухстах метрах от окраины деревни, из подвала крайнего дома в упор ударил другой фашистский пулемет. Гвардии рядовой Алексей Ломакин увидел, как бойцы в поисках убежища метались по открытому лугу, многие тут же падали, сраженные пулеметным огнем. И тогда он в тридцати метрах от пулемета бросает гранату в амбразуру. На какое-то мгновение огонь вражеского пулемета прекратился. Однако не успели подняться наши командиры и бойцы, как снова пулемет открыл огонь. И тогда Алексей поднялся в полный рост и бросился на амбразуру. Пулемет замолчал. Подвиг рядового Алексея Ломакина стал сигналом к атаке. В решительном броске советские воины ворвались в деревню Сивково и овладели ею.

Сержант Фомин Михаил Сергеевич — наводчик орудия 2-го дивизиона 159-го гвардейского Краснознаменного артиллерийского полка 75-й гвардейской стрелковой дивизии 17-го гвардейского стрелкового корпуса 13-й армии Центрального фронта 7 июля 1943 г. под шквальным огнем артиллерии и минометов отразил до 12 атак пехоты и танков противника. Прямой наводкой уничтожил пять средних танков и два тяжелых танка «Тигр» (Т-6), более роты солдат и офицеров противника, орудие противотанковой обороны, два пулемета. В этом бою был тяжело ранен, но продолжал оставаться у орудия и вести огонь; 11 июля 1943 г. скончался от ран.

11 июля 1943 г. артиллерийская батарея 6-го артиллерийского полка 74-й стрелковой дивизии 13-й армии Центрального фронта лейтенанта Сони́на Ивана Егоровича у деревни Протасово Орловской области отбила 14 атак немцев, но не отошла ни на шаг назад. Иван Егорович был ранен, но не оставил батарею, отсек вражеских автоматчиков от танков, уничтожил 6 танков, в том числе два «Тигра» и большое количество пехоты, батарея удержала позиции. В этом бою он и погиб¹.

Героизм и воинское мастерство на полях Курской битвы продемонстрировали воины и других частей и подразделений².

¹ Список Героев Советского Союза, удостоенных звания за битву на Курской дуге [Электронный ресурс]. URL: <http://прохоровское-поле.пф/index.php/2012-11-07-06-00-40.html> (дата обращения: 20.01.2020).

² Там же.

Битва под Курском занимает выдающееся место не только в Великой Отечественной войне, но и во всей Второй мировой войне, которая по своим итогам и значению после победы советских войск под Москвой и Сталинградом стала важным этапом на пути к победе Советского Союза над фашистской Германией.

Разгром немецко-фашистских войск на Курской дуге имел крупнейшее международное значение и еще выше поднял авторитет нашей страны.

Таким образом, организаторская деятельность органов управления, мужество и героизм советских воинов, поддержка тружеников тыла обеспечили победу нашего народа над фашистскими войсками на Курской дуге. Операция «Цитадель» потерпела поражение.

Уроки Курской битвы учат, что наше оборонное строительство в современных условиях должно гарантировать надежную безопасность Российской Федерации и ее многонациональному народу.

Российские граждане благодарны дедам и отцам, отстоявшим независимость нашей страны, спасшим сотни миллионов жителей планеты от фашистской чумы.

«Мы гордимся поколением победителей, чтим их подвиг, и наша память не только дань огромного уважения героическому прошлому — она служит нашему будущему, вдохновляет нас, укрепляет наше единство» — подчеркнул Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая 15 января 2020 г. с Посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации¹.

Литература

1. *Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных 1944–1951.* М. : МФД, 2009.
2. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления : в 3 т. Т. 3. М. : Изд-во Агентства печати «Новости», 1986.
3. *История Российской внешней разведки* : в 6 т. / гл. ред. Е. М. Примаков. Т. 4. М. : Международные отношения, 2014.
4. Самсонов А. М. Вторая мировая война 1939–1945. М. : Наука, 1985.

Об авторе:

Гриднев Валерий Павлович, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; valerijgridnev@yandex.ru

References

1. *Generals and officers of the Wehrmacht tell... Documents from the investigative files of German prisoners of war* 1944–1951. M. : MFD, 2009. (In rus)
2. Zhukov G. K. *Memoirs and reflections*: in 3 vol. Vol. 3. M. : Publishing house of the News Agency, 1986. (In rus)
3. *History of the Russian Foreign Intelligence* : in 6 vol. / ed. E. M. Primakov. Vol. 4. M. : International Relations, 2014. (In rus)
4. Samsonov A. M. *The Second World War 1939–1945.* M. : Science, 1985. (In rus)

About the author:

Valery P. Gridnev, Professor of Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor, valerijgridnev@yandex.r

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020. [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=99162703307325332477712136&cacheid=D53C675F0BA83A4281E176BF78870B2B&mode=splus&base=LAW&n=342959&rnd=0.9695466141884828#1jfp580s1b> (дата обращения : 16.01.2020).

Некоторые аспекты явления политического лидерства на примере исторической личности

Демидова Е. Н.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; demiova_en@spbstu.ru

РЕФЕРАТ

В статье исследуется влияние Хун Сюцюаня на тайпинское восстание в Китае, при этом особое внимание уделяется формированию данного деятеля в качестве политического лидера массового движения беднейших слоев китайского общества. Анализируются основные социально-политические идеи, которые реализовывались Хун Сюцюанем во время тайпинского восстания. Заостряется внимание на религиозных воззрениях этого политического лидера, которые сыграли основную роль в идеологии движения тайпинов. Изучаются такие черты Хун Сюцюаня как стремление добиться результатов, его настойчивость в реализации поставленных задач, умение повести за собой миллионы крестьян в китайском государстве, испытывавшем глубокий кризис. Выделяются те отрицательные черты личности этого политического лидера, которые сыграли существенно негативную роль в ходе революционного движения, показываются сильные стороны и недостатки включения принципов мистического мировоззрения и самообожествления в процесс управления. В статье придается значение многогранности личностных качеств Хун Сюцюаня, которые наложили свой отпечаток на революционные процессы в середине XIX столетия в Китае, воплотившиеся в движение тайпинов.

Ключевые слова: политика, тайпинское восстание, политический имидж, власть, религиозное лидерство

Для цитирования: Демидова Е. Н. Некоторые аспекты явления политического лидерства на примере исторической личности // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 129–139.

Some Aspects of Political Leadership on the Example of Historical Persona

Elena N. Demidova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation; demiova_en@spbstu.ru

ABSTRACT

The article is dedicated to analysis of influence of Hong Xiuquan's on the course of Taiping Rebellion. The main focus of the work is directed on the issue of how the given historical persona has been shaped as a leader of low-income layers of Chinese population. In order to illuminate this question, the author observes the central socio-political ideas implemented by Hong Xiuquan during the Taiping Rebellion as well as his religious views, which had a fundamental role in Taiping's movement ideology. In the course of the article, the author scrutinizes historical data which indicates such qualities of Hong Xiuquan as striving to achieve the highest outcomes, his persistence in realization of set tasks and ability to lead millions of Chinese peasants purposing on the radical reformation in Chinese state, which had experienced a deep crisis. On the other hand, the article demonstrates Hong Xiuquan's qualities which have negatively affected the course of the revolutionary movement. To be precise, in the article are presented disadvantages of applying principles of mystical worldview and self-deification to the process of administration. In conclusion, the author, relying on the historical sources, highlights the significance of Hong Xiuquan's personality and peculiarities of his leadership style in the context of their imprint on the Chinese revolutionary processes in the middle of the XIX century.

Keywords: politics, Taiping Rebellion, political image, power, religious leadership

For citing: Demidova E. N. Some Aspects of Political Leadership on the Example of Historical Persona // Administrative consulting. 2020. N 4. P. 129–139.

Введение

Целью данной работы является оценка конкретной исторической личности как политического лидера на примере Хун Сюцюаня, руководителя восстания тайпинов в XIX столетии на территории Китая. Возглавляя движение тайпинов в 1850–1864 гг. в Китае, этот исторический деятель повлиял на направление социально-политического развития страны, однако его индивидуальные черты негативно сказались на политических результатах массового движения китайского народа. В частности, он, обладая огромным политическим влиянием и проявляя высокие организаторские способности в процессе развития революционного движения, фактически самоустранился от решения практических задач, возникающих в конкретный период тайпинского движения, что повлекло в конечном итоге неудачи восстания тайпинов.

Материалы и методы

В качестве теоретического основания данного исследования были взяты работы известных политологов, таких как Ж. Блондель, А. Браун, Р. С. Такер. Рассмотрению вопроса методологии исследования исторической интерпретации политического лидерства посвящена работа Д. Е. Слизовского

Изучению тайпинского восстания в Китае посвящено некоторое количество исследований в различных странах мира. В частности, англоязычное издание «Кембриджская история Китая», сборник документов «Тайпинское восстание» В. П. Илюшечкина и О. Г. Соловьева, содержащий документы тайпинов, работы В. П. Илюшечкина «Крестьянская война тайпинов», Джонатана Спенса «Китайский сын Бога», «Небесное государство Тайпинов» Томаса Рейли. Имеющиеся на сегодняшний день научные труды рассматривают различные аспекты этого одного из самых масштабных восстаний в мировой истории, не ставя задачу исследовать феномен политического лидерства и анализ данного феномена через призму личности Хун Сюцюаня. В исследовании С. И. Сулимова «Антропологический аспект антисистемы: Маздак и Хун Сюцюань» рассматриваются человеческие качества антисистемных лидеров, подчеркивается широкий кругозор, приводящий к мечтательности, переходящей в утопизм.

Результаты

Рассматривая проблему политического лидера в контексте реальной исторической фигуры Хун Сюцюаня, можно отметить, что для реализации лидерских качеств этого революционного деятеля Китая XIX столетия было необходимо несколько факторов. Объективным условием взлета в качестве лидера нации явилось то, что китайское общество в середине XIX в. находилось в глубоком кризисе, охватывавшем экономическую, социальную, духовную сферы жизни великого народа. Для преодоления негативных процессов, свойственных китайскому государству в тот период, возникла необходимость в проведении коренных преобразований, способных ускорить развитие китайского народа и сформировать конкретное направление по преобразованию традиционного китайского общества. Для решения этих грандиозных задач нужен был незаурядный человек, обладающий всем спектром лидерских качеств, что воплотилось в выдвижение в качестве политического лидера Хун Сюцюаня. Его личностные качества, реализуемые в новых идеологических взглядах, явились притягательными ориентирами для широких народных масс, ждущих коренных преобразований в обществе. Хун Сюцюань в силу своей полити-

ческой харизмы сумел повести миллионы беднейших слоев населения на борьбу с правлением маньчжурской династии Цин, что привело к достижению значительных успехов восстания тайпинов. Все эти факторы в совокупности воплотились в реальной социально-политической действительности Китая XIX столетия, однако существенные личностные свойства лидера тайпинского движения в конечном итоге повлекли за собой нарастание количества неудач в революционном движении, а затем неизбежно привели к поражению тайпинского восстания. То есть противоречивость и непоследовательность в действиях Хун Сюцюаня как лидера китайского народа не позволили тайпинскому движению реализовать все цели, стоявшие перед ним.

Обсуждение

Выделяя черты политического лидерства, Блондель определяет политическое лидерство как власть, с тем, чтобы побудить членов нации к действиям [1].

Изучая деятельность Хун Сюцюаня в условиях середины XIX столетия в Китае, можно выделить различные аспекты, характеризующие его как личность, проявившую качества политического лидера и руководителя массового народного движения. Однако следует отметить, что, будучи лидером тайпинского движения, он ярко проявил такое индивидуальное качество, как склонность к руководству большим количеством людей с различными социально-политическими стремлениями. Данный аспект соответствует определению политического лидерства в работе известного политолога и историка Арчи Брауна и характеризуется «стремлением окружающих ориентироваться на лидера и следовать за ним» [2].

В работе Слизовского, посвященной методологии исследования политического лидерства на исторических примерах, говорится об особых возможностях этого подхода, открывающих генезис лидерства и позволяющих получить новые выводы [10].

Необходимо отметить, что, проявляя яркие политические лидерские качества, Хун Сюцюань реализовал свои индивидуальные черты в тот исторический момент, когда Китай находился в периоде тяжелейшего политического, социального, экономического, культурного кризиса. Фигура этого исторического лидера Китая стала востребована во время общественного перелома, когда традиционное китайское общество для реализации процесса коренных преобразований объективно нуждалось в яркой индивидуальности, способной влиять на основные аспекты жизнедеятельности общества [16].

Следует сказать, что Хун Сюцюань в то историческое время являлся не только политическим лидером массового народного движения тайпинов, но реализовывал и полномочия руководителя, который в процессе своей деятельности осуществлял целый комплекс значимых функций в рамках практического управления деятельностью больших масс населения Китая, вовлеченных в тайпинское движение.

Хун Сюцюань, проявляя качества политического лидера, в полной мере воплощал в своей деятельности доминирование своей политической воли по отношению к другим участникам тайпинского движения. Он в силу высоких индивидуальных свойств сумел подчинить большое количество лиц, участвующих в широком народном протестном процессе [25].

Этот исторический деятель оказывал большое влияние на всех соратников тайпинского восстания. Лидерские качества позволяли Хун Сюцюаню добиваться от сотен тысяч людей беспрекословного следования за собой в самых острых ситуациях, неизбежно складывавшихся в ходе ожесточенной борьбы за власть. Хун Сюцюань занимал особое положение в рамках межличностных отношений, выделяясь на фоне других исторически значимых деятелей тайпинского движения.

Трудно однозначно определить феномен политического лидерства данной исторической личности, однако роль Хун Сюцюаня зримо и объективно проявляется в тех результатах политического движения тайпинов, которые были достигнуты в середине XIX в. в Китае. Индивидуальные черты Хун Сюцюаня реализовывались в различных приемах и способах осуществления роли политического лидера многомиллионных масс китайского населения. Он, являясь политическим лидером, умел объективно добиться такого комплекса властных полномочий, которые позволили Хун Сюцюаню сосредоточить в своих руках большой объем политической власти. Реализовывая свои лидерские качества, он успешно навязывал свою волю значительному количеству членов общества, что в конкретной исторической обстановке реально воплощалось в совершении многими тысячами рядовых членов китайского общества конкретных определенных действий по достижению целей, на которых была направлена воля Хун Сюцюаня. В фигуре этого китайского деятеля воплотился такой аспект властных полномочий лидера, как его непосредственное воздействие на рядовых участников тайпинского восстания. Он, исходя из исторических обстоятельств того периода времени, осуществлял лидерские полномочия по вертикали, при этом Хун Сюцюань находился на самой вершине данной социально-политической конструкции и непосредственно навязывал свою волю всем лицам, оказавшимися в подчинении у него [8, с. 35–37].

Фигура Хун Сюцюаня как политического лидера объективно укладывается в контексте исторических закономерностей развития тайпинского движения и его качества как вождя значительных масс населения во многом определяли успех восстания тайпинов в середине XIX столетия. Многогранность деятельности этого лидера проявлялась в том, что он, формируя массы своих сторонников, умело использовал конкретные социально-политические обстоятельства, сформировавшиеся в Китае в середине XIX в. Он широко использовал антиманьчжурские настроения, т. к. в то время в стране правила династия Цин, представлявшая собой маньчжурских завоевателей, осуществлявших длительное время политическое господство в Китае [15].

Хун Сюцюань умело использовал настроения народных масс, особенно бедняков, которые существенно страдали во время правления маньчжурской династии. Тем самым Хун Сюцюань как политический лидер в своей деятельности использовал сложившуюся социально-политическую среду в качестве необходимого условия для реализации целей тайпинского движения. Немаловажную роль в политическом лидерстве данного исторического деятеля Китая сыграл его имидж. Политический образ лидера тайпинского движения во многом соответствовал настроениям широких масс крестьян, что предопределяло значительную поддержку населения революционным процессам, осуществляемым, руководимым Хун Сюцюанем.

Анализируя фигуру Хун Сюцюаня, можно отметить, что он обладал значительной харизмой и политическая власть в тайпинском государстве во многом отождествлялась с личностью данного политического лидера. Харизматичность Хун Сюцюаня проявлялась в том, что как лидер он сформировался в период глубокого кризиса китайского общества. Харизматическая власть лидера в данном конкретном историческом моменте заключалась в прямой зависимости между вождем тайпинского движения и многочисленными его сторонниками. Рассматривая индивидуальные качества личности Хун Сюцюаня прежде всего можно выделить то, каким образом он по пути реализации своей политической программы анализирует наиболее важные аспекты общественной среды, сложившейся в ту историческую эпоху. Как политический лидер он проявил важные качества, которые позволили сформировать ему образ мудрого вождя. Хун Сюцюань, будучи лидером тайпинского восстания, проявлял такое основополагающее качество вождя народных масс, как решительность, что позволяло ему расширять количество сторонников движения и придавало

его политическому имиджу те необходимые черты, которые в наибольшей степени импонировали чаяниям народных масс. Следует сказать, что на формировании Хун Сюцюаня как политического лидера объективно сказались его индивидуальные личностные характеристики, в которых зримо проявились такие элементы, как ум, стремление к результату, самообладание, упорство в достижении целей. Все эти качества вождя тайпинского восстания оказали непосредственное влияние на развитие массового движения крестьянского восстания в Китае в середине XIX столетия. Большое влияние на формирование лидерских качеств Хун Сюцюаня оказало его стремление к обучению. Все исследователи отмечают, что с самого раннего периода жизни он добивался весьма высоких результатов в учебе, что в дальнейшем позволило ему реализовать свои стремления к занятию более высокого положения в Китайском обществе того времени. Получив хорошее образование, Хун Сюцюань изучал многие произведения, касающиеся политических, социальных, экономических, культурных проблем общества, и на базе этого уже в молодом возрасте Хун Сюцюань постепенно сформировал основы идеологии движения тайпинов. Высокий уровень интеллекта данного политического лидера позволил ему еще в молодом возрасте объективно выделяться среди представителей крестьянских масс и служил в качестве отправного момента его политической карьеры в китайском обществе. Интеллект, как и стремление к достижениям, целеустремленность входят в ядро характеристик личности политического лидера, создавая базу для успешного принятия политических решений [23].

Хун Сюцюань, используя знания, полученные в ходе своего образования, играл значительную роль в создании программных документов «Общества поклонения Небесному Владыке», а затем проявил большие организаторские способности по налаживанию практической работы данного политического общества. Разработанные им самим идеологические установки Хун Сюцюань широко использовал в качестве предводителя тайпинского восстания. Еще до начала массового движения тайпинов он, развивая свои воззрения в стихах, написанных им в 1837 г., в той или иной степени обосновывал свое лидирующее положение в обществе [6, с. 26–29].

Хотя на начальном этапе политической деятельности его ждали неудачи, однако концепция избранного Небом лидера, последовательно осуществленная в ходе тайпинского движения, оказалась весьма плодотворной. Многие исследователи полагают, что Хун Сюцюань в силу особенностей своего личного развития верил в божественное предназначение и полагал, что он может быть Императором Китая. Эти особенности личностных качеств Хун Сюцюаня проявились в том, что при разработке идеологических основ тайпинского движения он значительное внимание уделял религиозному обоснованию восстания тайпинов, что позволяло подчеркивать его исключительное духовное положение среди массы соратников. Такая ориентированность на религиозные установки позволила Хун Сюцюаню как политическому лидеру сплотить вокруг и повести за собой большое число обедневшего крестьянства. Тем самым тайпинское движение за сравнительно короткий период времени приобрело массовый характер [4, с. 45].

Уверенность Хун Сюцюаня в своем божественном предназначении придавала ему непоколебимую уверенность в правильности идей, реализуемых тайпинами, и позволяла вести за собой миллионы обездоленных крестьян, что привело к значительным успехам на начальном этапе тайпинского восстания. Сторонники Хун Сюцюаня преподносили его взгляды «Общества поклонения Небесному Владыке» как новое религиозное учение, противопоставляя их традиционным верованиям китайского общества [17].

Участники тайпинского движения, следуя взглядам Хун Сюцюаня призывали широкие массы населения отречься от таких традиционных религиозных учений,

как буддизм, даосизм и культ предков. Сам Хун Сюцюань решительно призывал к разрушению статуй даосских и буддийских идолов и активно проповедовал среди особенно молодых членов тайпинского движения свою новую религию [20].

Такой подход привлекал значительное количество молодых китайцев, которым импонировали взгляды и убеждения их духовного лидера и его стремления разрушить устои традиционного китайского общества [21, с. 65].

Радикальность политико-религиозных взглядов Хун Сюцюаня способствовала укреплению его авторитета среди населения Китая и явилась одним из краеугольных камней политического имиджа этого выдающегося деятеля XIX столетия [22, с. 269].

Активная пропаганда идей «общества поклонения Небесному Владыке» создавала устойчивые предпосылки для выдвижения Хун Сюцюаня на роль верховного лидера движения тайпинов. Данная концепция напрямую связана с веберовским пониманием харизматичного лидера, а именно религиозность, пророчество, донесение истины — сила, мотивирующая других на свершения [3]. Хун Сюцюань был именно лидером, использующим религиозные мотивы, называя себя избранным Небом. Как отмечает Овсянников, Хун Сюцюаню была близка христианская идея «общества всеобщего блага», которая соответствовала древнекитайским представлениям о справедливом обществе [9, с. 121].

Кроме того, массы беднейшего китайского населения, воспринимая новые взгляды лидера, доверяли ему как личности, способной возглавить народную войну против маньчжурской династии Цин. В становлении Хун Сюцюаня в качестве верховного лидера движения китайских крестьян значимую роль сыграло его социальное происхождение. Хун Сюцюань родился в крестьянской семье, т. е. его окружала социальная среда, в которой наблюдалось острое недовольство экономическим положением беднейших слоев населения. В силу этого Хун Сюцюань наиболее близко воспринимал все коренные интересы и чаяния угнетенных жителей сельских районов и ему было объективно легко сформировать устойчивые отправные точки широкого народного движения с целью добиться коренных преобразований в жизни тех социальных слоев китайского народа, которые он представлял. Происходя из крестьянской семьи, Хун Сюцюань в своей деятельности использовал имидж защитника угнетенных. Данное обстоятельство сыграло весьма существенную роль в быстром расширении социальной базы тайпинского восстания, и он, являясь одним из угнетенных, в глазах беднейшего крестьянства олицетворял тот политический имидж, который был необходим для лидера массового революционного протеста, каковым явилось восстание тайпинов в середине XIX столетия в Китае. Хун Сюцюань, приобретая все больший политический вес среди миллионов бедняков, активно пропагандировал идеологию «Общества поклонения Небесному Владыке» [18].

Эта агитация имела несомненный успех, т. к. Хун Сюцюань, будучи членом общества низкого происхождения, хорошо осознавал социально-экономические условия жизни беднейшего крестьянства и в силу своего социального происхождения мог активно влиять на массовое сознание бедняков с целью участия их в революционном движении тайпинов [19].

Для деятельности Хун Сюцюаня как политического лидера значительных масс населения характерным явилось то, что при общении с представителями беднейших слоев китайского общества ему не нужны были посредники. Он сам, являясь представителем этих социальных слоев, мог эффективно внедрять свои идеи в сознание крестьян и тем самым объективно формировать в глазах беднейших представителей китайского народа свой политический образ как действительного выразителя чаяний и интересов миллионов крестьян, проживавших в Китае в условиях сильного социально-политического, экономического угнетения. Реальная близость

Хун Сюцюаня к беднейшим представителям китайского общества играла значимую роль в быстром росте количества последователей его идеологических воззрений, что несомненно сказалось на формировании устойчивой поддержки деятельности Хун Сюцюаня во главе тайпинского восстания.

Следует отметить, что в начальный период революционного движения отрицательным фактором, влияющем на становление Хун Сюцюаня в качестве политического лидера массового народного движения, явилось то, что ему в 1843 г., в момент создания «Общества поклонения Небесному Владыке», исполнилось всего 29 лет. Столь молодой возраст не позволял этому выдающемуся историческому деятелю на начальном этапе разворачивания движения тайпинов сформировать достаточно значительные массы населения, которые бы неуклонно поддерживали его революционные идеи. Этот фактор сказывался в том, что Хун Сюцюань, будучи молодым человеком, не имел достаточного социального, политического и экономического опыта для плодотворной реализации своих идей в рамках общественной деятельности, которая имела целью существенно повлиять на традиционную структуру китайского общества. Этот опыт и навыки Хун Сюцюань и его ближайший сторонник Фэн Юньшань быстро приобретали во время агитационной деятельности, осуществляемой среди беднейших слоев населения Китая, что позволило будущему лидеру тайпинского восстания сформировать основные направления воздействия на сознание широких народных масс для распространения своих революционных воззрений среди многомиллионного китайского народа. Дальнейший успех агитационной работы Хун Сюцюаня обусловлен тем, что примерно к тридцати годам он сумел практически полностью сформировать свои идеологические воззрения, что позволило данному историческому деятелю более уверенно и решительно влиять на массовое сознание бедных слоев населения для привлечения их на свою сторону. Немаловажным обстоятельством успеха пропаганды и агитации движения «Общества поклонения Небесному Владыке» явилось то, что Хун Сюцюань и его ближайший соратник Фэн Юньшань обладали высоким уровнем энергии, которую в полном объеме использовали для подготовки и реализации восстания тайпинов. Существует большая вероятность, что политическим лидером массового народного движения может стать личность, обладающая высоким уровнем жизненной энергии, что привлекает на его сторону большое количество представителей того или иного общества. Примерно в течение семи лет Хун Сюцюань сумел развернуть процессы агитации и политической пропаганды своих взглядов в среде китайского населения, что в конечном итоге привело к возникновению широкой поддержки со стороны беднейших членов общества движения тайпинов. Необходимо отметить также, что довольно длительный период массовой агитации, осуществляемой Хун Сюцюанем и его сторонниками, объективно привел к тому, что этот политический и исторический деятель достиг того возраста, который по представлению широких народных масс Китая был сопоставим с фигурой лидера — к началу тайпинского восстания ему исполнилось 36 лет. То есть, по оценке представителей беднейших слоев китайских крестьян, возраст Хун Сюцюаня соответствовал критерию мудрого политика. Это связано с тем, что согласно многим научным исследованиям, средняя продолжительность жизни в Китае составляла около 40 лет [19].

Личностные качества Хун Сюцюаня позволили ему выделиться среди группы руководителей тайпинского восстания, и к 1854 г, когда движение тайпинов достигло своего пика, авторитет Хун Сюцюаня среди представителей революционного движения был неоспорим и он играл значимую роль в принятии наиболее важных решений восстания тайпинов. Такер говорит в своей работе о праве лидеров на власть и влияние, а также о реализации мотивов и желаний, благодаря получаемой власти [13].

Небезынтересен тот факт, что в документах тайпинского движения и идеологических концепциях этого восстания личность Хун Сюцюаня отождествлялась с его божественным происхождением. Хун Сюцюань принял титул «Небесного Князя» [12, с. 26].

Он обладал значительным запасом уверенности в основных направлениях своей деятельности и считал, что его амбиции должны были быть реализованы. Хун Сюцюань как руководитель движения тайпинов ставил перед собой такую историческую цель, как освобождение китайского народа от власти маньчжурской династии Цин. Являясь политическим лидером, он был преисполнен веры в успех восстания тайпинов и прилагал значительные усилия для последовательного укрепления революционной идеологии тайпинского движения, что привлекало все большее количество сторонников.

Однако наряду с позитивными свойствами политического лидерства Хун Сюцюаня в его деятельности как главы широкомасштабного движения тайпинов проявлялись существенные недостатки, которые в последний период тайпинского восстания отрицательным образом сказались на существовании тайпинского государства. Жесткий подход Хун Сюцюаня к вопросам борьбы с традиционными религиями китайского общества способствовал увеличению количества противников революционного движения тайпинов. Кроме того, будучи личностью, в значительной степени подверженной перепадам эмоционального состояния, Хун Сюцюань допускал значительные ошибки в решении конкретных экономических, социальных и политических задач, возникавших в ходе революционного движения тайпинов, что отталкивало от него представителей традиционного китайского общества. Негативное воздействие на решение практических вопросов тайпинского восстания оказало то, что Хун Сюцюань, исходя из личных желаний, решил создать новую столицу тайпинского восстания именно в Нанкине и, таким образом, стать «Небесным Князем», а также законным правителем всего Китая. Весьма негативное влияние на ход тайпинского восстания оказывала некоторая отчужденность Хун Сюцюаня от практического воплощения достижений поставленных революционных целей. Будучи политическим лидером тайпинов, он не обратил необходимого внимания на значительное повышение авторитета других руководителей тайпинского движения, что повлекло за собой раскол в рядах восставших. Достигнув ощутимых успехов в момент подъема восстания тайпинских масс, Хун Сюцюань в существенной степени потерял реальную взаимосвязь с объективной обстановкой в силу своих личностных качеств; он окружил себя роскошью и на заключительном этапе тайпинского движения большое внимание уделял созданию религиозных трактатов и манифестов, которые не имели актуального значения для практических действий тайпинов. То есть личные интересы этого политического лидера Китая XIX столетия постепенно сместились в сторону достижения высокого личного материального положения, а также поддержания общественного статуса как «Небесного Князя». Не занимаясь постоянным решением конкретных вопросов, возникавших в последний период тайпинского восстания, Хун Сюцюань самоуверенно полагал, что не обязан решать эти трудноразрешимые задачи. Кроме того, распоряжения в управлении и военной стратегии опирались на мистическое богообщение, не имевшее никаких рациональных объяснений.

В работе Халитовой и Слинько, посвященной харизматическому лидерству, эта черта упоминается как вера человека в свое мессианское предназначение [14, с. 165].

Один из повстанческих полководцев вспоминал, что вера Хуна Сю-цюаня в божественное предопределение и собственную избранность граничила с болезненным нарциссизмом [12, с. 255].

Все это постепенно сокращало роль Хун Сюцюаня в тайпинском движении, хотя его политический имидж до конца восстания оставался весьма высоким среди рядовых участников этого движения [7].

Говоря о причинах поражения восстания, Сулимов выделяет общие черты анти-системных лидеров, которые были присущи и Хун Сюцюаню, «антисистемные реформаторы принялись не “ремонттировать” терпящую кризис действительность, а разрушать ее, предлагая взамен нежизнеспособные, почерпнутые из синкретической словесности и болезненных галлюцинаций образцы»[11, с. 89].

Литература

1. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М. : Российская академия управления, 1992.
2. Браун А. Политическое лидерство и политическая власть // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 104–120.
3. Вебер М. Социология религии. Типы религиозных сообществ / пер. М. И. Левиной. Кельн; Берлин, 1964.
4. Илюшечкин В. П. Крестьянская война тайпинов. М. : Восточная литература, 1967.
5. Илюшечкин В. П. Тайпины и конфуцианство // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М. : Наука, 1982. С. 233–247.
6. Манифест о спасении всех китайцев, рожденных и вскормленных небом // Тайпинское восстание 1850–1864. Сборник документов. М. : изд-во АН СССР, 1960.
7. Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М. : Восточная литература, 2005.
8. Новое сочинение в помощь управлению // Тайпинское восстание 1850–1864. Сборник документов. М. : изд-во АН СССР, 1960.
9. Овсянников В. И. Тайпины: поиск будущего в прошлом // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 3. С. 120–129.
10. Слизовский Д. Е. Политическое лидерство: методологические проблемы исторической интерпретации // Вестник российского университета дружбы народов РУДН. 2003. № 4. С. 20–23.
11. Сулимов С. И. Антропологический аспект антисистемы: Маздак и Хун Сю-цюань // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. № 1. С. 78–92.
12. Тайпинское восстание 1850–1864. Сборник документов // сост. В. П. Илюшечкин, О. Г. Соловьев. М. : Издательство восточной литературы, 1960.
13. Такер Р. С. Политическая культура и лидерство в Советской России: От Ленина до Горбачева // США: Экономика. Политика. Идеология. 1990. № 1–6.
14. Халитова Е. Ю., Слинко Е. А. Политический имидж политика в контексте концепции харизматического лидерства // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 5. С. 163–169.
15. Fishbourne E. Impressions of China and Present revolution. L., 1855.
16. Franz Michael. Military Organization and Power Structure of China during the Taiping Rebellion // Pacific Historical Review. University of California Press. Vol. 18. N 4 (Nov., 1949). P. 469–483.
17. Hamberg T. The Chinese rebel chief, Hun-Siu-tseun and the origin of the insurrection in China / ed. by G. Pearse. L. : Walton and Maberly, 1855.
18. Kilcourse C. S. Taiping Theology The Localization of Christianity in China, 1843–64. Palgrave Macmillan, 2016.
19. Pomeranz K. The Great Divergence. China, Europe, and the making of the modern world economy. New Jersey : Princeton University Press, 2000.
20. Reilly T. H. The Taiping Heavenly Kingdom: Rebellion and the Blasphemy of Empire. Washington : University of Washington Press, 2004.
21. Spence J. D. God's Chinese son. The Taiping Heavenly Kingdom of Hong Xiuquan. Glasgow : Caledonian International Book Manufacturing Ltd, 1996.
22. The Cambridge History of China. Vol. 10. Late Ch'ing 1800–1911. Part I / ed. by D. Twitchett, J. Fairbank. L.–NY–Melbourne : Cambridge University Press, 2008.
23. Tucker R. C. Politics as Leadership. Columbia : University of Missouri Press, 1981.
24. Unschuld P. U. Chinas Trauma — Chinas Stärke. Niedergang und Wiederaufstieg des Reichs der Mitte. Springer Vieweg, 2016.
25. Yap M. The Mental Illness of Hung Hsiu-Chuan, Leader of Taiping // Rebellion The Far Eastern Quarterly. Vol. 13. N 3 (May, 1954). P. 287–304.

Об авторе:

Демидова Елена Николаевна, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук; demiova_en@spbstu.ru

References

1. Blondel J. Political Leadership: towards a general analysis. Moscow: Russian Academy of Management, 1992. (In rus)
2. Brown A. Political Leadership and Political Power // Polis. Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2016. No. 1. P. 104–120. (In rus)
3. Weber M. Sociology of Religion. Types of religious communities / translation of M. I. Levina. Cologne; Berlin, 1964. [Electronic resource]. URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/soc_gapochka_hrestomatia/r3.pdf (contact date: 27.11.19). (In rus)
4. Ilushechkin V. P. Peasant War of the Taipings. M.: Oriental Literature, 1967. (In rus)
5. Ilyushechkin V. P. Taipings and Confucianism // Confucianism in China. Problems of theory and practice. M.: Science, 1982. P. 233–247. (In rus)
6. Manifesto for the Rescue of All Chinese Born and Fed by Heaven // The Naples Uprising 1850–1864. Collection of documents. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960. (In rus)
7. Nepomnin O. E. History of China: The Qing Era. 17th and early 20th century. M.: Oriental Literature, 2005. (In rus)
8. New writing in aid of governance // The Taiping Uprising 1850–1864. Collection of documents. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960. (In rus)
9. Ovsyannikov V. I. Taiping: Search for a Future in the Past // Problems of the Far East [Problemy Dal'nego Vostoka]. 1987. No. 3. P. 120–129. (In rus)
10. Slizovsky D. E. Political Leadership: Methodological Problems of Historical Interpretation // Journal of the Russian University of Friendship of the Peoples [Vestnik rossiiskogo universiteta družby narodov RUDN]. 2003. No. 4. P. 20–23. (In rus)
11. Sulimov S. I. Anthropological aspect of antisystem: Mazdak and Hong Xiu-Tsyuan // Scientific statements of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law [Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo.]. 2019. V. 44. No. 1. P. 78–92. (In rus)
12. The Taiping Uprising 1850–1864. Collection of documents // V. P. Ilushechkin, O. G. Solovyev. M.: Publishing House of Eastern Literature, 1960. (In rus)
13. Tucker R. S. Political Culture and Leadership in Soviet Russia: From Lenin to Gorbachev // USA: Economics. Policy. Ideology. 1990. No. 1–6. (In rus)
14. Halitova E. Y., Slinko E. A. Political image of politics in the context of the concept of charismatic leadership // Central Russian Journal of Social Sciences. 2017. T. 12. No. 5. P. 163–169. (In rus)
15. Fishbourne E. Impressions of China and Present revolution. L., 1855.
16. Franz Michael. Military Organization and Power Structure of China during the Taiping Rebellion // Pacific Historical Review. University of California Press. Vol. 18. N 4 (Nov., 1949). P. 469–483.
17. Hamberg T. The Chinese rebel chief, Hun-Siu-tseun and the origin of the insurrection in China / ed. by G. Pearse. L.: Walton and Maberly, 1855.
18. Kilcourse C. S. Taiping Theology The Localization of Christianity in China, 1843–64. Palgrave Macmillan, 2016.
19. Pomeranz K. The Great Divergence. China, Europe, and the making of the modern world economy. New Jersey: Princeton University Press, 2000.
20. Reilly T. H. The Taiping Heavenly Kingdom: Rebellion and the Blasphemy of Empire. Washington: University of Washington Press, 2004.
21. Spence J. D. God's Chinese son. The Taiping Heavenly Kingdom of Hong Xiuquan. Glasgow: Caledonian International Book Manufacturing Ltd, 1996.
22. The Cambridge History of China. Vol. 10. Late Ch'ing 1800–1911. Part I / ed. by D. Twitchett, J. Fairbank. L.–NY–Melbourne: Cambridge University Press, 2008.
23. Tucker R. C. Politics as Leadership. Columbia: University of Missouri Press, 1981.

24. Unschuld P.U. Chinas Trauma — Chinas Stärke. Niedergang und Wiederaufstieg des Reichs der Mitte. Springer Vieweg, 2016.
25. Yap M. The Mental Illness of Hung Hsiu-Chuan, Leader of Taiping // Rebellion The Far Eastern Quarterly. Vol. 13. N 3 (May, 1954). P. 287–304.

About the author:

Elena N. Demidova, Associate Professor at the Department of International Relations of the Institute of Humanities of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, (Saint-Petersburg, Russian Federation); PhD in Philosophy; demiova_en@spbstu.ru

Результаты эмпирического исследования функционирования каналов электронного участия граждан: материалы экспертного опроса в Санкт-Петербурге¹

Видясов Е. Ю.

Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Российская Федерация; vidyasov@lawexp.com

Results of Empirical Study of Channels of Electronic Participation of Citizens: Materials of Expert Survey in St. Petersburg

Evgeniy Yu. Vidyasov

ITMO University, Saint-Petersburg, Russian Federation; vidyasov@lawexp.com

Статья представляет результаты эмпирического исследования функционирования инструментов электронного гражданского участия в Петербурге. Исследование проводилось с целью выявления специфики функционирования различных коммуникационных каналов, обеспечивающих участие граждан в жизни города, решении социально-значимых проблем и т. д. Исследование было проведено методом экспертного опроса в январе-феврале 2020 г. в Санкт-Петербурге. В состав экспертной группы из 50 человек вошли представители органов местного самоуправления, территориальных управлений, региональных властей и управляющих компаний, лица, принимающие решения в сфере управления территориями, занимающиеся непосредственно коммуникаций с гражданами, внедряющие проекты электронного участия (рис. 1).

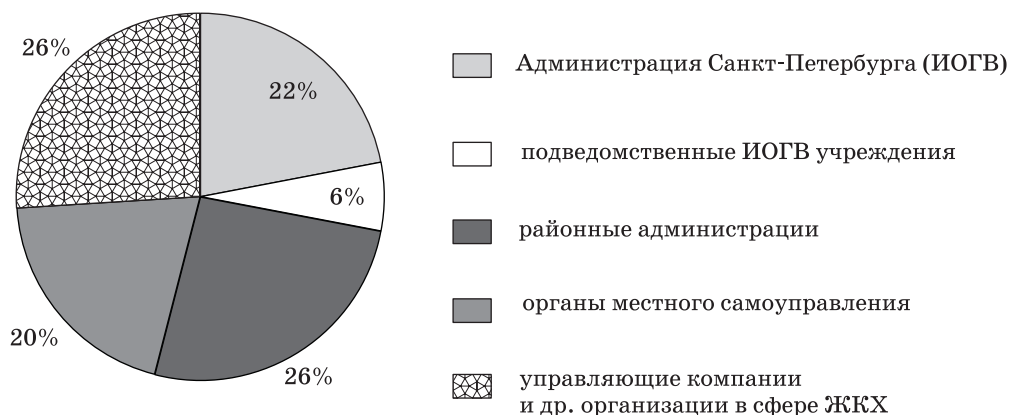

Рис. 1. Распределение экспертной группы в соответствии с принадлежностью к различным структурам, 2020 г.

Fig. 1. Distribution of expert group according to membership of various structures, 2020

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-311-9003 «Электронное участие граждан в городском управлении на примере Санкт-Петербурга»).

Среди опрошенных экспертов 38% имеют более 10 лет опыта административной работы, 34% — от 5 до 10 лет, 14% — от 3 до 5 лет, и 14% — менее 3 лет. Кроме того, 18% экспертов более 10 лет взаимодействуют с гражданами по электронным каналам, 34% — от 5 до 10 лет, 30% — от 3 до 5 лет, и 18% — менее 3 лет. По данным опроса, подавляющее большинство экспертов (67,3%) каждую неделю взаимодействуют с гражданами тем или иным способом в рамках выполнения служебных обязанностей (рис. 2).

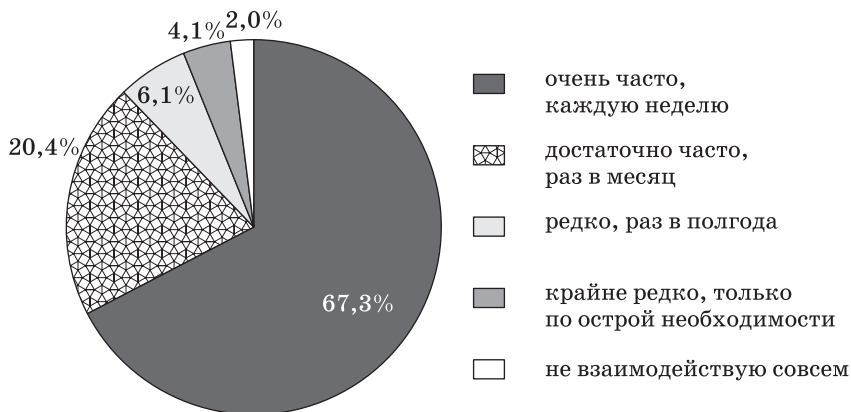

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вам приходится взаимодействовать с гражданами в рамках выполнения служебных обязанностей?»

Fig. 2. Distribution of answers to the question "How often do you have to interact with citizens in the performance of official duties?"

Наиболее популярным предметом для общения с гражданами является обработка поступающих от них обращений по электронным каналам (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Входит ли в Ваши обязанности выполнение задач, связанных с обеспечением функционирования следующих электронных каналов?», множественный выбор ответа

Fig. 3. Distribution of answers to the question "Is it your responsibility to perform tasks related to the operation of the following electronic channels?", multiple selection of the answer

В рамках опроса эксперты могли выбрать несколько предметных областей, с которыми связано выполнение их служебных обязанностей. По данным опроса, 46% занимаются коммунальной и инженерной инфраструктурой, 34% — вопросами экологической безопасности и благоустройства территории, 20% — информационными технологиям, 24% — вопросами потребительского рынка и предпринимательства, 26% — транспортным комплексом, по 10% — вопросами промышленности, внешнеэкономической деятельности и социальной политики, 12% — спорта и менее 5% — в областях культуры, стратегического комплекса, туризма, образования, здравоохранения.

В исследовании особое внимание было уделено оценке различных коммуникационных каналов, реализующих возможности для участия граждан. Каждый коммуникационный канал оценивался по группам социально-экономических, организационных и технологических критериев. В анкете экспертам было предложено оценить по шкале от 5 до 0 критерии работы различных площадок электронного участия (где 5 — максимально высокая оценка, а 0 — отсутствие оцениваемого критерия). В табл. представлены значения средних экспертных оценок по каждому критерию.

По мнению экспертов, наиболее востребованными с точки зрения граждан являются порталы для решения городских проблем, электронные приемные, а также личные визиты в органы власти. Эксперты не отметили больших издержек для граждан ни по одному из предложенных каналов. Они также отмечали, что для использования различных электронных каналов гражданского участия получение ИТ-навыков высокого уровня не является обязательным.

В исследовании оценивалась эффективность решения различных городских вопросов в зависимости от того, каким каналом для этого будут пользоваться жители. По мнению экспертов, площадка «Наш Петербург» обладает в этой связи наибольшим потенциалом. Эксперты оценили наибольшую целесообразность для использования органами власти таких каналов, как электронные приемные, порталы городских проблем и непосредственное общение с заявителями в органах власти. При этом те же самые каналы были отмечены как каналы с наибольшими издержками для органов власти. Наиболее гибким каналом для сбора обратной связи от граждан эксперты назвали очные визиты. Если говорить о нормативной регламентации использования различных каналов, то в этой области эксперты не отметили существенных проблем и противоречий.

Блок технологических критериев оценки получил меньшие баллы от экспертов. Вероятность возникновения сбоев и неточностей эксперты относили преимущественно к электронным каналам коммуникации. Наименее надежными с позиции систем идентификации эксперты считают порталы инициативного бюджетирования, а также системы электронного голосования и краудсорсинг-платформ.

По результатам опроса 76% экспертов оценили опыт взаимодействия с гражданами в целом как позитивный и конструктивный, по его итогам было принято какое-либо решение. Еще 19% считают, что по итогам взаимодействия были предприняты определенные шаги в направлении решения проблемы, но к эффективному решению это не привело. И чуть менее 5% оценили подобный опыт как неконструктивный, диалог не состоялся. Абсолютное большинство экспертов (85,4%) отметили позитивные изменения после начала функционирования порталов электронного участия, а именно — органы власти стали более чутко и оперативно реагировать на их запросы. 4% принявших участие в опросе экспертов считают, что все осталось по-прежнему, и 10% замечают изменения в негативную сторону. По мнению половины экспертов (52%), использование технологий электронного участия может оказать реальное влияние на принятие решений, ориентированных на развитие города. Еще треть частично согласна с этим утверждением. С тем, что механизмы электронного участия могут реально повлиять на городское управление, не согласны 12% экспертов.

Таблица

Экспертные оценки коммуникационных каналов участия граждан в решении социально значимых городских проблем, от 0 до 5
 Table. Expert assessments of communication channels of citizens "participation in solving socially significant urban problems, from 0 to 5

Критерии оценки	Порталы для решения городских проблем (по типу «Наш Петербург»)	Порталы инициативного бюджетирования. Открытый бюджет	Электронные приемные	Системы электронного голосования	Системы краудсорсинга	Очное участие (визиты в органы власти и другие мероприятия)
Социально-экономические						
Востребованность гражданами	4,4	1,9	4,2	2,1	0,9	4,5
Востребованность общественными организациями	1,9	0,9	3,2	1,2	0,7	4,1
Востребованность для бизнеса	2,5	1,3	3,1	1,2	1	3,7
Большие издержки для пользователей	1,4	1,5	1,0	0,9	1,2	1,7
Необходимость высокого уровня квалификации пользователей	2,2	1,9	1,6	1,5	1,3	1,5
Организационные						
Эффективность решения вопроса / задачи / проблемы	4,4	2,1	4,0	2,4	1,6	4,4
Целесообразность использования с позиции органов власти	4,1	2,3	4,1	2,5	1,7	4,2
Большие издержки для органов власти	4,0	2,7	3,4	2,4	1,8	3,6
Гибкость канала для сбора обратной связи от граждан	3,7	2,2	3,7	2,1	1,4	4,3
Наличие препятствий для использования (проблемы нормативной регламентации)	2,4	2,1	1,2	2,1	1,6	1,2
Технологические						
Вероятность возникновения ошибок / неточностей / сбоев	2,5	2,2	1,5	2,0	1,5	1,1
Неравенство в доступе к технологиям	2,0	1,8	1,5	1,7	1,2	0,9
Надежность системы идентификации	3,4	2,6	3,7	2,5	2,2	4,5

Следует подчеркнуть, что результаты экспертного опроса отражают позицию представителей органов государственной власти и местного самоуправления, а также организаций, обрабатывающих запросы граждан, поступающие через различные электронные каналы взаимодействия.

Об авторе:

Видясов Евгений Юрьевич, аспирант Университета ИТМО, (Санкт-Петербург, Российская Федерация); vidyasov@lawexp.com

About the author:

Evgeniy Yu. Vidyasov, Graduate Student of ITMO University (Saint-Petersburg, Russian Federation); vidyasov@lawexp.com

Реализация Национальной стратегии действий в интересах женщин: опыт Санкт-Петербурга

Кашина М. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kashina_soc@inbox.ru

Implementation of the National Strategy for Women: Experience of Saint-Petersburg

Marina A. Kashina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; kashina_soc@inbox.ru

4–5 марта 2020 г. в СЗИУ РАНХиГС состоялась Вторая международная научно-практическая конференция «Женщины на государственной службе», на которой рассматривались проблемы участия женщин в общественной жизни страны, в политике и государственном управлении. В работе конференции приняли участие как ученые, так и практики, в том числе действующие политики — депутаты представительных органов власти всех уровней: федерального, регионального, муниципального, государственные гражданские служащие.

Визитной карточкой конференции стало обсуждение опыта Санкт-Петербурга по реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин, принятой 8 марта 2017 г. Оно состоялось на специальной секции, в рамках которой было проведено заседание Координационного совета при Правительстве Санкт-Петербурга по реализации национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. Модераторами обсуждения стали первый заместитель председателя Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга Н. А. Рогачев и профессор кафедры социальных технологий доктор политических наук М. А. Кашина.

Кратко расскажем о работе этой секции. Начало обсуждению было положено докладом представителей Санкт-Петербургского государственного университета: О. В. Григорьевой, доцента кафедры европейских исследований СПбГУ, кандидата политических наук и Н. О. Плюснина, магистранта СПбГУ на тему «Национальная стратегия действий РФ в интересах женщин и гендерная политика Швеции в трудовой сфере: есть ли точки пересечения?» Авторы подчеркнули, что правительство Швеции официально позиционирует себя как феминистское, т. е. оно проводит политику гендерного равенства на государственном уровне. Целью этой политики выступает достижение в шведском обществе компромисса между максимально большим количеством социальных групп. Правительство понимает, что существующие жесткие социальные роли, в том числе гендерные, ограничивают возможности развития и самореализации людей. Эта политика проводится Швецией не в интересах мужчин или женщин, а в интересах индивидов, граждан, каждый из которых обладает своими особенностями и системой ценностей. Россия и Швеция в 1970-е начинали с одинаковой цели — добиться гендерного равенства, но спустя 50 лет пришли к разным результатам. Это проявляется, в частности, в разных показателях гендерного разрыва (Gender Gap), который фиксируется в докладах Международного экономического форума. Если Швеция, начиная с 2008 г. (год принятия в стране Закона о дискриминации), стабильно занимает первые места в

этом международном рейтинге, то Россия ухудшила свое положение вдвое. В первую очередь это касается гендерного разрыва в доходах женщин и мужчин, который в России составляет 25–29%, а в Швеции только 12% (по странам Северной Европы в целом — 16%).

Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. в настоящее время является единственным документом, определяющим государственную политику в отношении женщин в России, поскольку закона, аналогичного шведскому закону «О дискриминации» у нас нет. Это прорывной документ, поскольку он не только анализирует положение российских женщин в настоящее время, но и определяет цели на будущее. По своей природе он функционалистский, потому что не только ставит проблемы, но и предлагает пути их решения. Его главный недостаток в том, что практически весь текст посвящен только одной роли женщины — материнству, все ее остальные роли рассматриваются как вспомогательные или мешающие выполнению этой главной роли. В нем нет идеи о том, чтобы вовлекать мужчин в работу по дому и в воспитание детей, призыва к тому, чтобы домашняя работа распределялась более равномерно. Хотя в Стратегии и говорится о нематериальной дискриминации по признаку пола, меры по борьбе с ней никак не рассматриваются.

Сравнение шести целей шведского правительства и пяти целей российской Стратегии в интересах женщин показывает, что четыре из них совпадают, однако внешнее совпадение не означает совпадения по сути. Так, для Швеции задача состоит в обеспечении равного доступа к медицинским сервисам всем гражданам, а для России — в том, чтобы сохранить репродуктивное здоровье женщины-матери. В Швеции, в отличие от России, равенство в трудовой сфере понимается очень широко: это и равный доступ к труду, и равная оплата за равный труд, и равные безопасные условия труда для всех, а также равенство в выполнении домашнего труда. Подводя итоги, авторы доклада констатируют, что шведская концепция гендерной политики «пользы для всех» вполне может быть актуальна и для России.

Обсуждение продолжила Е. В. Аргунова, начальник отдела анализа общественного мнения и социальных проблем Санкт-Петербургского информационно-аналитического центра, кандидат политических наук. Она представила доклад на тему «Женщина в политике и на рынке труда: восприятие петербуржцев». Результаты социологических опросов свидетельствуют, что 80% горожан поддерживают участие женщин в политической жизни, 70% не против того, чтобы женщины занимали высокие управленческие позиции. Однако реальная готовность участвовать в политической жизни у женщин меньше, чем у мужчин. При этом меры позитивной дискриминации (политику квотирования при замещении высших государственных должностей) одобряют только 20% мужчин и 26% женщин.

Оценки существования гендерного разрыва в заработной плате оказались не в пользу женщин. Практически поровну (по 40%) тех, кто признает неравенство в оплате труда по признаку пола и тех, кто его не признает. При этом есть еще группа респондентов (8–12%), которые полагают, что женщинам платят больше, чем мужчинам. В любом случае позитивным следует признать то, что мужчины также начинают видеть эту проблему. Хотя нельзя сказать, что это происходит из-за того, что они стали более сознательными. Равенство поддерживается ими с позиций лишения женщин их льгот и привилегий. Мы — мужчины, не сильный пол, а вы — женщины, не слабый. У женщин наоборот растет потребность в помощи и защите со стороны мужчин и государства. Неожиданным стал факт, что почти 40% и женщин и мужчин работоспособного возраста (18–54 года) не разделяют мнение о том, что наличие детей выступает барьером на пути успешной женской карьеры. Вряд ли это означает, что конфликт семья — работа в Санкт-Петербурге уже успешно разрешен, однако заставляет задуматься о приоритетах в семейной и женской политике.

Тему совмещения женщинами семейных и профессиональных обязанностей продолжил Н. А. Рогачев, первый заместитель председателя Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга. Он рассказал о конкретных программах для женщин, реализуемых комитетом в рамках национальных проектов. Первый большой блок программ касается обеспечения доступности дошкольного образования, в частности обеспечение потребностей в детских садах (в том числе с круглосуточным содержанием) и яслях (т. е. для детей до полутора лет). В соответствии с целевыми ориентирами национальных проектов Санкт-Петербург должен к 2021 г. обеспечить 100-процентную доступность мест в дошкольных учреждениях для граждан, имеющих детей. Наличие таких мест позволит женщинам выйти на работу. Однако это не панацея, и даже не всегда оптимальное решение проблемы, по мнению Н. А. Рогачева. Маленькие дети, посещаая детский сад, очень часто болеют, иногда по несколько раз в месяц, что не дает возможности их матерям полноценно работать. Альтернативой может стать институт нянь, но это очень дорогое удовольствие. Исследования показали, что услуги сертифицированной и опытной няни стоят в Санкт-Петербурге 250 руб. в час. Если маме нужно отработать 8 часов и потратить еще 2 часа на дорогу, то ей придется платить няне в день 2,5 тыс. руб. В месяц это будет обходиться в 50 тыс. руб. Статистика заработной платы показывает, что 91% всех работников получает в Санкт-Петербурге зарплату до 50–60 тыс. рублей, и это означает, что мать будет работать только чтобы оплачивать няню.

Еще одной альтернативой является помощь бабушек. Однако повышение пенсионного возраста населения резко сократило эти возможности. Бабушка может взять отпуск по уходу за ребенком до достижения им трех лет, но, поскольку за ней не сохраняется рабочее место, как за матерью, возможно, после этого отпуска ей просто будет некуда вернуться. Кроме того, это время не войдет в ее страховой стаж для пенсии, поскольку она уже использовала эту возможность, когда брала отпуск для ухода за детьми, а не внуками.

Комитетом по труду и занятости населения выработан ряд предложений по решению указанных проблем. В частности, предлагается предоставлять налоговый вычет на расходы, понесенные матерями на няню, а также включить в страховой стаж для бабушек период, проведенный в отпуске по уходу за внуками. На вопрос из зала о том, почему в этой схеме никак не фигурируют папы и дедушки, Н. А. Рогачев признал определенную однобокость представленного анализа, но объяснил, что экономические расчеты строились на основе замещения работающих женщин, а не мужчин, потому что в нашей стране папы и дедушки пока недостаточно компетентны в уходе за маленькими детьми в возрасте до трех лет.

Второй большой блок программ, реализуемых комитетом в рамках защиты трудовых прав женщин, касается переобучения и повышения квалификации. Необходимо подчеркнуть, что речь идет не только о женщинах с маленькими детьми, но и о женщинах предпенсионного возраста. В категории «мамочек» попадает две группы женщин. Первая — это те, кто находятся в отпуске по уходу за ребенком до трех лет и состоят в трудовых отношениях со своим работодателем. Вторая — женщины, которые имеют детей в возрасте до семи лет, но не состоят в официальных трудовых отношениях. Они только планируют выйти на работу. Особенностью обучения второй категории является то, что им во время обучения выплачивается стипендия в размере прожиточного минимума. Тем самым женщины не только получают профессию, но и дополнительную экономическую помощь от государства. Такие программы реализуются в Санкт-Петербурге не первый год и достаточно востребованы у населения, однако проблемой выступает дальнейшее трудоустройство женщин после обучения. К сожалению, количество трудоустроенных в настоящее время составляет всего 10% от обученных.

Обучение женщин предпенсионного возраста — это новый вид деятельности для Комитета по труду и занятости населения. Он очень масштабный, в рамках национального проекта на него выделяются очень значительные средства. Так в 2019 г. на переобучение лиц предпенсионного возраста было выделено 102 млн руб. Обучение должны были пройти 1800 человек, но переобучить удалось в 2,5 раза больше — 4400 человек. Финансирование этой деятельности, в соответствии с национальным проектом, будет нарастать вплоть до 2024 г. Необходимо подчеркнуть, что раньше за год по всем категориям населения переобучалось только 5000 граждан. В одиночку Комитету по труду и занятости населения эту задачу не решить, поэтому необходимо организовать взаимодействие со всеми образовательными учреждениями города, и в первую очередь с СЗИУ РАНХиГС.

В заключение Н. А. Рогачев остановился на вопросах неполной занятости и гибкого рабочего дня. Эти формы наиболее интересны женщинам с маленькими детьми, потому что дают возможность более успешно сочетать профессиональные и семейные обязанности. Как показывает статистика рабочего времени, жители России работают очень много. В год на одного работника приходится 1971 час рабочего времени. Жители Германии работают гораздо меньше, только 1300 часов, но при этом добиваются гораздо больших экономических результатов. Это связано с использованием в этой стране режимов неполной занятости и гибкого рабочего дня. Установлены минимальные почасовые расценки, а также есть своего рода линия отсечения по размеру дохода для получения экономической поддержки от государства. Граждане могут выбрать стратегию неполной занятости, т. е. работать такое количество часов, чтобы не превышать размер дохода, позволяющий получать эту поддержку. Тем самым они имеют достаточно высокий стабильный доход, состоящий из двух частей — почасовой оплаты и государственных пособий. Работая неполный рабочий день, женщины могут больше времени уделить самим себе и своей семье. Возможно, этот опыт стоит использовать и в России.

От вопросов занятости участники секции перешли к обсуждению не менее острой социальной проблемы российских женщин — домашнему насилию. Эта тема в 2019 г. получила широкий общественный резонанс в связи с обсуждением проекта федерального закона о профилактике семейно-бытового насилия. Н. Г. Тихонова, депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга выступила с докладом «Деятельность государственных органов власти Санкт-Петербурга в разрешении проблем семейно-бытового насилия». Она подчеркнула, что принятие закона о профилактике домашнего насилия потребует заметных структурных и кадровых изменений в работе государственных органов. Необходимо будет разработать простой, понятный и четкий алгоритм действий для женщин, подвергшихся домашнему насилию и/или оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Они должны понимать, когда и к кому они могут обратиться, на какую именно помощь рассчитывать. Сейчас борьба с домашним насилием — это сфера деятельности прежде всего общественных организаций, различных кризисных центров для женщин, первые из которых появились в Санкт-Петербурге еще в начале 1990-х. Перевод этой работы на государственный уровень потребует развертывание сети убежищ (шелтеров) по всему городу. В Национальной стратегии действий в интересах женщин есть раздел по профилактике домашнего насилия и социального неблагополучия, однако пока такие убежища есть только в пяти районах Санкт-Петербурга из 18.

Н. Г. Тихонова отметила, что впервые эта тема вошла в повестку деятельности государственных органов в середине 2000-х гг., когда губернатором Санкт-Петербурга была В. И. Матвиенко, активно поддерживающая гендерную тематику в целом. В то время в Комитете по социальной политике был специальный сектор, занимающийся вопросами обеспечения равноправия женщин и мужчин в Санкт-

Санкт-Петербурге. С переходом В. И. Матвиенко в Москву на должность сенатора в Совет Федерации интерес к гендерным проблемам в исполнительной власти Санкт-Петербурга заметно снизился, это касается и темы домашнего насилия. Сейчас в Комитете по социальной политике нет специалистов, отвечающих за гендерную политику и работу по профилактике домашнего насилия. Более полной статистикой по этим вопросам в настоящее время обладает Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге, основные обращения идут в его офис. Эту проблематику он освещает в своих ежегодных докладах Законодательному собранию Санкт-Петербурга. Однако депутаты регионального парламента пока не осознают в полной мере значимость работы по профилактике домашнего насилия. Более того, в ноябре 2019 г. представители фракции ЛДПР даже провели пикет против принятия данного закона. По мнению Н. Г. Тихоновой, можно выделить три группы факторов, объясняющих эту ситуацию. Первая — отсутствие системного подхода, противоречия в действующем законодательстве по данному вопросу, речь идет об известной декриминализации побоев. Вторая — экономические факторы. В случае принятия закона придется выделить средства на развертывание системы убежищ, на их содержание, на подготовку кадров и т. п. Третья, самая главная группа факторов — культурно-ментальные, а именно патриархальное общественное сознание и гендерные стереотипы, которые полагают, что семья — это частное дело, в которое не должно вмешиваться государство, а жертва насилия сама во всем виновата, потому что вела себя неправильно. Тем не менее, работу по продвижению и поддержке данного закона необходимо продолжать.

Далее от представителей государственных органов слово было передано гражданскому обществу — бизнесу и общественным организациям, которые представили свое видение работы по реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин. Т. А. Седых и Н. А. Зайцева познакомили участников секции с корпоративной практикой решения проблем работающих женщин на Октябрьской железной дороге. Два года назад здесь был создан Комитет по совершенствованию условий труда, отдыха и социальной поддержки женщин Октябрьской железной дороги. Основными направлениями работы Комитета является улучшение экономического положения женщин через создание для них условий совмещения семейных и профессиональных обязанностей, а также улучшение условий их труда и повышение доступности медицинских услуг. Всего на Октябрьской железной дороге работает 24 тыс. женщин, что составляет 34% от общей численности работников. Треть из этих женщин (8 тыс.) трудится в Санкт-Петербурге. При этом 6% женщин работают в неблагоприятных условиях, поэтому компанией реализуются специальные программы по улучшению этих условий. В 2019 г. на это был выделен 981 млн руб. Были закуплены бытовые модульные пункты обогрева, оборудованы санитарные комнаты, разработана и приобретена спецодежда, средства индивидуальной защиты сверх тех, которые присутствуют в номенклатурных перечнях. Через систему социальных льгот и компенсаций оказывается помощь работающим матерям, имеющим ребенка в возрасте до двух лет, многодетным и одиноким матерям, матерям с детьми-инвалидами, вдовам, воспитывающих детей. Для женщин проводятся семинары-тренинги и мастер-классы по актуальным проблемам семейной жизни, предоставляются путевки в дни школьных каникул «вместе с мамой», реализуется спецпроект «WomanRZD» (распространение материалов по тайм-менеджменту, управлению стрессом, самопрезентации, эмоциональному интеллекту, деловому стилю и этикету, техникам защиты от манипуляций). Комитет организует правовые консультации для женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, готовит и распространяет различные информационные материалы, например, брошюру «Права женщин в сфере труда». В скором времени на официальном сайте Октябрьской железной дороги появится страница Комитета, на которой также

будет размещены различные информационные ресурсы. При наличии финансирования вся эта работа в 2020 г. будет продолжена.

Далее выступила Е. А. Глейзер — директор по развитию Санкт-Петербургского отделения Общероссийской общественной организации «Женщины Бизнеса». Эта организация существует уже более 20 лет. Отделение в Санкт-Петербурге было решено открыть после Первого Евразийского женского форума. Целевая группа — женщины, занятые в малом и среднем бизнесе, успешно совмещающие семейные обязанности и карьеру. Главное направление деятельности данной организации — информирование женщин о существующих мерах государственной поддержки женщин и семьи. Опросы показывают, что 35% респондентов вообще не знают об этих мерах. Наиболее актуальны два направления информирования — о том, как государство помогает сохранить/восстановить женщинам свои профессиональные компетенции, и о том, как можно качественно провести досуг всей семьей с детьми. Речь идет, например, о льготах для многодетных детей в культурной сфере. Важным направлением работы организации является преодоление предубежденности работодателей в отношении качества работы женщин, имеющих детей. На самом деле, женщина, которой приходится совмещать профессиональные и семейные обязанности, по мнению Е. А. Глейзер, является лучшим работником, потому что она умеет интенсивно работать, правильно расставлять приоритеты и планировать свое рабочее время, чтобы в выходные оставалось больше времени на домашние дела, она знает, что работает ради своей семьи, — поэтому такая женщина более дисциплинированный работник, который не будет находиться в постоянном поиске рабочего места получше, она будет стараться хорошо работать на той должности, которая у нее есть, и дорожить ей.

Тему информирования населения продолжила И. Петрухина — директор по развитию Региональной общественной организации «Правила Роста». Это новая общественная организация, которая 25 марта 2020 г. открыла свои первые два центра в Петроградском районе Санкт-Петербурга и в г. Колпино. Она ориентирована на информационную и консультационную поддержку женщин, прежде всего работающих, поэтому Центры будут работать до 8 часов вечера в будние дни и по субботам. Более того, на консультацию можно будет прийти с детьми и оставить их под присмотром в игровой комнате на время получения консультации у специалистов центра. Эта организация создана в целях информирования о правах и мерах социальной поддержки, которые женщины и семьи имеют в рамках реализации национальных проектов. Необходимо не только информировать граждан о существовании таких мер, но и научить их пользоваться ими. Специалисты центра будут помогать конкретным семьям в конкретных ситуациях, адаптируя общие положения под реальные запросы. Это касается как полных семей, так и семей одиноких родителей (мужчин и женщин). Главная задача — чтобы семья получила необходимую консультацию до возникновения кризисной ситуации. Выделено три основных направления работы «Правил Роста» — правовые консультации, психологическое консультирование, открытый лекторий, в котором специалисты-эксперты будут выступать и проводить мастер-классы по актуальным для семьи проблемам. Планируется, что районные центры будут осуществлять и выездные мероприятия на предприятиях и в организациях. Важным информационным ресурсом станет портал «Льготы детям», на котором можно будет узнать региональные особенности мер социальной поддержки семьи и детей. Тем самым работа общественной организации «Правила Роста» станет значимым элементом инфраструктуры поддержки женщин, семьи и детей в Санкт-Петербурге.

Анализ докладов, прозвучавших в ходе обсуждения петербургского опыта реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин, показывает, что эта работа действительно выступает площадкой для взаимодействия государства

и гражданского общества, государственно-частного партнерства в решении острых социальных и экономических проблем женщин. Нельзя сказать, что все в этом сотрудничестве безоблачно, что уже все крупные хозяйствующие субъекты проводят столь же сильную корпоративную социальную политику по улучшению условий труда и экономического положения работающих женщин, как это делает Октябрьская железная дорога, что все российские женщины имеют полное и ясное представление о возможностях решения своих проблем, которые готово предоставить им государство. Есть недостатки и в самой государственной политике по действиям в интересах женщин, в чем-то она противоречива, где-то непоследовательна, не все важные проблемы женщин нашли в ней свое отражение, не во всем структуры исполнительной власти «заточены» под такую политику, яркий пример — работа по профилактике домашнего насилия. Тем не менее, необходимо согласиться с мнением участников обсуждения о том, что это прорывной и очень своевременный документ социальной политики государства. Работа по нему на региональном уровне с использованием возможностей, которые предоставляют национальные проекты, может быть весьма продуктивной и эффективной, о чем свидетельствует опыт Санкт-Петербурга.

Об авторе:

Кашина Марина Александровна, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; kashina_soc@inbox.ru

About the author:

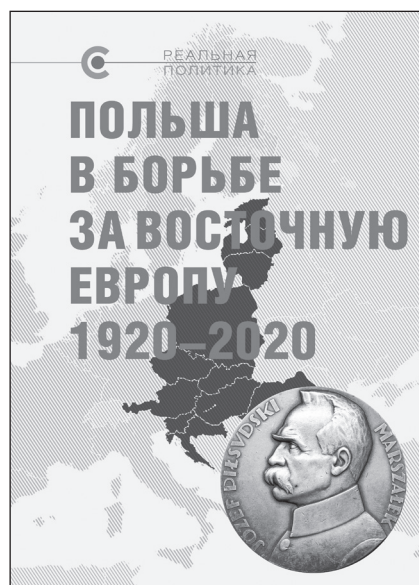
Marina A. Kashina, Professor of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of a RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor; kashina_soc@inbox.ru

Рецензия на сборник статей «Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020»

Маркушина Н. Ю., Межевич Н. М.

Review of the Collection of Articles “Poland in the Struggle for Eastern Europe 1920–2020”

Natalia Yu. Markushina, Nikolay M. Mezhevich

Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. Сб. ст. / под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой ; отв. ред. Д. С. Буневич. — М. : Кучково поле, 2020. — 176 с.: ил. — (Реальная политика)

ISBN: 978-5-907171-17-6

В издательстве «Кучково поле» вышла книга, подготовленная АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив». Главный редактор — советник Генерального директора МИА «Россия сегодня» кандидат исторических наук В. Ю. Крашенинникова.

В интересной работе, вроде бы посвященной локальному сюжету, раскрыты ключевые вопросы не только польской внешней политики, но и общеевропейских проблем международного сотрудничества.

В настоящее время вопросы европейского единства перешли из практической сферы в область теоретических дискуссий. В этих условиях позиция каждого влиятельного европейского государства (разумеется, и Польши) — поиск новой внешнеполитической идентичности.

Этот поиск может быть обращен не только в будущее, но и в прошлое. Именно оттуда извлечена концепция «Междуморья». В основе этой концепции — попытка построить сообщество квазиавтономных государств, разумеется, под польским руководством.

Подавляющее большинство восточноевропейских государств проводит антиросийскую политику, причем в самых различных сферах: от экономического сотруд-

ничества до обеспечения региональной безопасности и даже решения экологических проблем. В этом контексте необходимо проследить исторический срез этих действий, особенно когда мы говорим об истории Польши и ее политических деятелях.

В рецензируемом сборнике статей «Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020» представлены разнообразные подходы к достаточно неоднозначному геополитическому проекту «Междуморье», направленному на объединение под эгидой Польши государств Восточной Европы. Идея принадлежала маршалу Юзефу Пилсудскому и не могла реализоваться на практике. Однако она не была забыта, особенно сегодня, когда нужно найти идеологическую и теоретическую основу для риторики, направленной (в первую очередь) против России.

Нельзя не согласиться с авторами исследований, что на международной арене есть игроки, которые также готовы использовать этот проект для проведения собственной политики. В частности, в сборнике идет речь и о желании США управлять польским политическим настроением, внося разлад в европейские и российские дела.

Важно отметить, что в книге представлен современный анализ вопроса, для ответа на который к работе привлекли широкий круг известных ученых в области истории и международных отношений. Несомненно, актуальность работе как раз и придает сочетание истории и современной международной аналитики.

Лейтмотивом сборника проходит мысль об объективной невозможности для Польши претендовать на первенство в Восточной Европе. Современная ситуация, которая складывается в Европе и мире, конечно, не работает на польское лидерство. Именно об этом пишут авторы рассматриваемого сборника.

Будучи зависимыми от экономической политики Европейского Союза и являясь соседом России, Польская Республика обладает должным весом, чтобы быть проводником американского влияния, однако это понятно не только России, но и Германии, и Франции. При таких условиях достаточно сложно говорить о европейском лидерстве. Однако концепция «Междуморья» — квинтэссенция всего польского исторического опыта — строится на основании нереализованных возможностей и квазиисторических мифов.

Хотелось бы отметить логичность сборника и его структуру. Первый раздел посвящен примерам борьбы Польши за региональное доминирование в начале XX в. Следует отметить концепцию профессора Г. Ф. Матвеева, который говорит о том, что советское руководство не имело в 1919 г. планов по экспансии Польши и «никогого марша на Варшаву и вообще вторжения в этнографическую Польшу советское военно-политическое руководство не планировало» (с. 27).

Второй раздел посвящен феномену «прометеизма» и охватывает интербеллум в истории Польши. Автор (Ф. Л. Сеницын) отмечает, что нацистская Германия перехватила польскую инициативу и использовала ее против СССР, что лишний раз говорит о слабости проекта и его идеологическом обосновании. «В 1893 г. на съезде польских социалистов в Париже был выдвинут проект создания добровольного федеративного союза народов во главе с Польшей. Россию польские национальные деятели считали главным врагом своей нации и поэтому поставили целью, во-первых, отодвинуть границы России как можно дальше на восток и, во-вторых, максимально ослабить ее путем поддержки стремлений других народов, особенно живущих между этнически польскими и русскими территориями...» (с. 59).

Убедительно представлен в сборнике его последний и наиболее содержательный раздел, посвященный современной эксплуатации проекта «Междуморье» и его влиянию на польскую внутреннюю и внешнюю политику. Особый интерес в этом разделе вызывает работа польского исследователя Рафала Риделя — «Новый рыцарь холодной войны в Центральной Европе — Польша».

Автор достаточно жестко определяет Польшу как главного антагониста России в Восточной Европе, подчеркивая ее конфронтационную линию и в Вишеградской группе. В основном подобную политику он связывает с приходом к управлению государством национал-консерваторов с их крайне амбициозными планами, в том числе и на европейское «Восточное партнерство». Правда, сама статья, несмотря на здравый анализ, не избавлена от некоторых антироссийских клише, включающих «европейские трактовки» современной российской политики, в том числе, конечно, и про «аннексию Крыма». Тем не менее, это статья, как и все исследование, будет интересна для российских ученых и экспертов, занимающихся регионом Восточной Европы.

Конечно, один сборник не может охватить весь спектр проблем, обсуждаемых сегодня в Москве и Варшаве. Российские и польские ученые все чаще обращаются к попыткам исследовать природу имеющихся противоречий, анализируя их истоки в идеологических проектах и концепциях. Именно этим актуальным вопросам посвящена данная книга.

Об авторах:

Маркушина Наталья Юрьевна, профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

About the author:

Natalia Yu. Markushina, Professor of the Department of world politics of Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences)

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory". Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ **монографии:**

- Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ **статьи в научных сборниках:**

- Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ **публикации в многотомных изданиях:**

- Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.
Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ **статьи в научных журналах:**

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ **статьи в газетах:**

- Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ **правовые акты:**

- О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

- О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ **архивные документы** (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

- Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

- Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ **электронные ресурсы оформляются следующим образом:**

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).
2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2020. № 4(136)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор

издательско-полиграфического центра

Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом

Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Научные редакторы

д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН

д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

Сдано в набор 01.04.2020.

Подписано к печати 15.04.2020.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,90. Тираж 200 экз.

Заказ № 4/20.

Корректоры:

И. Ю. СЕРОВА

Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ

Верстка С. И. ШИРОКОЙ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром

Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97